10317.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.
VIII.

10317

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМПІЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕНВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРКАСТО, ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА, КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ, ПАУЛЬДИНГА, БИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ, И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

картъ, плановъ, портретовъ, и изображеній замѣчательнѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

Часть восьмая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1837.

39

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Мая 4-го дня, 1837 года.

Цензоръ Д. Перевощиковъ.

65932

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

Океанія: острова Ваникоро, Нитенди, Соломоновы, Новая Ирландія, Новая Британія, Новая Гвинея, Лузіадскіе, и возвращеніе въ Малезію: Целебесъ и Молукскіе острова.

ГЛАВА LXXV.

ВАНИКОРО. ИСТОРІЯ. ПОГИБЕЛЬ ЛАПЕРУЗА.

Ваникоро навсегда останется достопамятенъ въ лѣтописяхъ Французскаго мореплаванія: на его скалахъ погибъ *Лаперузъ*. Долго невѣдали, гдѣ совершилось это несчастное событіе. Отъ послѣдней, роковой битвы несчастнаго мореплавателя съ Океаномъ неосталось ни *одного* человѣка, который разсказалъ-бы намъ о *послѣднихъ* минутахъ бытія Лаперузова. Только въ новѣйшее время, путешествія Диллона и Дюмонъ-Дюрвиля пояснили намъ несчастное окончаніе жизни Лаперуза и обстоятельства событій, сопровождавшихъ гибель его и его товарищей. Желая разсказывать точнѣе и основательнѣе, мы должны обратиться къ исторіи экспедиціи Лаперузовой вообще.

Въ то время, когда Кукъ прославлялъ Великобританію рядомъ путешествій, смѣло предпринятыхъ, искусно исполненныхъ, Франція, подвигнутая соревнованіемъ подвигу, оглашавшему всю

Европу, рѣшилась въ свою очередь отправить кругомъ свѣта экспедицію, въ обширномъ размѣрѣ. Ученый Флерьё составилъ планъ. Людовикъ XVI-й, будучи самъ хорошимъ географомъ, собственноручно писалъ инструкціи, которыя могли-бъ почесться образцовыми, даже и небывши произведеніемъ царственной десницы. Начальникомъ предпріятія избранъ былъ капитанъ *Жанъ-Франсуа Галопъ де-Лаперузъ*, опытный морякъ, родившійся въ 1741 году, совершившій 18-ть кампаній на морѣ, и особенно отличившійся въ походѣ на Англійскія колоніи въ Гудзоновомъ заливѣ. Въ помощь ему придали капитана Делангля, друга его и отличнаго офицера. Ученые люди и моряки, всѣ люди извѣстныхъ достоинствъ, были призваны раздѣлить труды обширнаго предпріятія.

Двѣ *флюты* (flûtes), *Компасъ* и *Астролябія*, были снаряжены для путешествія. Онѣ отплыли изъ Бреста 1-го Августа 1785 года, останавливались у Мадеры, Тенериффа, въ Бразильской гавани св. Екатерины, въ Хилійской гавани Зачатія, посѣтили островъ Пасхи, островъ Мави въ Гавайскомъ архипелагѣ, и начали послѣ сего изслѣдованіе С. З. берега Америки, что составляло одну изъ главнѣйшихъ цѣлей экспедиціи.

Тутъ постигло Лаперуза первое несчастіе. Въ гавани, названной имъ Porte des Français (гавань Французовъ), двѣ шлюпки разбились на опасной мели, и шесть офицеровъ, съ шестнадцатью матрозами, были жертвою такого несчастія.

Съ горестью оставилъ Лаперузъ погибельный берегъ Америки въ Іюнѣ 1786 года, останавливался въ Монтереѣ (въ Калифорніи), переплылъ Тихій Океанъ, едва непогибъ на двухъ неизвѣстныхъ дотолѣ скалахъ, названныхъ имъ Ile Necker и Iles Basses françaises, прошелъ Маріаннскими островами, на широтѣ Успенія, обогнулъ острова Баши, и остановился въ Макао, Января 3-го 1787 года.

Два мѣсяца оставался здѣсь Лаперузъ; потомъ сорокъ дней стоялъ въ Манилла, оставилъ шамошній портъ 10-го Апрѣля, пошелъ къ сѣверу, опозналъ часть береговъ Японскихъ, и исполнилъ превосходный трудъ, описавши неизслѣдованный дотолѣ проливъ между Манджуріею и островомъ Сахалиномъ, названный имъ *Татарскимъ проливомъ*. Почти весь Сахалинъ былъ изслѣдованъ притомъ, а затѣмъ нѣкоторые изъ острововъ Курильскихъ. Лаперузъ остановился въ Петропавловской гавани, въ Камчаткѣ, и отсюда отправилъ онъ сухимъ путемъ, черезъ Сибирь и Россію, молодаго барона Лессепса, съ двойнымъ спискомъ полнаго описанія своего путешествія до Камчатки. Можно-ли было воображать, что этому посланному предоставлена была участь — остаться единственнымъ изъ всѣхъ, находившихся въ экспедиціи Лаперуза, и черезъ 25-ть лѣтъ потомъ — странная судьба! — сопутствовать Наполеону въ ту землю, которую проѣхалъ онъ отъ Камчатки до Петербурга, видѣть всѣ ужасы Московскаго пожара! Отпуская Лессепса изъ Камчатки, товарищи страшились за него опасностей, какія ожидали его въ

прудномъ пути черезъ Сибирь. Такъ славный Монжъ, находившійся съ Лаперузомъ, и по слабости здоровья принужденный воротиться съ Тенерифа, печалился, что неможетъ раздѣлить чести прудовъ и славы своихъ товарищей. . . .

Оставя Камчатку въ Сентябрѣ 1787 года, Лаперузъ направился къ югу; перешелъ экваторъ 21-го Ноября; коснулся одного изъ острововъ архипелага Гамоа, гдѣ погибъ несчастный Делангль; обратился къ Австраліи и прибылъ въ Botанибей, 26-го Января, 1788 года. По странному стеченію случайностей, въ тоже время, недалеко оттуда, близъ Портъ-Джаксона остановился коммодоръ Флиппъ, съ людьми, которые должны были послужить началомъ для будущей колоніи Новаго Южнаго Валлиса. Начальники Англійской и Французской экспедицій взаимно размѣнивались здѣсь вѣжливостью и услугами. Флиппъ принялъ на себя доставить во Францію донесенія Лаперуза — послѣднія полученныя отъ него извѣстія. Въ письмѣ къ Министру морскихъ силъ, Лаперузъ излагалъ планъ своего остальнаго путешествія. Изъ Botанибея хотѣлъ онъ отправиться къ островамъ Тонга; изслѣдовать потомъ нѣкоторыя части Новой Каледоніи, острова Соломоновы, Луизіадскіе, пройдти проливомъ Торреса, и быть въ Иль-де-Франсѣ въ Декабрѣ того-же года. Возвратиться во Францію полагалъ онъ въ Іюнѣ 1789 года.

Но — насталъ и прошелъ 1789-й годъ, потомъ прошелъ 1790 годъ, и никакихъ вѣстей о Лаперузѣ небыло! Несмотря на ужасныя событія, потря-

савшія Францію, прискорбныя сомнѣнія начали превожить соотечественниковъ, трепешавшихъ за жизнь знаменитаго мореплавателя, и болѣе нежели 200, еще остававшихся при немъ сопутниковъ. Національное Собраніе вняло прошенію, какое представлено было ему отъ Общества естествоиспытателей, требовавшаго, чтобы особенная экспедиція была отправлена для отысканія Лаперуза. Декретомъ, отъ 9-го Февраля 1791 года, утвержденнымъ отъ Короля, было положено отправить экспедицію.

Двѣ большія флюпы, *Изысканіе* и *Надежда*, отправились изъ Бреста, 28-го Сентября 1791 года, подъ начальствомъ Дантркасто. На мысѣ Доброй Надежды начальникъ экспедиціи узналъ о донесеніи коммодора Гунтера, утверждавшаго, что острова Адмиралтейства несомнительно должны быть мѣстомъ погибели Лаперуза. Немедленно, оба корабля направились къ этому архипелагу, но за противными вѣтрами, и притомъ составленная изъ плохихъ на ходу судовъ, экспедиція достигла туда непрежде 28-го Іюля 1792 года. Изысканія оказались здѣсь безполезны, и никакихъ слѣдовъ разбитія здѣсь Европейскаго корабля неоткрыто. Дантркасто продолжилъ дѣйствія, какъ было ему предписано. Превосходныя ученыя описанія обнародованныя въ послѣдствіи спутниками Дантркасто Росселемъ и Лабилльярдьеромъ, были единственнымъ вознагражденіемъ, приобрѣтеннымъ большими издержками и безчисленными трудами. Всего болѣе потерпѣла экспедиція въ своихъ начальникахъ, ибо,

почти по неслыханной случайности, три главные командира ея, Дантркасто, Гюонъ де-Кермадекъ и Орибо, умерли, вмѣстѣ съ значительною частью экипажей. Наконецъ, по прибытіи къ острову Ява, корабли были взяты Голландскимъ правительствомъ. Всего спраннѣе въ этомъ изыскательномъ путешествіи, что оба корабля прошли мимо искомаго ими острова Ваникоро, мѣста гибели Лаперузовой, гдѣ, безъ сомнѣнія, нашлись-бы тогда свѣжіе слѣды кораблекрушенія, и даже, можетъ быть, еще кто нибудь въ живыхъ изъ спасшихся отъ общей всѣмъ несчастной участи.

Но успокоивши совѣсть экспедиціею, столь неудачною, непредпринимали никакихъ другихъ покушеній, и казалось, вовсе забыли о Лаперузѣ. *Уранія* и *Раковина*, посланнымъ въ Океанскія моря послѣ возстановленія Бурбоновъ, небыло дано въ этомъ отношеніи никакихъ приказаній. Раковина проходила, 1-го и 2-го Августа 1823 года, въ 4-хъ или 5-ти льё отъ Ваникоро, нимало непредполагая, что на этомъ островѣ находятся слѣды бѣдственной участи достопамятнаго мореплавателя.

Только въ то время, когда Министерство приняло проэктъ, представленный капитаномъ Дюмонъ-Дюрвилемъ, въ концѣ 1825 года, начали снова говорить о Лаперузѣ. Тогда распространился во Франціи слухъ, что какой-то шкиперъ китоловнаго судна видѣлъ крестъ св. Людовика и нѣсколько медалей въ рукахъ дикарей Луизіады и Новой Каледоніи. Подробности разсказа казались достовѣрны и справедливы. Министерство обратило

полное вниманіе. Дюмонъ-Дюрвилю препоручено было удостовѣриться въ степени истины и разрѣшить загадку. Имя корабля его, *Раковина*, перемѣнили на имя *Астролябіи*.

На этомъ кораблѣ отправился Дюмонъ-Дюрвиль, имѣя весьма сбивчивыя данныя; но на пути ожидали его неожиданныя и драгоцѣнныя извѣстія. Пребываніемъ въ Портъ-Джаксонѣ нѣсколько неподтвердились прежніе слухи, но даже открылась неосновательность ихъ. Болѣе удачи было на Тонга-Табу, гдѣ Дюмонъ-Дюрвиль слышалъ изустно отъ Тамаги объ остановкѣ Лаперуза близъ Намука, послѣ отплытія его изъ Ботанибея. Но только въ концѣ 1827 года, находясь въ Гобартъ-Товнѣ, Французскій мореплаватель былъ увѣдомленъ о неожиданномъ дополненіи трудовъ и заботъ своихъ. Ему разсказали шутъ объ открытіяхъ Англійскаго капитана Диллона, и здѣсь время уже подробнѣе объяснить обстоятельства, надѣлавшія столько шума въ Европѣ.

Старый бродяга по Тихому Океану, гдѣ лѣтъ двадцать плавалъ онъ на разныхъ купеческихъ корабляхъ, Диллонъ начальствовалъ въ 1826 году кораблемъ *Сенъ-Патрикъ*, и по дорогѣ изъ Валпарейзо въ Бенгалъ, 15-го Мая, шелъ мимо острова Тикопіа. На лодкахъ, которыя выплыли къ кораблю, находились Пруссакъ Бушардъ и ласкаръ Джое, которыхъ, лѣтъ за тринадцать прежде, оставилъ онъ здѣсь. Джое мѣнялся разными вещами съ экипажемъ корабля, и между прочимъ продалъ констапелю серебряный шпажный эфесъ, на которомъ вы-

рѣзаны были какія-то буквы. Распрашиваемый объ этой вещи, ласкаръ отвѣчалъ, что этотъ эфесъ, и много другихъ вещицъ Европейскаго издѣлія, находились на Тикопіа, а достались онѣ дикарямъ съ сосѣдняго острова Ваникоро, близъ котораго когда-то разбились два Европейскіе корабля. Ласкаръ сказывалъ еще, по словамъ Диллона, что бывши лѣтъ за шесть прежде на Ваникоро, онъ видѣлъ двухъ стариковъ, спасшихся на островъ съ упомянутыхъ кораблей. Онъ присовокупилъ, что близъ острова до сихъ поръ видны корабельные обломки въ морѣ, и ихъ легко можно вынащить. Весь этотъ разсказъ подалъ Диллону мысль, что разбившіеся нѣкогда близъ Ваникоро корабли долженствовали быть Лаперузовы. Онъ уговорилъ было Бушара отправиться вмѣстѣ на Ваникоро, но на тотъ разъ тишь и теченія воспрепятствовали предпріятію. Возвратясь въ Калькутту, Диллонъ представилъ свои замѣчанія Ость-Индской Компаніи и Азіятскому Обществу въ оффиціяльномъ донесеніи, болѣе ясномъ и утвердительномъ, нежели повѣствованіе, какое потомъ передано въ Европу.

« Разсматривая шпажный эфесъ — говорилъ Диллонъ — казалось мнѣ, что я нахожу на немъ начальныя буквы Лаперузова имени. Это возбудило мои подозрѣнія, и заставило меня распрашивать, сколько можно было подробнѣе. При посредствѣ Бушарша и ласкаря, старался я узнать отъ туземцовъ, какъ могли добыть сосѣди ихъ всѣ тѣ серебряныя и желѣзныя вещи, какія у нихъ находятся? Дикари отвѣчали мнѣ, что жившели Малли-

коло (Ваникоро) говорятъ, будто, за много лѣтъ прежде, два большіе корабля подошли близко къ ихъ острову, и что одинъ изъ нихъ бросилъ якорь у острова Вану, а другой у острова Паіу, лежащихъ неподалеку одинъ отъ другаго. Черезъ нѣсколько времени потомъ, и прежде нежели корабли начали сообщеніе съ берегомъ Ваникорскимъ, поднялась буря, и оба корабля кинуло къ землѣ. Тотъ, который былъ на якорѣ у Вану, ударился объ утесы. Дикари бросились толпою на прибрежье, вооружась дубинами, копьями и стрѣлами, которыя стали бросать въ погибавшій корабль. Мореплаватели отвѣчали на непріязнь ихъ пушечными выстрѣлами и убили много народа. Но разбиваемый волнами, и продолжая колотиться о скалы, корабль вскорѣ разлетѣлся на куски. Нѣсколько человѣкъ съ корабля кинулись въ лодки; вѣтеръ пригналъ ихъ къ берегу, и вышедши на землю, всѣ они до одного были убиты дикарями. Другіе, спасавшіеся вплавь, имѣли одну участь съ своими товарищами, такъ, что никто изъ бывшихъ на кораблѣ неизбѣжалъ смерти.

« Корабль, разбившійся тогда-же у Паіу, былъ выброшенъ на песчаную мѣль. Дикари сбѣжались, и такъ-же стали бросать стрѣлы и въ этотъ корабль, какъ бросали ихъ въ другой, но люди, бывшіе на этомъ кораблѣ, благоразумно неотвѣчали на такой знакъ непріязни. Напротивъ, они показали нападавшимъ топоры, пронизки и другія бездѣлки, какъ подарки мирные, и дикари перестали враждовать. Едва только вѣтеръ немного стихъ,

одинъ изъ стариковъ пустился въ море и присталъ къ кораблю. Этотъ старикъ былъ изъ числа старшинъ. Его приняли ласково и поднесли ему подарки, которые онъ взялъ. Возвратясь къ берегу, успокоилъ онъ своихъ земляковъ, и сказалъ имъ, что на кораблѣ были люди добрые и ласковые, послѣ чего многіе изъ дикарей поплыли къ кораблю и получили тамъ подарки. Вскорѣ повезли они отдарить гостей иньямы, живность, бананы, кокосы, свиней, и съ обѣихъ сторонъ утвердилась довѣренность.

« Бѣлые люди, бывшіе на кораблѣ, принуждены были оставить его. Они сошли на берегъ, неся съ собою много разныхъ вещей. Нѣсколько времени оставались они на землѣ, и построили маленькое судно изъ остатковъ большаго. Едва только судно ихъ было готово, отплыли они, забравши столько людей, сколько могло помѣститься, и въ изобиліи снабженные свѣжими припасами отъ дикарей. Начальникъ обѣщалъ людямъ, оставшимся на островѣ, скоро возвратиться, взять ихъ, и дикарямъ привезти подарковъ, но никогда потомъ неслыхали дикари ничего, ни объ маленькомъ суднѣ, ни объ людяхъ, которые на немъ уплыли. Оставшіеся на островѣ бѣлые поселились у разныхъ старшинъ и жили съ ними до самой смерти своей. Товарищи оставили имъ ружей и пороху, и посредствомъ этого бѣлые могли оказать большія услуги друзьямъ своимъ, въ битвахъ съ жителями сосѣднихъ острововъ.

« Пруссакъ никогда неосмѣливался посѣтить Малликоло съ дикарями, но ласкарь бывалъ тамъ раза съ два. Онъ подтвердилъ, что видѣлъ въ Паіу двухъ Европейцовъ, которые говорили языкомъ дикарей, и онъ съ ними разговаривалъ. Это были уже старики, и сказывали, что за много лѣтъ прежде разбился у острова корабль ихъ, остатки котораго они ему показывали. Старики эти прибавляли, что никакой корабль неподходилъ къ островамъ Малликоло съ тѣхъ поръ, какъ они здѣсь находятся; что многіе изъ ихъ товарищей уже умерли, и что будучи разсѣяны по разнымъ островамъ, немогутъ они за достовѣрное сказать, сколько еще изъ нихъ остается въ живыхъ. »

65932

Получивъ такое донесеніе, Компанія опредѣлила, чтобы одинъ изъ кораблей ея, *Изысканіе* (Research), отправился, подъ начальствомъ Диллона, осмотрѣть островъ Ваникоро и узнать о погибели Французскихъ кораблей достовѣрнымъ образомъ. Ничего непренебрегли, чтобы сдѣлать эту экспедицію полезною для изысканій по части ученой. Докторъ Тейтлеръ, извѣстный нѣсколькими учеными сочиненіями, опредѣленъ былъ лекаремъ, естествоиспытателемъ и исторіографомъ корабля. Жалованье ему и Диллону опредѣлено было огромное — Компанія двигала широкою рукою. Двѣ тысячи рупій употребили на одну покупку предметовъ, которые предположено было взять для подарковъ жителямъ Ваникоро, и эта сумма почти равнялась съ тою, которую назначили для продовольствія Французской экспедиціи въ теченіе трехъ

лѣнъ. Компанія неограничивалась этимъ; она отправила на кораблѣ своемъ Французскаго агента, который оффиціяльно долженъ былъ подтвердить всѣ открытія. Это былъ нѣкто Шеньо (Chaigneau), чиновникъ въ Шандернагорѣ.

Января 23-го 1827 года, Компанейскій корабль пустился въ море. Едва минуло нѣсколько дней плаванія, страшная ссора началась между Диллономъ и докторомъ Тейлеромъ. Ссоры эти до того дошли, что по прибытіи въ Гобартъ-Тоунъ, докторъ формально принесъ жалобу на капитана военному суду. Диллона обвинили, осудили на двухъ-мѣсячное заключеніе въ тюрьму и штрафъ 50 ти фунтовъ стерлинговъ, кромѣ того, что онъ долженъ былъ представить за себя поручительство въ 400 ф. с. за будущее поведеніе. Такое осужденіе противъ Диллона влекло задержку въ путешествіи, и потому хотѣли было замѣстить его кѣмъ нибудь. Но лукавый капитанъ никому неоткрывалъ мѣста и положенія Ваникоро, а безъ этого, при всякомъ другомъ начальникѣ, экспедиція разрушалась. Принуждены были оставить часть судебнаго приговора безъ исполненія, и заставивши Диллона заплатить штрафъ и внести поручительство, уволили его отъ тюремнаго заключенія.

Непріятное это препятствіе устранилось, и Research вышелъ въ море 20-го Мая. Іюня 3-го прибыли въ Портъ-Джаксонъ, гдѣ останавливались мимоходомъ, а 1-го Іюля стали на якорѣ въ Корора-Река, въ заливѣ острововъ. Снова Отправясь

въ путь, останавливались послѣдовательно при Тонга-Табу, Ротума и Тикопіа. Отсюда взятъ былъ дикарь по имени *Pamia*, долженствовавшій служить путеводителемъ и переводчикомъ. Тутъ-же добыли разныя вещи, спасенныя отъ кораблекрушенія. Наконецъ 7-го числа, приближась къ Ваникоро, послѣ шести дней, употребленныхъ на пріисканіе якорной стоянки, Research бросилъ якорь въ маленькомъ заливѣ *Осили*, съ В. стороны острова.

Едва только остановились здѣсь, какъ Диллонъ занялся собраніемъ всего уцѣлѣвшаго отъ разбитыхъ кораблей, и благодаря желѣзнымъ издѣліямъ, тканямъ и пронизкамъ, онъ успѣлъ собрать ихъ величайшее множество. Большая часть состояла въ крючьяхъ, блокахъ, кольцахъ отъ цѣпей и другихъ желѣзныхъ издѣліяхъ, коспрюляхъ, ложкахъ и воронкахъ мѣдныхъ, въ обломкахъ астрономическихъ инструментовъ и кухонныхъ утварей. Важнѣе всего являлся большой бронзовый колоколъ, величиною футъ въ діаметрѣ. На одной сторонѣ его видно было изображеніе креста между двумя фигурами, а на другой сіяющее солнце, съ надписью: Bazin m'a fait (лилъ меня Базенъ). Изысканія, сдѣланныя въ послѣдствіи, показали, что это было клеймо литейной Брестскаго арсенала, въ 1785 году. Диллонъ успѣлъ также достать съ западныхъ утесовъ острова четыре маленькія мѣдныя пушки, ядро 18-ти фунтовое, Испанскій піастръ, обломки хрусталя, фарфора, и наконецъ также разные осколки желѣзные, мѣдные, свинцовые.

Но всего драгоцѣннѣе оказывалась находка сосновой доски, четыре фута длиною, четырнадцать дюймовъ шириною, украшенная рѣзною лиліею и другими изображеніями. По привозѣ во Францію, въ этой доскѣ узнали часть украшенія одного изъ кораблей Лаперузовыхъ — выкинутое моремъ, безспорное свидѣтельство погибели ихъ! У дикарей Ваникорскихъ доска эта служила дверью. Жерновный камень отъ ручной мѣльницы найденъ былъ вмѣстѣ съ нею.

Впрочемъ, дикари и неспорили о разбитіи кораблей. Они разсказывали объ немъ каждый по своему, и Диллонъ приводитъ нѣсколько такихъ разсказовъ. Вотъ самый опредѣленный, и вѣроятно, самый вѣрный изъ всѣхъ. Его передалъ Диллону *Валіе*, второй *алигуи* Вану.

« Давно уже это было—говорилъ дикарь — что обитатели острова, вышедши утромъ изъ своихъ жилищъ, замѣтили часть корабля на скалахъ противъ Паіу. Она оставалась тутъ до полудня, когда море разломало ее въ куски. Большіе отломки ея плыли вдоль береговъ. Корабль бросило на скалы ночью, во время ужасной бури, которая изломала множество плодовитыхъ деревьевъ на островѣ. Наканунѣ невидали мы никакого корабля. Четыре человѣка спаслись и вышли на берегъ неподалеку отсюда. Мы хотѣли убить ихъ, но они поднесли подарки нашему начальнику и онъ спасъ имъ жизнь. Жили они съ нами немного, и потомъ пошли къ товарищамъ своимъ въ Паіу. Тамъ по-

строили они маленькій корабль и на немъ уплыли. Ни одинъ изъ этихъ четырехъ чужеземцовъ небылъ начальникъ, а всѣ нисшіе люди. Вещи, которыя продаемъ мы вамъ, добыты съ корабля, разбившагося на скалахъ. При отливѣ мы обыкновенно отправлялись туда и доставали что могли. Много обломковъ корабельныхъ выкидывало на берегъ и изъ нихъ мы достали также всякой всячины. Но съ нѣкотораго времени, мы уже ничего доставать неможемъ, потому что корабельные остатки сгнили и море разнесло ихъ. Мы неубивали никого изъ корабельныхъ людей, но много выкидывало на берегъ труповъ, у которыхъ руки и ноги были откушены аккулами. Въ ту-же ночь, когда явились остатки корабля у насъ, другой корабль ударился о скалы близъ Вану и пошелъ на дно морское. Съ него спаслось много народа. Они построили себѣ маленькій корабль и отправились на немъ, черезъ пять лунъ послѣ погибели своего большаго корабля. Пока строили маленькій корабль, огородились они крѣпкимъ палисадомъ изъ бревенъ, чтобы защищиться отъ приближенія шуземцовъ. Эти съ своей стороны боялись ихъ, и потому мало было между ними сообщеній. У бѣлыхъ людей этихъ замѣтили привычку смотрѣть на солнце сквозь *что-то такое,* чего немогу я вамъ ни показать, ни указать, потому, что у насъ нѣтъ ничего подобнаго. Двое бѣлыхъ остались послѣ отбытія своихъ товарищей. Одинъ былъ начальникъ, а другой служилъ ему. Первый умеръ года съ три тому, а черезъ полгода потомъ, начальникъ окру-

га, гдѣ жилъ другой бѣлый человѣкъ, принужденъ былъ бѣжать съ острова, и бѣлый человѣкъ отправился съ нимъ. Округъ, гдѣ жили они, назывался *Паукори,* но мы незнаемъ, что̀ сдѣлалось съ народомъ, въ этомъ округѣ обитавшемъ. Единственные бѣлые, которыхъ видали обитатели нашего острова, были люди съ разбитаго корабля, и потомъ вотъ вы, которыхъ мы теперь видимъ. »

Диллонъ много ходилъ по острову, и дикари, обольщенные щедростью его подарковъ, нисколько небезпокоили его. Слѣдствія его наблюденій, изложенныя въ его описаніи, непредставляютъ ничего особенно любопытнаго. Составленная имъ карта Ваникоро неполна и неисправна.

Въ первыхъ числахъ Октября, боясь, чтобы В. вѣтры незадержали въ заливѣ, Диллонъ благополучно перешелъ по опасному проходу восточному, и остановился въ спокойномъ заливѣ Маневаи. Здѣсь стояли три дня, прошли отсюда сѣвернымъ проливомъ, направились къ Тубуа и Нитенди, и наконецъ къ Новой Зеландіи. Послѣ стоянки, довольно продолжившейся, Диллонъ перешелъ въ Портъ-Джаксонъ и отправился наконецъ въ Калькутту, куда прибылъ 7-го Апрѣля 1828 года. Щедро награжденный, онъ получилъ отъ Компаніи позволеніе ѣхать во Францію, съ вещами, подтверждавшими его открытіе. Самый ласковый пріемъ ожидалъ его въ Парижѣ. Представленный королю Карлу X-му, Диллонъ получилъ крестъ Почетнаго Легіона, десять тысячь франковъ въ возмездіе расходовъ, и пансіонъ въ 4000 франковъ,

съ запискою дохода въ безсрочные капиталы государственнаго долга. Все это происходило за мѣсяцъ до возвращенія во Францію Дюмонъ Дюрвиля. Можетъ быть, онъ неменѣе Диллона успѣлъ на Ваникоро, и притомъ это составляло только часть трудовъ его экспедиціи, но — ему совсѣмъ небыло оказано такой благосклонности, какъ его ловкому предшественнику....

Въ Гобартъ-Тоунѣ, Декабря 20-го 1827 года, Дюрвиль узналъ о дѣйствіяхъ Диллона, которыя были описаны весьма необстоятельно въ разныхъ журналахъ. Надобно прибавить, что Диллонъ имѣлъ славу порядочнаго хвастуна въ колоніи, и объ его разсказахъ говорили съ большою недовѣрчивостью, почитая ихъ преувеличенными. Идти на вѣру въ разсказы, вовсе необстоятельные, искать какого-то недостовѣрнаго острова, требовать отъ жителей его доказательствъ, можетъ быть, несуществующихъ, пуститься такимъ образомъ въ погоню за безплодною мечтою, между тѣмъ, какъ неконченное обозрѣніе береговъ Новой Зеландіи требовало еще нѣсколькихъ мѣсяцовъ прилежнаго труда—вотъ что останавливало теперь Дюрвиля слѣдовать извѣстіямъ Англійскаго капитана. При успѣхѣ, все могло-бы кончиться хорошо; съ разрѣшеніемъ вопроса о таинственномъ мѣстѣ погибели Лаперуза, онъ во всемъ оправдывался, въ уклоненіи съ пути, перемѣнѣ предписанной инструкціи. Но предполагая противное, путешествіе безполезное, нападало-ль на него обвиненіе, что онъ слишкомъ довѣрчиво предался пустымъ бред-

нямъ морскаго бродяги? Впрочемъ, «хотѣть» было еще недостаточно: надлежало имѣть средства «исполнить». Диллонъ сказывалъ о Тикопіа и Ваникоро, но неопредѣлялъ ихъ положенія. Это была тайна его, если непросто выдумка. Слѣдовало ощупью искать предполагаемаго острова. Дюрвиль неостанавливался впрочемъ этимъ затрудненіемъ. Соображая полуоткрытія Диллона, онъ рѣшилъ для себя, что *Тикопіа* долженъ быть островъ *Барвелль* (Barwell) прежнихъ Англійскихъ картъ, а *Ваникоро* долженствуетъ быть одинъ изъ острововъ на С. В. отъ Санта-Круза, или купа, открытая Блеемъ на С. отъ Новыхъ Гебридовъ. Этимъ опредѣлялся планъ его путешествія. Онъ рѣшился искать Тикопіа въ Барвеллѣ, и тамъ узнавать отъ дикарей, гдѣ островъ, близъ котораго разбился корабль?

Пока Дюрвиль готовился къ отбытію изъ Гобартъ-Тоуна, получили отъ Диллона два письма, совершенно противорѣчащія одно другому. Въ одномъ говорилъ онъ, что хочетъ отложить свое предпріятіе, по причинѣ противнаго муссона; другимъ извѣщалъ, что спѣшитъ исполнить его, съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Хотя такія странныя извѣстія должны были удвоить затрудненія Французскаго капитана, но онъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи. Астролябія отправилась Января 6-го 1828 года, осмотрѣла островъ Норфолькъ и волканъ Матью (Mathew), острова Фатака и Ануда, и 10-го Февраля была у Тикопіа. Едва явились на видъ береговъ, къ кораблю пристала лодка. Въ

ней былъ Пруссакъ Бушартъ, сопровождавшій Диллона на Ваникоро. Этотъ человѣкъ подтвердилъ дѣйствительность плаванія его, и извлекъ Дюрвиля изъ продолжительнаго сомнѣнія. Много уже значило получить увѣреніе въ дѣлѣ, но оставалось еще дополнить его собственнымъ трудомъ, воздать тщательнымъ изысканіемъ почесть памяти людей, погибшихъ на пути успѣха въ знаніяхъ и мореплаваніи.

Офицеры и естествоиспытатели сошли на Тикопійскій берегъ и были приняты въ общественной хижинѣ туземцовъ. Бушартъ былъ путеводителемъ. Онъ обѣщалъ сопровождать Дюрвиля къ Ваникоро, съ условіемъ, что жена его, молодая Зеландка, будетъ съ нимъ вмѣстѣ, но потомъ онъ вздумалъ отказаться, и однимъ изъ предлоговъ отказа его былъ нездоровый климатъ Ваникоро. Дикари, съ которыми начинали говорить, отвѣчали то-же самое. Ласкаръ Джое, спрошенный въ свою очередь, непоказался сговорчивѣе. Онъ спорилъ даже и въ томъ, что никогда неговаривалъ Диллону о поѣздкѣ своей къ Ваникоро.

Тогда капитанъ Дюрвиль рѣшился взять съ собою двухъ Англичанъ, мѣсяцовъ девять пробывшихъ на Тикопіа, изъ которыхъ одинъ довольно порядочно говорилъ языкомъ дикарей и могъ служить переводчикомъ. Пять Тикопійцевъ были еще невольными и принужденными товарищами путешествія. Ихъ нашли забытыми на кораблѣ, когда всѣ лодки дикарей уже отправились отъ него.

Дюрвиль пошелъ прямо къ Ваникоро, успѣвши распознать теперь положеніе острова сквозь всѣ хитрости и недоговорки Диллоновы. Нѣсколько задержанный въ пути безвѣтріемъ, только 14-го числа могъ онъ приблизиться къ острову, шелъ около скалъ его, послалъ шлюпку осмотрѣть мѣсто стоянки, употребилъ въ пользу противный вѣтеръ С. З., чтобы отыскать *Таумако*, назначенный Квиросомъ близъ Санта-Круза, и неупоминаемый съ того времени. Тщетно потерявши три дня на сіе предпріятіе и ненайдя никакой земли въ назначенномъ мѣстѣ, Французскій капитанъ снова оборотился къ Ваникоро, и 21-го сталъ въ маленькой и опасной гавани *Осили*, гдѣ стоялъ капитанъ Диллонъ, и которую указали дикари Маневайскаго селенія.

Первымъ попеченіемъ, едва укрѣпились на якоряхъ, было поладить съ туземцами, при помощи нѣкоторыхъ подарковъ. Во всякомъ другомъ случаѣ, предложенныя имъ вещи могли-бы показаться большою важностью, но расточительный Диллонъ совершенно избаловалъ Ваникорцовъ подарками, и они все принимали отъ Дюрвиля съ явнымъ пренебреженіемъ. Этого мало. Не при этомъ одномъ обстоятельствѣ можно было замѣтить между дикарями недовѣрчивость и неохоту дружиться съ Французами. Случаевъ, гдѣ это обнаруживалось, было въ послѣдствіи столь много, что надлежало предположить напередъ посѣянныя подозрѣнія и искусно внушенный въ нихъ страхъ. Впрочемъ, дикари откровенно сказали потомъ, что ихъ пре-

дупредили о приходѣ Французовъ, и увѣрили, что Французы придутъ мстить за несчастное приключеніе, мѣстомъ котораго были скалы острова Ваникоро.

Невзирая на столь различныя и великія препятствія, Дюрвиль неослабѣвалъ въ своемъ предпріятіи. Шлюпки отправились подъ начальствомъ офицеровъ Астролябіи, осмотрѣть кругомъ островъ. Имъ предписано снимать берега и собирать вещи, оставшіяся отъ кораблекрушенія, а равно и преданія объ этомъ событіи, изучая съ тѣмъ вмѣстѣ природу земли. Все это должно было вдругъ занять наблюдателей.

Первая поѣздка, подъ начальствомъ г-на Грессьена, доставила Астролябіи небольшое число неважныхъ обломковъ. Накакихъ изъясненій отъ дикарей недобились. На всѣ дѣланные вопросы, они либо молчали, либо отдѣлывались уклончивыми отвѣтами. Общее, согласное молчаніе, казалось, съ намѣреніемъ замыкало всѣ уста и запирало всѣ уши. Если какой нибудь изъ дикарей, болѣе словоохотный и податливый на подарки, хотѣлъ начать изъясненія, другіе тотчасъ окружали его съ недовольнымъ и испуганнымъ видомъ, просили его молчать, или принуждали удалиться.

Вторая посылка шлюпокъ, съ г-мъ Жакино, испытала сначала такія-же точно препятствія. Въ Вану приближеніе Французовъ встревожило все маленькое населеніе этой деревни. Женщины и дѣти бѣжали въ лѣса, унося съ собою все, что

было у нихъ лучшаго; мужчины подошли къ гостямъ своимъ, но очевидно со страхомъ и безпокойствомъ. Стали ихъ спрашивать; они во всемъ отпѣкивались, и признались только напослѣдокъ, что долгое время были у нихъ черепа *мара* (названіе дикарей Европейцамъ), но потомъ бросили они ихъ въ море.

Старшина Валіе, о которомъ упоминаетъ Дилонъ, былъ единственный человѣкъ, показывавшій довѣренности болѣе другихъ. Нѣсколько разъ, по видимому, хотѣлъ было онъ начать подробные разсказы, но земляки останавливали его съ угрозою. Въ Нама встрѣтили посланные Дюрвиля одинакое молчаніе, такое-же притворство. Никакой подарокъ немогъ сначала убѣдить дикарей указать на мѣсто кораблекрушенія. Но г-нъ Жакино развернулъ передъ ними лоскутъ краснаго сукна, и одинъ изъ туземцовъ, обольщенный яркостью цвѣта его, тотчасъ бросился въ лодку, показывая знаками, что проводитъ на желаемое мѣсто шлюпку Французскую, если только отдадутъ ему драгоцѣнную ткань. Торгъ заключили немедленно, и г-нъ Жакино достигъ наконецъ роковаго утеса, гдѣ бѣдствіе постигло Лаперуза. Въ этомъ состояло главнѣйшее изслѣдованіе, которымъ Дилонъ, по видимому, совсѣмъ незанимался. По крайней мѣрѣ, онъ нигдѣ неговоритъ объ немъ.

Цѣпь скалъ, окружающихъ Ваникоро, занимаетъ двѣ, или три мили въ ширину, передъ Паіу и Амби, то сближаясь къ берегу, то удаляясь отъ него, почти на милю. Тутъ, въ небольшомъ проходѣ

сквозь прибои, дикарь остановилъ свою лодку, и указалъ на дно морское. Французы стали разсматривать, и въ глубинѣ 12-15 футовъ, различили разсѣянные тамъ и здѣсь, и зарастающіе кораллами, якоря, пушки, ядра и много кусковъ свинцу. Взглядъ сюда разсѣялъ всѣ сомнѣнія: здѣсь долженствовалъ разбиться одинъ изъ кораблей Лаперуза.

Все деревянное, разносимое волнами, уже изчезло—оставался одинъ металлъ, болѣе прочный, болѣе упорный на сопротивленіе. Положеніе якорей въ морѣ давало разумѣть, что четыре изъ нихъ упали послѣ разбитія корабля, между тѣмъ, какъ два другіе, по видимому, были нарочно заброшены для удержанія корабля отъ гибели. Впрочемъ, разсмотрѣніе мѣста давало подозрѣніе, что корабль вошелъ въ проходъ, думая перейдти имъ черезъ цѣпь прибоевъ, ударился здѣсь и немогъ уже освободишься отъ бѣдствія. Нѣкоторые изъ дикарей утверждали, что люди съ этого самаго корабля переправились въ Паіу и построили небольшое судно, а что другой корабль, разбившись внѣ цѣпи скалъ, былъ совершенно поглощенъ моремъ.

Прибывши такимъ образомъ на мѣсто несчастнаго приключенія, г-нъ Жакино немедленно хотѣлъ извлечь изъ моря нѣсколько останковъ. Принялись было вынимать одинъ изъ утонувшихъ якорей, но онъ такъ сильно запутался въ кораллахъ, что должны были оставить его. Г-нъ Гильбертъ въ послѣдствіи былъ счастливѣе. При жестокихъ усиліяхъ, отъ которыхъ даже трещала шлюпка, онъ

вырвалъ изъ коралловъ подводныхъ якорь, въ 1800 фунтовъ, и небольшую чугунную, 8-ми фунтовую пушку, чрезвычайно заржавѣвшіе и дюйма на два обросшіе. Мѣдная маленькая пушка (pierrier), мѣдный мушкатонъ, куски свинцу и олова, обломки фарфора дополнили это извлеченіе вещей изъ моря, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ кораблекрушенія.

Между тѣмъ Астролябія была небезопасна въ невыгодномъ заливѣ Осили. Волненіе угрожало якорямъ ея, и ежеминутно можно было опасаться срыва и удара объ острыя скалы, на 15 брассахъ глубины. Капитанъ Дюрвиль рѣшился перемѣнить стоянку. Помощью буксировъ и завозныхъ якорей, онъ перешелъ въ обширный заливъ Маневайскій, спокойное и защищенное отъ всѣхъ вѣтровъ пристанище.

И жители оказались здѣсь гораздо общительнѣе. Будучи непріятелями дикарей Тевайскихъ, они прибѣжали немедленно. Старшины привѣтствовали Дюрвиля по своему, цѣлуя оборотную сторону у кистей рукъ, и одинъ изъ нихъ, первый арики и жрецъ Маневайскій, по имени *Моембе*, объявилъ себя особеннымъ другомъ капитана. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, малорослый, некрасавецъ—даже и между уродливыми Ваникорцами—тихій нравомъ, недокучливый, неболтунъ, и изъ числа несносныхъ его земляковъ имѣвшій нѣкоторое умѣнье жить. Сдѣлавшись другомъ капитана, Моембе часто посѣщалъ Астролябію. Какъ умѣлъ, отвѣчалъ онъ на вопросы, неспрашивая самъ,

терпѣливо ожидая подарковъ и принимая ихъ съ благодарностью.

Не такъ велъ себя *Неро*, старшина Тевайскій, ненасытный попрошайка, грубіянъ, докучливый; онъ все бралъ безстыдно, и безпрестанно просилъ вновь. Однажды наглость его чуть было не перешла въ весьма опасную ссору. Дюрвиль отправился посѣтить его въ Теваи, съ нѣсколькими офицерами, безъ оружія. Неро принялъ гостей грубо, въ *домѣ духовъ*, окруженный дикарями, которые были вооружены луками и стрѣлами. По обыкновенію, негодяй началъ жаловаться, что ему ничего недаютъ, и нѣсколько разъ принимался просить топоровъ, говоря, что *Пита* (Диллонъ) давалъ ему ихъ очень много. Капитанъ отвѣчалъ, что если Неро пришлетъ на корабль припасовъ, а особливо свиней, то ему дадутъ топоровъ. Онъ предложилъ даже, что за каждую свинью станетъ давать по три топора, и дикарь согласился на условіе. Свиней принесли; капитанъ хотѣлъ возвратиться на корабль, но тутъ дикари приняли столь дерзкій видъ, что можно было пожалѣть о неосторожности, какую сдѣлали, пришедши къ нимъ въ гости безъ оружія. Для избѣжанія опасности оставалось притвориться. Капитанъ пошелъ прямо къ старшинѣ, подалъ ему большой топоръ и ожерелье, сказалъ, что это задатокъ за свиней, потомъ простился и отправился поспѣшно. Изумленный и обрадованный подаркомъ, Неро смѣшался, и гости его счастливо избѣгнули опасности. Но свиней отъ бездѣльника неполу-

чили, и недождались-бы ихъ никогда, если-бы даже ждали до преставленія свѣта.

Во все это время ученыя занятія шли своимъ чередомъ. Естествоиспытатель Гемаръ выпросилъ у капитана позволеніе переправиться одному на западную сторону острова. Изъ предосторожности придали ему въ товарищи Англичанина Гамбильтона, кое-какъ говорившаго по-Ваникорски. Жители Нама казались весьма рады посѣтителямъ, но въ теченіе пяти дней, которые провели у нихъ добрые гости, они невсегда одинаково показывались ласковы и гостепріимны. Впрочемъ, опасная и отважная эта поѣздка неимѣла никакого важнаго слѣдствія. Черезъ пять дней, г-нъ Гемаръ возвратился съ жестокою лихорадкою, испытавши всяческія непріятности отъ дикарей, вздорливыхъ и буйныхъ. Никакой довѣренности немогли у нихъ дождаться, и даже въ самое селеніе Нама непустили они г-на Гемара; онъ возвратился оскорбленный и больной.

По соображеніи всѣхъ сдѣланныхъ на Ваникоро открытій, кораблекрушеніе Лаперуза при этомъ островѣ небыло уже подверженнымъ никакому сомнѣнію. Потому капитанъ Дюрвиль собралъ всѣхъ своихъ сопутниковъ, указалъ имъ на добытыя у дикарей вещи и спрашивалъ общаго мнѣнія. Единогласно всѣ подтвердили, что это были остатки отъ экспедиціи Лаперуза. Тогда капитанъ сообщилъ мысль свою, издавна предположенную, воздвигнуть на мѣстѣ погибели земляковъ памятникъ, въ честь страдальцовъ науки. Предложеніе

принято съ восторгомъ, и каждый хотѣлъ имѣть участіе въ трудѣ.

Въ Паіу, по близости къ самымъ гибельнымъ скаламъ, совершеніе дѣла являлось невозможнымъ, а потому выбрали мѣстомъ памятника купу мангліеровъ на скалахъ, отчасти окружающихъ пристанище Маневайское. Формою для мавзолея приняли четыреугольную призму, шести футовъ, съ пирамидальною вершиною. Куски коралловъ, между бревнами, крѣпко утвержденными въ землю, образовали основаніе, а верхъ покрыли маленькою кровлею изъ досокъ, взятыхъ въ Новой Зеландіи. Для предохраненія этого знака благоговѣнія къ погибшимъ отъ жадности дикарей, неупотребили при сооруженіи ни связей, ни гвоздей желѣзныхъ. Постройка шла скоро, несмотря на работы на кораблѣ и на бѣдствія отъ климата, испытуемыя новою Астролябіею въ томъ мѣстѣ, которое столь гибельно было Астролябіи прежней.

Лихорадка г-на Гемара чрезвычайно усиливалась. Самъ капитанъ Дюрвиль, наканунѣ того дня, когда хотѣлъ онъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ спасшіеся послѣ кораблекрушенія построили себѣ небольшое судно для отплытія отъ Ваникоро, почувствовалъ жестокій и опасный припадокъ лихорадки. Погода, до сихъ поръ ведряная, вдругъ сдѣлалась дождливою и нездоровою, лихорадка приняла характеръ эпидемическій, и одного за другимъ начала перебирать всѣхъ бывшихъ на кораблѣ.

Между тѣмъ, 14-го Марта памятникъ былъ оконченъ, и открытіе его было произведено въ тотъ-же день, въ присутствіи части экипажа, вышедшаго на скалу. Вооруженный отрядъ воздалъ ему честь пройнымъ залпомъ изъ ружей, на что отвѣчали пушечными выстрѣлами съ корабля. Благочестивое дѣло это совершилось въ глубокомъ и благоговѣйномъ молчаніи. Все казалось печально на непріязненной землѣ Ваникоро—грустное воспоминаніе было о прошедшемъ, грусть въ настоящемъ, тяжеломъ, исполненномъ опасеній. Отъ лихорадки лежала тогда въ своихъ койкахъ половина экипажа Астролябіи, и болѣзнь грозила всѣмъ остальнымъ. Недоставало даже рукъ извлечь корабль изъ трудныхъ и опасныхъ проходовъ острова. Еще нѣсколько дней медленія, и — памятникъ на скалахъ Маневаи означилъ-бы дважды совершившуюся погибель Французскихъ мореплавателей. Капитанъ Дюрвиль видѣлъ всю опасность своего положенія. Самъ больной, онъ имѣлъ еще силы распорядиться выходомъ изъ здѣшняго гибельнаго мѣста. Но всякое покушеніе на трудъ умножало число больныхъ. Марта 17-го удвоили, такъ сказать, остальныя силы. Мы предоставимъ здѣсь разсказъ самому Дюрвилю объ его рѣшительномъ и сомнительномъ предпріятіи:

«Сорокъ человѣкъ не въ состояніи заниматься службою, и если мы пропустимъ еще этотъ день (17 Марта), непронувшись, завтра, можетъ быть, желаніе оставить Ваникоро будетъ для насъ невозможно къ исполненію. По этому рѣшился я

испытаешь послѣднія усилія. Въ шесть часовъ утра начинаютъ работу съ якорями, продолжительную и тяжкую, тѣмъ болѣе, что у насъ такъ мало теперь рукъ, годныхъ для работы.

« Въ восемь часовъ утра, пока мы всего болѣе были увлечены нашею работою, я очень изумился, видя приплывшихъ къ намъ дикарей Тевайскихъ въ полудюжинѣ лодокъ, и тѣмъ болѣе, что трое, или четверо обитателей Маневаи, находившихся тогда на кораблѣ, казались, вовсе неиспугавшимися приближенія лодокъ, хотя за нѣсколько дней прежде говорили они мнѣ, что Тевайцы самые смертельные враги ихъ. Объ этомъ сталъ я теперь говорить Маневайцамъ; они начали посмѣиваться двусмысленно, и отвѣчали, что недавно помирились съ Тевайцами, и что прежніе враги ихъ везутъ теперь мнѣ кокосовъ. Но скоро замѣтилъ я, что прибывшіе дикари ничего непривезли, кромѣ стрѣлъ и луковъ, хорошо приготовленныхъ. Двое, или трое изъ нихъ взошли на корабль съ рѣшительнымъ видомъ, и старались разглядѣть много-ли у насъ больныхъ. Злобная радость мелькала въ ихъ сатанинскихъ глазахъ. Тутъ мои сопутники дали мнѣ замѣтить, что двое, или трое Маневайцовъ, бывшихъ на кораблѣ, заботились уже по нѣскольку дней получить объ этомъ свѣдѣніе. Г-нъ Грессіенъ, съ утра наблюдавшій всѣ движенія дикарей, видѣлъ воиновъ обоихъ племенъ собравшихся на берегу, и долго между собою разсуждавшихъ.

« Все это показывало самыя измѣнническія пред-

пріятія, и я разсудилъ, что опасность велика. Тотчасъ приказалъ я дикарямъ оставить корабль и идти въ ихъ лодки. Они дерзко начали глядѣть на меня, съ гордымъ и угрожающимъ видомъ, какъ будто высказывая, что я долженъ имѣть средства принудить ихъ къ исполненію приказанія. Я удовольствовался тѣмъ, что отворилъ нашу оружейную, всегда тщательно запертую, и угрюмо указалъ пальцомъ въ нее дикарямъ, другою рукою показывая имъ на ихъ лодки. Взглядъ на двадцать блестящихъ ружей, важность которыхъ была имъ знакома, заставилъ ихъ затрепетать и избавилъ насъ отъ ихъ присутствія.

«Вообще гораздо легче удерживать этихъ получеловѣковъ страхомъ и угрозою оружія, и это бываетъ спасительнѣе для Европейцовъ самаго дѣйствія стрѣльбы. Одинъ видъ пистолета обратитъ въ бѣгство двадцать дикарей, между тѣмъ, какъ они способны броситься, будто люпые звѣри, на цѣлый отрядъ, начавшій пальбу.

«Но между тѣмъ, отношенія наши показывали, что всякая дружба кончилась теперь съ дикарями, и отбытіе наше сдѣлалось уже совершенною необходимостью. Я убѣждалъ экипажъ удвоить усилія и бодрость, и спѣшилъ отбытіемъ, сколько позволяли мнѣ мои бѣдныя средства. Всѣ, даже больные приложили свои слабыя руки къ работѣ; мы успѣли наконецъ кинуть завозный якорь къ В., и къ счастью, онъ выдержалъ до самаго конца маневра нашего.

«На сей-то слабой опорѣ, 17-го Марша 1828 года, въ 11 часовъ, 15 минутъ по утру, Астролябія развернула свои паруса и двинулась окончательно отъ Ваникоро. Сначала подьзовались мы довольно свѣжимъ вѣтромъ отъ В. Ю. В., потомъ вошли въ проходъ между скалъ. Но едва коснулись мы самаго опаснаго мѣста его, неожиданный порывъ дождя ограничилъ весь горизонтъ нашъ 60—80 туазами.

«Терзаемый лихорадкою, съ трудомъ могъ я держаться на ногахъ, чтобы распорядить маневрами корабля, и мои ослабшіе глаза немогли выносить яркости бѣлой пѣны, кипѣвшей по обѣимъ сторонамъ прохода. Но меня подкрѣпила дѣятельность моихъ офицеровъ, а особливо искуспво г-на Гресьена, которому передалъ я управленіе кораблемъ. Онъ былъ теперь нашимъ лоцманомъ, дѣйствовалъ столь хладнокровно, искусно, ловко, что Астролябія успѣла продвинуться сквозь тѣсный и трудный проходъ между скалами въ открытое море. Здѣсь — одинъ мигъ безвозвратно рѣшалъ участь экспедиціи, и малѣйшая ошибка повергала насъ на утесы, изъ которыхъ уже никакая сила освободить насъ немогла. Можно повѣрить, что несмотря на наше непріятное положеніе на кораблѣ, по истеченіи нѣсколькихъ минутъ смертнаго страха, когда мы увидѣли себя на волѣ, послѣ перехода скалъ пагубнаго острова, мы всѣ испытали чувство радости, похожее на то, какое испытываетъ плѣнникъ, вырвавшійся изъ ужасовъ страшной тюрьмы! Сладостная надежда

оживила нашъ упадшій духъ, и взоры наши радостно обратились къ благословеннымъ берегамъ отечества, съ надеждою еще разъ увидѣть ихъ, хотя 5-ть, или 6000 льё отдѣляли насъ отъ него грозными морями!»

Но прискорбное пребываніе Астролябіи у Ваникоро было однакожь послѣдуемо богатыми плодами для науки, слѣдствіемъ неусыпнаго труда составлявшихъ экспедицію. Кромѣ важныхъ наблюденій, заботѣ г-на Грессьена обязана географія полною и вѣрною картою острова; его обликъ, утесы, положеніе земель означены на ней самымъ подробнымъ образомъ. Эта карта, выводъ продолжительныхъ наблюденій, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ статей всего путешествія Астролябіи. Прежде вовсе безвѣстный, Ваникоро теперь одинъ изъ самыхъ опредѣленныхъ пунктовъ Тихаго Океана. Царства природы на немъ изучены, и предметы естествознанія находятся въ кабинетахъ Музея. Но кромѣ этихъ общихъ и полезныхъ изысканій, должно-ли упустить изъ вида частность, столь памятную при имени Ваникоро, столь трогательную для сердца Француза? Мы говоримъ о погибели Лаперуза, а вопросъ объ этомъ такъ обстоятельно изслѣдованъ Астролябіею, что мы почитаемъ любопытнымъ выписать здѣсь нѣсколько строкъ изъ выводовъ объ немъ Дюрвиля.

«Съ самаго прибытія нашего на Ваникоро—говоритъ онъ—дикари, по природѣ злые и недовѣрчивые, подобно всѣмъ варварамъ черныхъ Океаній-

скихъ племенъ, казалось, приняли еще особенно систему упорнаго молчанія и отрицанія, во всемъ что касалось несчастнаго событія съ Лаперузомъ. На всѣ вопросы наши они молчали, или отдѣлывались уклончивыми, общими отвѣтами: «Незнаю—невидалъ— это было такъ давно—отцы наши говорили намъ что-то объ этомъ,» и проч. — Явно видѣли мы, что поведеніе этихъ варваровъ съ спасшимися отъ кораблекрушенія было едва-ли гостепріимно и пріязненно. Безъ сомнѣнія, они боялись, непришли-ль мы мстить имъ, особливо, когда узнали они отъ Англичанъ и Тикопійцовъ, съ нами бывшихъ, что мы одного племени съ извѣстными имъ *Мара*. Но въ послѣдствіи однакожь, когда они разувѣрились, что мы неимѣемъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній, увидѣли, что мы осыпаемъ ихъ подарками и дружески обходимся, опасенія ихъ уменьшились; нѣкоторые изъ нихъ стали словоохотливѣе, и отвѣчали порядкомъ на вопросы, безпрерывно повторяемые. Особенно обращался я къ старикамъ, которые могли быть даже самовидцами гибели Лаперуза, а изъ молодыхъ къ тѣмъ, кто казался посмышленѣе, болѣе другихъ одаренъ памятью, и черезъ то могъ лучше удержать въ головѣ, что разсказывали отцы нынѣшняго поколѣнія.

«Подробно изложилъ я выводы всѣхъ моихъ различныхъ развѣдываній, и изъ нихъ можно видѣть, что въ числѣ первыхъ должно поставить разсказъ *Валико*, старшины Ваникорскаго, человѣка весьма престарѣлаго, живущаго въ Маневаи, и *Моежбе*,

жреца того-же самаго селенія. Между замѣчательными разсказами полагаю я также повѣствованія *Тангалоа* и *Кава-Лики*, молодыхъ, весьма умныхъ старшинъ, которые горделиво сказывали, что отцы ихъ были съ Тикопіа, а матери урожденки Ваникоро, и слѣдственно, породою приближались они болѣе къ Полинезійскому роду. Сравнивая, соображая, разбирая всѣ различные разсказы, вотъ кажется, что надобно почесть самымъ вѣроятнѣйшимъ:

«Послѣ весьма темной ночи, во время которой Ю. В. вѣтеръ дулъ весьма жестоко, утромъ, дикари увидѣли неожиданно къ южному прибрежью, прошивъ округа *Танема*, огромнѣйшую *лодку*, разбитую на утесахъ. Она скоро была совершенно разволочена волнами и изчезла рѣшительно, такъ, что ничего отъ нея нельзя было найдти въ послѣдствіи. Изъ людей, бывшихъ на ней, немногіе только могли спастись на берегъ, въ лодкѣ поменьше. На слѣдующій день, и также утромъ, дикари замѣтили другую большую лодку, похожую на первую и разбившуюся при Паіу. Эта была подъ вѣтромъ отъ острова, нестолько разбиваема вѣтрами и волнами, а притомъ, лежа на правильномъ грунтѣ, отъ 12-ти до 15 футовъ, долго оставалась она на мѣстѣ, безъ разрушенія окончательнаго. Люди, бывшіе на ней, сошли въ Паіу, гдѣ соединились съ людьми первой лодки, и тотчасъ начали строить маленькую лодку изъ остатковъ большой, несовсѣмъ потонувшихъ.

« Французы, называемые дикарями *Мара*, были, какъ увѣряютъ, всегда уважаемы туземцами, которые приближались къ нимъ неиначе, какъ поцѣловавши у нихъ руку. Это дѣлали они нерѣдко и съ офицерами нашими, во время пребыванія нашего у острова. Несмотря на то, происходили частыя ссоры, и въ одной изъ нихъ у дикарей было убито много народа, въ числѣ котораго три начальника, а со стороны Французовъ двое. Наконецъ, послѣ шести, или семи лунъ работы, маленькая лодка была окончена, и всѣ чужеземцы оставили островъ, какъ утверждаетъ общее преданіе. Другіе дикари говорятъ, что два Мара остались, но нежили долго. Впрочемъ, тутъ мало остается сомнѣнія, и слѣдуя общему голосу дикарей, Французовъ неосталось ни одного, ни на Ваникоро, ни на Тикопіа, ни даже на Нитенди и окрестныхъ островахъ. Что касается до череповъ, то, вѣроятно, это черепа убитыхъ несчастливцовъ, долго сохраняемые, какъ знаки побѣды. Однакожъ, если черепа были у дикарей во время нашего пребыванія, вѣроятно, они поспѣшили спрятать ихъ въ тайныя мѣста, чтобы избавиться отъ всякихъ изслѣдованій.

« Все заставляетъ насъ полагать, что Лаперузъ, посѣтивши острова Дружескіе, и окончивъ обозрѣніе Новой Каледоніи, поворотилъ къ сѣверу, и направился на Санта-Крузъ, какъ предписывалось ему инструкціями, и какъ самъ онъ располагалъ въ послѣднемъ донесеніи своемъ морскому Министру. Приближась къ здѣшнимъ островамъ, безъ

сомнѣнія, полагалъ онъ, что можетъ продолжать плаваніе ночью, какъ часто случалось ему прежде, и неожиданно попалъ на страшныя скалы Ваникоро, дотолѣ вовсе неизвѣстныя. Вѣроятно, фрегатъ, шедшій впереди (и вещи, собранныя Дилономъ, даютъ поводъ мыслить, что это былъ *Компасъ*), ударился о прибои, такъ, что немогъ уже подняться, пока другой имѣлъ время повернуть къ вѣтру и отплыть въ открытое море. Но ужасная мысль оставить товарищей своего путешествія, и можетъ быть, самого начальника, на волю свирѣпымъ варварамъ, непозволяла избѣгнувшимъ отъ первой гибели удалиться отъ пагубнаго острова, и они должны были испытать всѣ усилія, чтобы спасти сопутниковъ отъ грозившаго имъ жребія. Это было, какъ мы несомнѣваемся, причиною крушенія другаго корабля. Взглядъ на мѣсто, гдѣ онъ остался, даетъ новое подтвержденіе мнѣнію нашему, ибо при первомъ взглядѣ кажется, что здѣсь есть свободный проходъ между скалъ. Вѣроятно, Французы хотѣли здѣсь проскользнуть между прибоями, и тогда только увидѣли свою пагубную ошибку, когда гибель ихъ была невозвратима.

« Хотя положительно и прямо нѣтъ никакого доказательства, что остатки отъ разбившихся при Ваникоро кораблей были остатки кораблей Лаперуза, но, думаю, въ этомъ неможетъ явиться никакого сомнѣнія. Изъясненія, какія собралъ я отъ туземцовъ, совершенно согласны въ основаніи своемъ съ тѣми, какія получилъ отъ нихъ Дил-

лонъ, хотя мы немогли имѣть нималѣйшаго сношенія, ибо только въ Иль-де-Франсѣ узналъ я о слѣдствіяхъ путешествія Англійскаго капитана, черезъ два мѣсяца послѣ отправленія моихъ донесеній Французскому правительству. Разсказы дикарей являютъ всѣ признаки достовѣрности. Они свидѣтельствуютъ, что сорокъ лѣтъ тому, на скалахъ Ваникоро погибли два большіе корабля, на которыхъ находилось много народу. Дикари вспоминаютъ даже, что флаги на корабляхъ были бѣлые. Все это, при сличеніи вывезенныхъ съ острова пушекъ, доказываетъ, что корабли были военные. Мы знаемъ достовѣрно, что задолго до назначеннаго времени ни одинъ военный корабль непропадалъ въ этой части южныхъ морей, кромѣ фрегатовъ Лаперуза, и *Пандоры*, бывшей подъ начальствомъ Эдуардса и претерпѣвшей крушеніе на скалахъ пролива Торреса. Кромѣ того, разсмотръ добытыхъ съ Ваникоро остатковъ свидѣтельствуетъ, что они принадлежали экспедиціи, предназначенной для необыкновенной цѣли. Наконецъ, обломокъ доски, привезенной Диллономъ, оказался сходенъ съ рисункомъ украшеній, какія были на *Компасѣ*. Столько соединенныхъ вмѣстѣ *вѣроятностей* (probabilités) можно почесть достаточными для составленія полной *достовѣрности* (certitude complète).

«Вѣроятно, пожелаютъ знать мое мнѣніе о пути, какимъ остатки Лаперузовой экспедиціи долженствовали слѣдовать отъ Ваникоро. Полагаю, что они направились къ Новой Ирландіи, чтобы

достигнуть Молукскихъ, или Филиппинскихъ острововъ, по слѣдамъ Картерета и Бугенвиля. Только эта единственная дорога представляла нѣкоторую надежду на успѣхъ, для судна столь бѣднаго, столь худо экипированнаго, какимъ можно предполагать судно, построенное спасшимися отъ погибели на Ваникорскій берегъ, ибо необходимо Французамъ должно было жестоко пострадать и ослабѣть отъ здѣшнихъ лихорадокъ и бившъ съ дикарями.

«Излагая далѣе мое мнѣніе, я осмѣлюсь сказать, что по западной сторонѣ Соломоновыхъ острововъ можно надѣяться найдти еще слѣды экспедиціи Лаперуза.»

Сія послѣдняя мысль Дюрвиля была у него слѣдствіемъ убѣжденія столь сильнаго, что оставя Ваникоро, хотѣлъ было онъ идти для обозрѣнія Соломоновыхъ острововъ и предполагаемаго пути останковъ экспедиціи Лаперуза. Но тяжкое состояніе экипажа корабля, принудило капитана править безъ замедленія къ островамъ Маріаннскимъ, единственному мѣсту, гдѣ больные могли надѣяться вѣрнаго пособія.

Едва только первыя извѣстія отъ Диллона достигли во Францію, тамъ начали опасаться, что Дюрвиль, бывшій уже тогда въ путешествіи, невоспользуется свѣдѣніями Англійскаго капитана, для достиженія къ открытому имъ мѣсту Лаперузовой погибели. Для предупрежденія всякихъ недоумѣній, морской Министръ приказалъ г-ну Ле-

Гоарану, бывшему тогда съ корветтою *Байонезка* (la Bayonnaise) на посѣ близъ западныхъ береговъ Америки, идти къ Тикопіа и Ваникоро, и произвесть имъ всѣ изысканія, касательно сомнительнаго изслѣдованія о Лаперузѣ.

Гнъ Ле-Гоаранъ отправился изъ Валпарейзо 8 Февраля 1828 года, и посѣтилъ на пути Гаваи, Фаннингъ, Сидней, Фениксъ, Ротума и Тикопіа. На семъ послѣднемъ островѣ нашелъ онъ Пруссака Бушарпа и ласкара Джое. Первый нехотѣлъ слушать никакихъ предложеній, но Джое, лишившійся тогда жены своей, былъ сговорчивѣе и согласился отправиться съ Французами. Байоннезка явилась близъ Ваникоро Іюня 3-го, и провела здѣсь, по донесенію капитана, двенадцать дней, неостанавливаясь у береговъ. Экипажъ сохранился такимъ образомъ отъ лихорадокъ, но за то осмотръ съ корабля былъ ничтожнымъ для географіи и науки, и самый вопросъ о погибели Лаперуза остался въ томъ положеніи, до какого довелъ его Дюрвиль. Жаль, что съ Байоннезки, имѣвшей двойной экипажъ противъ Астролябіи, небылъ отправленъ сильный отрядъ въ Паіу, для произведенія тамъ изысканій, которыя, можетъ быть, подтвердили-бы многое. Самое замѣчательное во время пребыванія здѣсь г-на Ле-Гоарана было то, что одна изъ корабельныхъ шлюпокъ видѣла памятникъ воздвигнутый въ Маневаи капитаномъ Дюрвилемъ. Нетолько неуничтожали дикари памятника, но смотрѣли на него съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, и съ трудомъ позволили даже новымъ пришель-

цамъ прибить къ нему медаль, свидѣтельствовавшую о проходѣ Байоннезки около Ваникоро. Такимъ образомъ можно надѣяться, что памятникъ уцѣлѣетъ, пока могутъ выдержать бренные матеріялы, изъ которыхъ онъ составленъ. Не уже-ли Франція, для моряковъ, погибшихъ на службѣ ей и наукѣ, ничего невоздвигнетъ, кромѣ этого простаго и тлѣннаго знака благоговѣнія къ памяти ихъ?

Другіе мореплаватели, вѣроятно, посѣщали Ваникоро послѣ экспедицій Дюрвиля и Ле-Гоарана, ибо въ морской музей доставленъ былъ пень дерева съ этого острова, на которомъ находится мѣтка: «1788» — вѣроятно, означеніе года, вырѣзанное кѣмъ нибудь изъ спасшихся отъ кораблекрушенія Лаперузова. Неимѣя никакого извѣстія о мѣрѣ достовѣрности, и о томъ, отъ кого получили сей любопытный памятникъ, надобно ограничить наше повѣствованіе только тѣмъ, что уже оффиціяльно и достовѣрно. Жребій знаменитаго мореплавателя, котораго потеряла Франція на скалахъ Ваникоро, конечно, заслуживалъ подробнаго изложенія изысканій, объ немъ сдѣланныхъ, но необходимо ограничить ихъ тѣмъ, что истинно, или, по крайней мѣрѣ, похоже по возможности на истину.

ГЛАВА LXXVII.

ВАНИКОРО. — ГЕОГРАФІЯ И НРАВЫ.

Открытая въ 1788 году Лаперузомъ, столь тяжко расплатившимся за эту честь, куна *Ваникоро* была вновь видѣна Эдуардсомъ въ 1791 году, и названа отъ него *островомъ Питта*. Въ Маѣ 1793 года, Данпркастио, посланный на корабляхъ *Изысканіе* и *Надежда*, по слѣдамъ Лаперуза, прошелъ въ 12-ти льё отъ Ваникорскихъ береговъ, и далъ острову имя своего корабля. Наконецъ, какъ мы видѣли, былъ здѣсь мимоходомъ, въ 1823 году, Дюперрей, и потомъ осматривали Ваникоро Дилонъ, Дюрвиль и Ле-Гоаранъ.

Два острова, величины неравной, составляющъ куну *Ваникоро*, окруженные коралловыми ушесами, около 36-ти миль въ окружности. Дюрвиль оставилъ имя *Изысканія* большому острову, и назвалъ *Теван* меньшую землю, по имени главнаго на ней селенія. *Изысканіе* будетъ около 30-ти миль окружностью, а *Теван* неболѣе 9-ти миль. По на-

блюденіямъ Дюрвиля, гавань *Осили* находится подъ 11° 40′ шир. южной и 164° 32′ долг. В.

Оба острова, по всей поверхности, покрыты лѣсами, отъ прибрежья до самыхъ внутреннихъ вершинъ. Самый возвышенный пунктъ купы, гора *Капого*, имѣетъ до 474 туазовъ въ высоту, и можетъ быть замѣчена въ 20-ти льё разстояніемъ.

Кромѣ двухъ главныхъ острововъ, находятся еще два островка въ заливѣ внутреннемъ, и одинъ изъ нихъ называется *Маневан*, по имени поколѣнія, на немъ обитающаго. Маленькій островъ *Нанунга* находится въ С. З. части купы. Каждый изъ этихъ островковъ неболѣе 500 туазовъ въ окружности.

Прибой, окружающій оба острова, перерывается только въ одномъ мѣстѣ, въ В. части, миль на восемь. Но и на другихъ мѣстахъ представляетъ онъ проходы, болѣе или менѣе узкіе, къ берегамъ острова, гдѣ глубина измѣняется отъ 30-ти до 40-ка брассовъ, но съ дномъ усѣяннымъ многими коралловыми отрогами, на которыхъ нерѣдко нѣтъ глубины и десяти футовъ.

Другой прибой, примыкающій къ самому берегу, окружаетъ острова, и потому подъѣздъ къ берегу труденъ. *Осили* и *Паіу* суть только два извѣстныя мѣста, гдѣ песчаныя прибрежья дѣлаютъ причалъ къ нему удобнымъ.

Жалкое и уродливое населеніе занимаетъ острова, впрочемъ обильные. Число жителей нельзя положить болѣе 1500 человѣкъ. Внутренность острова обширный, непроходимый лѣсъ. Обитаемы толь-

ко прибрежья. Воздѣлка идетъ недалѣе мили отъ береговъ. Таро, иньямы, бананы и кава, суть произбенія, которыя туземцами обрабопываются съ наибольшимъ стараніемъ.

Ваникорцы вообще малорослы, худы, щедушны, ничтожнаго вида. Кожа у нихъ черная, выраженіе лица непріятное. Нелѣпая вышина лба и сжатость его на вискахъ придаютъ дикарямъ здѣшнимъ видъ странный и уродливый. И съ крючками дерева и раковинами, продѣтыми въ хрящъ, едва замѣтенъ у нихъ носъ ихъ, маленькій и сдавленный. Ловкіе, гибкіе, здоровые вообще, они подвергаются однакожъ проказѣ и болячкамъ.

Женщины, по сравненію, еще безобразнѣе мужчинъ. Но какъ онѣ ни гадки, мужчины страшно ревнуютъ къ нимъ, и только охраняя ихъ грознымъ образомъ, показываютъ они милыхъ дикарокъ своихъ чужеземцамъ. Груди Ваникорокъ опвисаютъ съ юнаго возраста самымъ отвратительнымъ образомъ, и какъ будто страннаго этого свойспва было-бы недостаточно, дикарки тщательно перетягиваютъ еще себѣ грудь поясомъ подъ мышками.

Одежда мужчинъ ограничиваепся обыкновенно поясомъ ткани изъ волокнъ *гибиска*, или рапиновой плешушки, къ чему привязываютъ лоскупокъ ткани, служащій вмѣсто маро. У женщинъ одинакіе съ мужскими пояса, но только лоскупокъ ткани свѣшиваепся до колѣнъ. Въ нарядъ, волосы на головахъ мужчинъ и женщинъ связываются сзади, и кладупся въ лоскупокъ ткани, падающій на спи-

ну, въ видѣ длиннаго мѣшка. Мужчины и женщины цѣпляютъ въ уши, а иногда и въ носъ, кучу черепаховыхъ колецъ. Оба пола носятъ также браслеты, составленныя изъ кусочковъ раковинъ и кокосовой шелухи, что цѣнится весьма дорого.

Ваникорцы употребляютъ множество бетеля, и это ужасно портитъ у нихъ зубы. Для такого лакомства насаждаютъ они *piper*, или каву, ибо употребленіе его, какъ крѣпкаго напитка, имъ вовсѣ неизвѣстно. Въ маленькомъ калебассѣ, заткнутомъ деревянною втулкою, хранитъ дикарь известь, истолченную въ мѣлкій порошокъ; арекъ и бетель находятся у него въ двухъ маленькихъ сумочкахъ.—Ваникорцы знаютъ татуажъ накалываніемъ, но выводятъ узоры только на спинѣ, гдѣ изображаются у нихъ рыбы, ящерицы, и проч. — Впрочемъ, татуажъ едва у нихъ замѣтенъ—такъ черна ихъ кожа.

Пища дикарей состоитъ изъ рыбы, черепахъ, ракушекъ, таро, кокосовъ, банановъ, особеннаго рода сладкихъ бататовъ. Есть у нихъ два рода хлѣбнаго дерева, *inocarpus* и pandanus, но *arum*, или *таро*, который трутъ они особеннымъ образомъ, составляетъ главную пищу ихъ. Свиньи, до прибытія Астролябіи, были здѣсь большою рѣдкостью, и никакой домашней птицы вовсе незамѣчено.

Хижины строятся отъ 10-ти до 20 футовъ въ длину, при 6-ти и 10 футахъ въ ширину; крыши, въ обѣ стороны отлогія (en dos d'âne), поддерживаются тремя рядами кольевъ, и сходятъ до 4-хъ

и 5 футовъ отъ земли. Грубыя рогожки, изъ кокосовыхъ листьевъ, образуютъ такимъ образомъ стѣны и покрышку. На одномъ краю продѣлывается входъ. По срединѣ небольшое возвышеніе на плешушкѣ служитъ мѣстомъ домашнихъ утварей.

Нѣкоторыя изъ хижинъ, красивыя, просторныя и лучше построенныя, именуются жилищами атуа, и служатъ мѣстами для складки оружія, общественныхъ совѣщаній и храмовъ для молитвы. Многія изъ нихъ наполнены луками и стрѣлами, а на помостахъ кругомъ дикари спятъ.

Лодки Ваникорцовъ весьма грубой формы. Наиболѣе, это просто бревно, почти круглое, выдолбленное внутри, такъ, что только ноги дикарей могутъ помѣститься во впадинѣ; иногда такое бревно настилаютъ досками, чтобы оно непогружалось въ воду. Затѣмъ ставятъ на такую лодку оттвѣсы и мачту, превысокую, съ треугольнымъ парусомъ. Въ успѣхахъ мореплаванія дикари здѣшніе далеко отстали отъ сосѣдей своихъ Полинезійцовъ.

До сихъ поръ немогли узнать ничего вѣрнаго о религіи Ваникорской. Знаемъ одно, что у нихъ *есть* какая-то религія. Кажется, она составляетъ родъ фетишизма, ибо старикъ Моембе, жрецъ Маневайскій, по просьбѣ капитана Дюрвиля рѣшась показать своихъ атуа *Лубо* и *Баніе*, провелъ капитана къ хижинѣ бѣдной наружности, и вмѣсто перваго атуа указалъ на нору земляная краба, а вмѣсто втораго на земляное гнѣздо какихъ-то насѣкомыхъ, въ родѣ пчелъ, или муравьевъ. Когда

Дюрвиль поднесъ свои дары такимъ страннымъ божествамъ, Моембе благоговѣйно читалъ длинныя молитвы, каждому изъ божествъ, потомъ забралъ подарки, тщательно завернулъ и унесъ ихъ къ себѣ. Въ то-же время, какъ на пребываніе бога весьма могущаго, Моембе указывалъ на вершину горы Капого, и особливо еще на бѣловатый, голый утесъ, откуда текла дождевая вода.

Ваникорцы спорятъ, что они не людоѣды, но сказываютъ, что мочатъ въ морѣ трупы убитыхъ непріятелей, для отдѣленія костей отъ мяса. Черепа сохраняются потомъ въ знакъ побѣды, а изъ костей дѣлаются острые копейцы стрѣлъ. Дикари увѣрены, что стрѣлы съ костями причиняютъ смертельныя раны, чего непроизводятъ стрѣлы обыкновенныя. Съ этимъ трудно согласиться; но крайней мѣрѣ, неподтвердилось это опытами, дѣланными на Астролябіи и Изысканіи.

Языкъ Ваникорцовъ существенно различается отъ Полинезійскихъ нарѣчій, хотя и есть между ними общія слова. Впрочемъ, на Ваникоро нѣсколько языковъ, и г-нъ Гемаръ утвердилъ, что они различаются по племенамъ и въ разныхъ мѣстахъ острова. Вообще довольно звучные, они непредставляютъ ничего непріятнаго. Дикари одарены большою способностью къ языкамъ, и произносятъ Европейскія слова лучше всѣхъ дикарей Полинезійскихъ.

Небольшое населеніе Ваникоро распредѣляется въ восьми селеніяхъ, и каждое состоитъ изъ 30-40 хижинъ. На островѣ Изысканіе находятся: Мам-

били, Вану, Нама, Паіу, Танема; на Теваи Ваникоро и Теваи, и на островкѣ Маневаи селеніе съ этимъ именемъ. Прежде была еще деревня въ Осили, но совершенно уничтожилась. Каждое племя признаетъ своего начальника, или *алигуи*, котораго права и власть опредѣлить трудно. Дюрвиль замѣтилъ странность, что въ случаѣ войны, начальники остаются неутральны и невраждуютъ между собою; начинаютъ войну и дерутся только подданные. Если это справедливо, то противорѣчитъ обычаямъ всего остальнаго міра, ибо вездѣ право войны и мира предоставлено начальникамъ.

Произведенія острова общи съ произведеніями всей Океаніи, но въ нихъ вмѣшивается уже значительно природа Азіи. Капитанъ Диллонъ видѣлъ здѣсь манги. Птицъ считается множество родовъ. Рыбы обильно всякаго сорта, а на морскихъ скалахъ находятъ много молюсковъ; нѣкоторые изъ нихъ, прежде неизвѣстные и весьма любопытные, описаны естествоиспытателями Аспролябіи.

ГЛАВА LXXVIII.

НИТЕНДИ, ИЛИ САНТА-КРУЗЪ. ТУПУА, МИНДАНА, ДУФФЪ, ТАУМАКО.

Увлеченная противными вѣтрами отъ береговъ Ваникоро, Океанія, какъ я уже говорилъ, бросила якорь близъ острова Нитенди, Іюня 18-го. Направо и налѣво по заливу, въ который мы вошли, являлись многолюдныя, значительныя селенія, и съ различныхъ точекъ берега видѣли мы спѣшившія къ кораблю лодки. Не всѣ онѣ могли къ намъ достигнуть, ибо заливъ составлялъ обширное пространство, а паруса свернули мы непрежде, какъ достигнувши крайняго углубленія его. За то, едва остановились мы, вскорѣ можно было насчитать вокругъ насъ сотни лодокъ, принадлежавшихъ двумъ селеніямъ, находившимся по берегу противъ насъ. Въ каждой изъ лодокъ было отъ 3-хъ до 5-ти человѣкъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, и казалось, привычныхъ къ обращенію съ Европейцами. Хотя они производили шумъ ужасный, но

вели себя довольно мирно и довольно честно. Многіе привезли намъ запасовъ, кокосовъ, иньямовъ, родъ огурцовъ, спондій, большихъ голубей и немного свиней. Съ самаго Тонга-Табу неподбавляли мы себѣ припасовъ, и потомъ начинали уже они испощаться у насъ. Мы пользовались настоящимъ случаемъ для покупки, хотя цѣны были несравненно дороже противъ того, что платили мы на островахъ Полинезійскихъ. За свинью, напримѣръ, хотя и очень небольшую, надлежало давать топоръ.

Кромѣ свѣжихъ припасовъ, Пендлетону надобны были дрова и вода, чѣмъ хотѣлъ онъ также здѣсь запасаться. Вотъ почему старался онъ подружиться съ туземными старшинами, но напрасно однакожъ испощалъ онъ всю свою Океанійскую лингвистику — никто изъ явившихся дикарей непонималъ его. Мы хотѣли уже отказаться отъ безполезныхъ усилій, когда въ одной изъ лодокъ замѣтили дикаря, не столь какъ другіе темнаго цвѣтомъ, и существенно различнаго видомъ отъ Меланезцовъ. Пендлетонъ пригласилъ его на корабль, поговорилъ съ нимъ, узналъ отъ него, что онъ родомъ съ Тикопіа, называется *Фатаку*, и разбитіемъ лодки заброшенъ на Нитенди.

Чего-же лучше было такого нечаяннаго толмача? Пендлетонъ нарядилъ его въ драгоманы. Когда капитанъ изъявилъ желаніе подружиться съ какимъ нибудь старшиною, Фатаку указалъ ему на старика, довольно добраго вида, и при первомъ знакѣ, старикъ этотъ охотно взошелъ къ намъ. Топоръ,

лоскутъ красной ткани и нѣсколько мѣлочей восхитили нашего гостя—счастливый и горделивый, онъ показывалъ свои драгоцѣнности дикарямъ, бывшимъ въ лодкахъ, и принималъ видъ торжествователя, обремененнаго добычею побѣды. Насладившись утѣхою обладанія драгоцѣнностями, дикарь вздумалъ, что надобно чѣмъ нибудь за нихъ отдарить и спросилъ у Пендлетона, чего онъ желаетъ? Нашъ Тикопіецъ принялся изъяснять, что кораблю надобно дровъ и запасовъ. Старшина отвѣчалъ, что всего этого много у него въ селеніи *Мамбо*. Означаемое имъ селеніе находилось въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашей стоянки, на восточномъ берегу залива. Желая дать поскорѣе свидѣтельства своей дружбы, *Ламоа* (имя дикарскаго старшины) просилъ немедленно вести туда корабль. Но сперва надлежало увѣриться, стоило-ли обѣщаніе нашего пріятеля труда.

Потому уговорились мы, что Ламоа воротится къ себѣ вечеромъ, и назавтра приплыветъ къ намъ снова, чтобы провести двѣ наши шлюпки въ Мамбо. Послѣ уговора, старикъ поплылъ, и мы могли слѣдовать за нимъ взорами, пока онъ присталъ къ берегу, гордясь подарками нашими, и съ тщеславною радостью показывая ихъ толпѣ дикарей, собравшихся на прибрежьи. Впрочемъ, знакомецъ нашъ хорошо понялъ чего отъ него хотятъ, утвердилъ связь дружбы съ капитаномъ нашимъ, и тотчасъ согласился на обмѣнъ именъ, по обычаю Полинезійскому. Онъ называлъ послѣ сего нашего капитана Ламоа, за что его величали Пендлетономъ.

Лодки дикарей, удалившіяся отъ насъ при захожденіи солнца, снова явились близъ корабля, едва начался день. На этотъ разъ привезли къ намъ запасовъ, но такъ мало, что можно было подумать, или, что островъ совсѣмъ небылъ такъ обиленъ, какъ казался по наружности, или что онъ производилъ неболѣе, сколько было потребно для пропитанія его жителей. Другъ нашъ Ламоа-Пендлетонъ былъ изъ первыхъ, пріѣхавшихъ утромъ, и явился уже въ сопровожденіи сына своего. Въ замѣну вчерашнихъ подарковъ, онъ привезъ иньямовъ, сладкихъ папаповъ, арековыхъ орѣховъ, но всего этого столь немного, что его можно было подозрѣвать въ скупости. Отдаривши насъ, Ламоа сѣлъ въ одну изъ нашихъ шлюпокъ, а сынъ его въ другую. Я просилъ позволенія отправиться простымъ наблюдателемъ, ибо лучше случая нельзя было мнѣ дождаться для взгляда на островъ, столь мало вѣдомый.

Въ семь часовъ утра отправились мы, и черезъ часъ были уже передъ Мамбо. Простой взглядъ на бухту и нѣсколько промѣровъ лотомъ могли тотчасъ показать нашему лейтенанту Раинбову, что Океанію невозможно было привесть сюда неподвергая большой опасности. Окружность составляло низкое, открытое прибрежье, по которому извивалась небольшая рѣчка. Шлюпки взошли вверхъ по ней на 200-300 туазовъ. Ширина ея между берегами была до 40 футовъ, при прехъ глубины. Вода ея была совершенно прѣсная.

Наскоро стали наливаться, а я могъ между тѣмъ сдѣлать маленькую прогулку къ селенію. Пріятель Ламоа нехотѣлъ было сначала на это согласиться, но я представилъ ему убѣжденіе, единственное, которое могло быть ему понятно — нѣсколько пронизокъ. Затрудненія неустояли противъ силы подарка, и Ламоа велѣлъ даже сыну своему проводить меня.

Селеніе Мамбо состояло хижинъ изъ сорока, большихъ, удобныхъ, съ дверями съ каждой стороны, и съ каменными огорожами, 4—5 футовъ вышиною и столько-же шириною. Стѣны эти составляли родъ отдѣльныхъ укрѣпленій, и при помощи ихъ, каждая хижина могла сдѣлаться крѣпостью для защиты жителей. Заглянувши во внутренность одного изъ жилищъ, я увидѣлъ, что оно убрано рогожками, даже по землѣ, и что очагъ былъ посрединѣ, гдѣ горѣлъ огонекъ, вѣроятно, для приготовленія пищи. Дикарей собралось тогда отъ шести до восьми десятковъ. Опрятные и сильные, они казались такъ здоровы, что надобно было предполагать ихъ питающимися въ изобиліи, и доброю пищею. Ни одинъ неоказалъ мнѣ гостепріимной вѣжливости, которую всегда видѣлъ я отъ самыхъ негостепріимныхъ Полинезійцовъ. Туземцы здѣшніе, напротивъ, казалось, смотрѣли на меня подозрительно и недовѣрчиво, даже я видѣлъ, что они обратили часть досады своей на сына Ламоа, упрекая его сердитыми взглядами, зачѣмъ согласился приводить онъ незваннаго гостя въ семейственныя убѣжища ихъ. Мой услужливый сопутникъ

поспѣшилъ послѣ сего отказаться отъ услужливой роли *гичероне*. Черезъ часъ прогулки, онъ повелъ меня къ пристани, стараясь растолковать, что теперь ужь я довольно насмотрѣлся. Въ поспѣшной прогулкѣ нашей успѣлъ я замѣтить нѣсколькихъ женщинъ, не вовсе дурныхъ собою, несмотря на темный цвѣтъ кожи ихъ, и на то, что употребленіе бетеля съ известкой ужасно обезображивало рты ихъ. Всю одежду дикарокъ составлялъ передникъ, сходившій отъ пояса до колѣнъ, и лоскута грубой пикани, покрывавшей ихъ голову и плечи. Мужчины жуютъ здѣсь также бетель, въ такомъ множествѣ, что зубы у нихъ становятся похожими на маленькіе клыки, воткнутые въ челюсти.

Часа въ два по полудни отправились мы обратно къ кораблю. Пендлетонъ ожидалъ насъ нетерпѣливо. Невозможность подвинуться съ кораблемъ къ агвадѣ тѣмъ была ему досаднѣе, что изъ окрестныхъ селеній доставляли очень мало припасовъ, и дикари начинали уже показывать опасное буйство.

Въ числѣ различныхъ случаевъ, какими ознаменовалось наше пребываніе у Нитенди, одинъ былъ столь особеннаго характера, что объ немъ надобно упомянуть. Онъ послужитъ впрочемъ свидѣтельствомъ того, какъ велико вліяніе жрецовъ на дикарей, и какими невѣроятными мошенничествами пріобрѣтаютъ его и поддерживаютъ. Въ числѣ дикарей, прибывшихъ къ кораблю, находился одинъ жрецъ, и едва замѣтилъ его Ламоа, какъ

началъ просить чести взойдти ему на корабль. Права на такое преимущество состояли, по словамъ друга нашего, въ томъ, что дикарь былъ жрецъ, колдунъ и вдохновлялся богами. По причинѣ всѣхъ такихъ, естественныхъ, или сверхъестественныхъ качествъ, мошенникъ этотъ былъ на Нитенди весьма значительною особою. Пендлетонъ невидѣлъ опасности согласиться на требованіе пріятеля, приказалъ пустить жреца, и самъ сталъ подносить ему подарки. Но жрецъ недопустилъ до этого, и занялся тѣмъ, что казалось ему важнѣе. Ему хотѣлось немедленно показать свои знанія колдовскія, и онъ явился, сколько для пріобрѣтенія подарковъ, столько и для показанія своихъ необыкновенныхъ дарованій. Едва очутился онъ на палубѣ, какъ сбросилъ съ плечъ своихъ какой-то мѣшокъ, и началъ размахивать руками, кричать, говорить, будто бѣсноватый. Это значило, что внезапно посѣтилъ его небесный духъ. Всѣ дикари начали смотрѣть на него съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, которое до того простерлось, что лодки ихъ отошли отъ корабля, чтобы непотревожить какъ нибудь неземнаго посѣтителя. Только лодка жреца могла въ то время неоставлять корабля нашего. Пока главный актеръ игралъ свою ролю, двое товарищей его, бывшихъ съ нимъ въ лодкѣ, вбѣжали на корабль и стали объявлять, что духъ требуетъ топора въ подарокъ. Пендлетонъ исполнилъ требованіе духа, прибавивши еще нѣсколько пронизокъ. Казалось, что жрецъ вовсе незаботится о подаркахъ, потому-ли, что онъ

ждалъ прибавки, или сначала надобно было ему доиграть комедію. И вотъ онъ продолжалъ дуть, ревѣть; пѣна била у него клубомъ. Дикари говорили, что никогда еще духъ неявлялся съ такою славою. Полчаса прошло въ кривляньяхъ, ревѣ, корчахъ, самыхъ упомительныхъ, и все окончилось восклицаніемъ, длиннымъ и пронзительнымъ. Духъ отправился домой. Жрецъ поскорѣе собралъ все, что положили передъ нимъ, топоръ, пронизки, спряталъ въ свой мѣшокъ, проворно спрыгнулъ въ свою лодку, и сильно началъ грести къ берегу, продолжая ревѣть и завывать. Мы долго немогли опомниться отъ такого страннаго посѣщенія. Чего хотѣлъ этотъ дикарь: получить подарокъ, или у него скрывалось что нибудь особенное? Мы рѣшительно ничего понять немогли. Когда спрашивали мы Фапаку и Ламоа, они немогли, или нехотѣли ничего объяснять. Одно повторяли тотъ и другой, что жрецъ былъ весьма великій человѣкъ на Нитенди, и что мы очень хорошо сдѣлали, поднеся ему подарки по его вкусу.

На другой день, двѣ шлюпки наши опять поплыли къ Мамбо. На сей разъ предположилъ я совершить мою прогулку сколько можно далѣе вчерашняго, и особливо посѣтить великолѣпный источникъ воды, сверкавшій между утесами, неподалеку отъ прибрежья. Я полагалъ, что это тотъ самый, о которомъ говорится въ повѣствованіи Испанца Миндана. Превосходно расположилъ я мой планъ. Зная слабую сторону Ламоа — охоту до подарковъ—мнѣ легко было поладить съ нимъ за

богатое пронизковое ожерелье. Послѣ этого онъ былъ уже мой, и радъ былъ выводить меня по всему острову. И въ самомъ дѣлѣ, едва ступилъ я на берегъ, Ламоа самъ пошелъ со мною, и повелъ меня къ ручью, который мнѣ такъ хотѣлось видѣть. Дѣло пошло превосходно, но шагахъ въ сотнѣ появился передъ нами проклятый вчерашній колдунъ, и опять вдохновенный, начавши свои кривлянья, какъ будто въ него вселился самъ бѣсъ, а между тѣмъ онъ загородилъ мнѣ дорогу. Напрасно думалъ я успокоить его подарками, и открыть себѣ далѣе путь выкупомъ. Бѣсноватая каналья ничего неслушалъ, кричалъ, кривлялся. Тутъ Ламоа началъ требовать, чтобы я воротился назадъ, непротивясь волѣ небеснаго духа, съ которымъ едва-ли неуговорился онъ напередъ разыгрывать комедію, столь нелѣпую. Несмотря ни на что, я упорно хотѣлъ идти, и мой пріятель удалился отъ меня, оставляя мое любопытство спорить съ бѣсноватымъ жрецомъ, и съ двадцатью сильными дикарями, прибѣжавшими на его вопли. Неимѣя никакой надобности въ моемъ посѣщеніи, дикари начали смотрѣть на меня свирѣпо, и хлопать по своимъ лукамъ съ угрожающимъ видомъ. Легко было понять, что это значило, и я рѣшился неспорить противъ неравной силы. Возвратясь къ матрозамъ, наливавшимъ водою боченки наши, принужденъ я былъ отправиться обратно, незамѣтивши ничего особливаго на прибрежьи, которое природою и видомъ походило на двадцать другихъ, прежде видѣнныхъ мною.

Едва возвратились мы на корабль, Пендлетонъ велѣлъ распускать паруса. Маленькій вѣтерокъ, повѣявшій изъ залива, прекрасно пособилъ нашему отплытію. Капитанъ радъ былъ поскорѣе оставить пристанище, весьма ненадежное, и добромъ разстаться съ дикарями, свирѣпыми и жадными, которыхъ удерживали въ почтеніи только пушки нашей Океаніи.

Нитенди, *Инденди, Индени* — какъ различно произносятъ имя этого острова мореплаватели — былъ открытъ Мендана, 7-го Сентября 1595 года. Этотъ Испанскій генералъ отправился изъ Перу, для основанія колоній на островахъ Соломоновыхъ, открытыхъ имъ въ первое его путешествіе, въ 1568 году. Ночью, 6-го числа, передъ Нитенди, одинъ изъ кораблей эскадры отдѣлился отъ другихъ въ темнотѣ, и вѣроятно, разбился гдѣ нибудь на ближнихъ островахъ, ибо съ тѣхъ поръ объ немъ ничего небыло слышно.

Сентября 9-го, при другіе корабля остановились въ заливѣ Graciosa, и вскорѣ увидѣли себя окруженными множествомъ лодокъ. Прибывшіе въ лодкахъ дикари проплыли мимо кораблей, громко крича и размахивая руками. Одни были темные, другіе совсѣмъ черные. Курчавые волосы дикарей были окрашены разными цвѣтами, бѣлымъ краснымъ, желтымъ, и всю одежду составляли передники изъ тонкой ткани. Лица и руки дикарей, чернаго, лоснящагося цвѣта, украшались разными полосами. Запястья и кольцы разнаго вида были

притомъ на рукахъ и на ногахъ. Оружіе составляли луки, стрѣлы, съ острыми костями, или обожженными остреями, дубины изъ тяжелаго дерева, копья съ тремя остреями, и большіе каменья. На иныхъ были сумочки изъ пальмовыхъ плетушекъ, куда клали они свои запасы.

Съ перваго взгляда, Миндана показалось, что дикари принадлежали къ роду обитателей Соломоновыхъ острововъ. Только начавши говорить съ ними на языкѣ этого архипелага, онъ увидѣлъ свою ошибку. Дикари долго осматривали корабли, и ни одинъ изъ нихъ неосмѣлился взойдши на палубу, несмотря на самыя дружескія и усильныя приглашенія. Наконецъ, посовѣтовавшись между собою, вдругъ всѣ они схватились за оружіе. Главнымъ начальникомъ былъ худой, тощій старичишка, повелѣній котораго, казалось, никто недерзаетъ преслушать. Общій ревъ раздался въ лодкахъ, и на корабли полетѣла туча стрѣлъ; впрочемъ никто не былъ ими раненъ.

Желая отразить нападеніе, Испанцы отвѣчали ружейнымъ залпомъ, убили одного дикаря, ранили другаго, и такъ ужаснули остальныхъ, что всѣ они бросились бѣжать. Послѣ этого корабли стали при входѣ неглубокаго и ненадежнаго залива. Одинъ изъ нихъ чуть было неразбился съ приливомъ.

На другой день Миндана искалъ пристанища надежнѣе, и открылъ порядочную стоянку передъ селеніемъ, подлѣ рѣки. Тутъ немедленно поставили стражу, одного сержанта и двѣнадцать сол-

дать, но дикари столь жестоко напали на эту стражу, что Испанцы принуждены были укрѣпиться за одною изъ хижинъ, и безъ сомнѣнія, ихъ побили-бы, если-бы шлюпка, поспѣшившая отъ корабля, непомогла товарищамъ. На слѣдующій день, удобнѣйшее пристранище открыто близъ рѣки, гдѣ на прибрежьи находилось множество заселеній. Переходъ сюда ознаменовался сношеніями болѣе мирными, и вечеромъ, вмѣсто грома оружія, раздавались только звуки дикаго оркестра, составленнаго изъ барабана и двухъ палокъ, которыми били мѣру для пляски, смѣшанной съ крикомъ и веселою пѣснею.

Прибывшіе къ кораблю дикари были украшены красными цвѣтами на головахъ и на рукахъ. По убѣдительнымъ просьбамъ Испанцовъ, нѣкоторые изъ нихъ отважились взойдти на палубу безъ оружія. Между такими смѣльчаками находился старикъ, лѣтъ шестидесяти, болѣе смуглый, нежели черный, худощавый, съ сѣдыми волосами, украшенными голубыми, красными, желтыми перьями, съ лукомъ и стрѣлами, у которыхъ были костяныя остріея. Около него держались два человѣка, казавшіеся старшинами, но очевидно нисшаго званія. Уборъ старика и отношенія къ нему другихъ показывали, что онъ былъ лицо особенно важное. Едва взошедши на палубу, старикъ спрашивалъ знаками, кто старшина Испанскій, и когда генералъ побѣжалъ къ нему съ развертыми объятіями, онъ объявилъ, что имя его *Малопе*. Начальникъ Испанскій отвѣчалъ въ свою очередь, что зовутъ

его Миндана, и предложилъ дикарю обмѣняться именами. Дикарь съ радостью согласился, и однажды выпвердивши свое новое имя, казалось, гордился такою честью. Когда называли его Малопе, онъ останавливалъ ошибавшагося, указывалъ пальцемъ на генерала, и прибавлялъ, что онъ не Малопе, а Миндана. Разговаривая съ Испанцами, объявилъ онъ, что у него есть еще имя, *Таурике*, и Испанцы положили, что это должно быть просто означеніе достоинства дикаря.

Послѣ такихъ первоначальныхъ учтивостей, перешли къ вѣжливостямъ болѣе важнымъ. Миндана далъ нѣсколько подарковъ старшинамъ, а матрозы то-же сдѣлали съ разными дикарями. Подарки Испанскіе состояли изъ перьевъ, погремушекъ, пронизокъ и нѣсколькихъ лоскутовъ тканей. Дикари все это повѣсили себѣ на шеи. Принимая подарки, повторяли они слово: *Amigos* (другъ), которое Испанцы растолковали имъ; потомъ прогали руками руки матрозовъ и солдатъ, и бросались обниматься. Послѣ сего могли дѣлать съ ними что угодно—брили имъ волосы, стригли ногти; это чрезвычайно забавляло ихъ, и они просили себѣ бритвъ и ножницъ, чтобы самимъ тоже дѣлать съ земляками. Изумленные разными цвѣтами Европейской одежды, дикари думали сначала, что это была удивительная какая-то кожа у ихъ новыхъ пріятелей, но когда показали имъ, что эту кожу можно снимать и надѣвать по произволу—самыми странными кривляньями изъявляли они свое удивленіе.

Четыре дня прошло такимъ образомъ, говоритъ Испанскій повѣствователь, и дикари привозили къ намъ во все это время разные припасы. Малопе часто посѣщалъ насъ, и казался великимъ пріятелемъ нашимъ. Однажды приплылъ онъ однакожъ съ пятьюдесятью лодками, въ которыхъ замѣтили спрятанное оружіе. Малопе взошелъ на корабль, но увидя солдата, нечаянно взявшагося за ружье, дикарь тотчасъ бросился къ берегу, такъ, что его немогли остановить. Туземцы встрѣтили Малопе на землѣ съ изъявленіями величайшей радости. Послѣ того, дикари какъ будто совѣщались между собою, и въ тотъ-же вечеръ выбрали они всѣ свои пожитки изъ жилищъ, близкихъ къ гавани. Во всю ночь видны были огни, разложенные на другой сторонѣ залива; лодки ходили отъ одного селенія къ другому, какъ будто перенося распоряженія между людьми, готовящимися къ большимъ предпріятіямъ. Утромъ матрозы Испанскаго галіота отправились къ рѣчной агвадѣ, и попались на засаду дикарей, преслѣдовавшихъ ихъ стрѣлами. Принуждены были съ кораблей отбиться пушечными выстрѣлами. По окончаніи перевязки раненыхъ, генералъ отправилъ отрядъ мстить кровью и огнемъ за измѣну. Тридцать человѣкъ составляли отрядъ. Дикари защищались, и уступили только потерявши пять человѣкъ убитыми. Никто изъ Испанцовъ небылъ убитъ. У дикарей сожгли нѣсколько хижинъ и лодокъ, и срубили множество пальмъ въ окрестностяхъ. Капитанъ донъ Лорензо посланъ былъ на фрегатѣ отыскивать от-

ставшій отъ другихъ корабль Испанскій, а одинъ изъ офицеровъ отправился раззорять селеніе дикарское. Хотѣли узнать на опытѣ: нельзя-ли причиненіемъ небольшаго зла постараться непричинять потомъ туземцамъ зла болѣе. Дикари неожидали нападка. Семеро изъ нихъ, захваченные въ зажженныхъ хижинахъ, храбро дрались, недумая о жизни своей бросались въ средину непріятелей, и всѣ погибли, кромѣ одного, израненнаго и убѣжавшаго. Въ отрядѣ Испанскомъ ранено двое. Раззоренное селеніе принадлежало Малопе, который вечеромъ явился на берегъ, билъ себя въ грудь и призывалъ Испанскаго генерала, называя его Малопе, а себя именуя Миндана. Онъ доказывалъ, что на него напали несправедливо, и что не его люди нападали на Испанцовъ, а другіе дикари, живущіе на другой сторонѣ залива. Натягивая лукъ свой, старался онъ показать, что готовъ, если мы хотимъ, пристать къ намъ и биться съ земляками. Генералъ старался утѣшить дикаря, и новыя изъявленія дружбы показаны съ обѣихъ сторонъ.

Сентября 21-го, корабли заняли лучшее положеніе въ томъ-же заливѣ. Лорензо воротился, невстрѣтивъ нигдѣ слѣдовъ разлучившагося корабля. Обходя островъ съ сѣверной стороны, онъ увидѣлъ заливъ, окружность котораго казалась населеннѣе и обильнѣе всѣхъ другихъ мѣстъ острова; кромѣ того, льё въ восьми отъ Нитенди, открытъ островъ, миль восьми окружностью (*Тупуа*, безъ сомнѣнія), а въ 10-ти льё на С. З. еще три острова, населенные племенемъ нестоль черным,

покрытые кокосами и загражденные столькими утесами, что конца ихъ небыло видно. Эти острова должны быть купа *Миндана*.

По возвращеніи Лоренза, эскадра перешла въ сѣверный заливъ. Пока продолжалась ночь послѣ прибытія сюда, слышны были смѣхи дикарей и можно было различить восклицанія ихъ: Amigos! Но съ наступленіемъ дня, мнимые друзья принялись за стрѣлы и каменья. Небоясь пушекъ, дикари почти всѣ бросились вплавь и окружили якорные буи, ухватились за нихъ и съ воплями старались ихъ тащить, думая, что у нихъ достанетъ силъ привлечь корабли къ берегу. Для воспрепятствованія такой наглости отправилась шлюпка и горячо напала на дикарей. Несмотря на недостаточность своего оружія, дикари дрались отчаянно, ранили двухъ Испанцовъ, и удалились тогда только, когда трое изъ нихъ пали мертвые. Прибрежье было такимъ образомъ очищено, и Испанцы принялись устроивать свою колонію.

Доброе согласіе немогло установиться между туземцами и Испанцами. Дошло до того, что Испанцы измѣнически умертвили Малопе. Съ того времени, всѣ пріятельскія сношенія прекратились и дикари дышали только мщеніемъ. Къ умноженію замѣшательствъ, возмущеніе открылось между высаженными на берегъ поселенцами, и офицеры возстали противъ начальниковъ кораблей. Принужденный показать примѣръ строгости, Миндана отрубилъ головы двумъ заговорщикамъ и по-

вѣсилъ претьяго. Но огорченія совершенно разстроили его здоровье, и безъ того уже пострадавшее. Онъ умеръ, а вдова его, донна Изабелла де-Барретосъ, принявши начальство надъ эскадрой, оставила, послѣ 69-ти дневнаго пребыванія въ заливахъ, пагубный Нипенди, который Испанцы назвали тогда *Санта-Крузъ*, (островъ св. Креста).

Опъ неудачнаго Испанскаго опыта колонизаціи, кажется, ничего неосталось на островѣ, кромѣ нѣсколькихъ Испанскихъ словъ, сохранившихся надолго между дикарями. Санта-Крузъ послѣ Миндана былъ, такъ сказать, позабытъ, до того времени, когда Англичанинъ Картеретъ посѣтилъ его. Это новое открытіе острова было 12-го Августа 1767 года. Экипажъ Картеретова корабля былъ изнуренъ болѣзнями и нуждами всякаго рода. Корабль, пострадавшій отъ ужасныхъ бурь, едва могъ совершать свои маневры, и течь открылась немного повыше того, какъ достигали волны морскія. Только пристанище къ берегу могло спасти мореплавателей и дать имъ средства исправить поврежденіе корабля.

Картеретъ остановился сначала въ С. В. части Нипенди. Потомъ, когда мѣсто показалось ему неблагопріятно, онъ перешелъ къ сѣверному прибрежью, и держался на парусахъ,ославши шлюпку, съ пятнадцатью вооруженными людьми, сдѣлать предварительное обозрѣніе. Приказано было пріискать прежде всего якорное мѣсто, а потомъ постараться о дружбѣ дикарей и промѣнѣ на припасы разныхъ вещей. Впрочемъ, Картеретъ приказывалъ,

отнюдь неспускать болѣе двухъ человѣкъ на берегъ, и оставаться экипажу въ лодкѣ.

Едва отплыла шлюпка, дикари появились съ другой стороны и знаками звали къ себѣ. Картеретъ отправилъ особую лодку, подъ начальствомъ лейтенанта. Встрѣченный стрѣлами, этотъ офицеръ принужденъ былъ немедленно воротиться. Такой пріемъ мало говорилъ въ пользу того, который могъ встрѣтить боцманъ, посланный въ первой шлюпкѣ. Дѣйствительно, черезъ часъ первая шлюпка возвратилась, выдержавши жестокое нападеніе. Боцмана ранили тремя стрѣлами; многіе матрозы подверглись большимъ или меньшимъ ранамъ. Вотъ какъ происходило все дѣло:

Въ двухъ, трехъ льё на З. отъ того мѣста, гдѣ находился корабль, боцманъ увидѣлъ жилища, и въ нихъ небольшое, по видимому, число дикарей. Вопреки полученнымъ приказамъ, онъ почелъ возможнымъ выйдти на берегъ, съ нѣсколькими людьми, вооружась ружьями и пистолетами. Испуганные видомъ пришельцовъ, дикари сначала разбѣжались, но потомъ, ободренные подарками, они воротились и стали дружиться. Отъ нихъ потребовали кокосовыхъ орѣховъ, и они принесли немедленно, присовокупивши къ тому жареную рыбу и нѣсколько вареныхъ иньямовъ. Обольщаясь такимъ дружескимъ привѣтомъ, боцманъ пошелъ съ людьми своими до жилищъ, находившихся въ нѣсколькихъ шуазахъ отъ прибрежья. Тутъ приняли его превосходно, изъявляли ему всякія ласки, и снова принесли припасовъ. Все шло хорошо; казалось,

что установилось совершенное согласіе, но боцману вдругъ вздумалось приказать срубить одно кокосовое дерево. Напрасно дикари изъявили свое неудовольствіе. Англичанинъ настоялъ, требовалъ непремѣнно. Оскорбленные такимъ упрямствомъ, дикари невдругъ однакожь приступили къ насилію. Они удалились всѣ, за исключеніемъ одного, по видимому, имѣвшаго власть надъ другими. Но толпы ихъ собирались кругомъ, и это явно можно было видѣть сквозь кустарники. Одинъ изъ матрозовъ указалъ боцману, и онъ думалъ испугать непріятеля, выстрѣливши изъ пистолета на воздухъ. При звукѣ выстрѣла, остававшійся дикарь ушелъ къ своимъ землякамъ. Тутъ надобно было поспѣшнѣе оставить мѣсто, гдѣ готовилось мщеніе, но боцманъ потерялъ безъ толку драгоцѣнное время и мѣшкалъ идти къ шлюпкамъ, пока дикари бросились на Англичанъ толпою, съ оружіемъ. Часть ихъ побѣжала къ шлюпкѣ, а другая кинулась на отрядъ Англійскій. Надобно было драться и беречь шлюпку.

Дикарей было триста, или четыре ста человѣкъ, вооруженныхъ луками въ 6-ть футовъ, и стрѣлами по 4-ре фута длиною. Они стрѣляли стройно, всѣ вдругъ, какъ можно-бы ожидать только отъ войска регулярнаго. Положеніе Англичанъ становилось критическимъ, и напрасно неосторожный боцманъ хотѣлъ выйдти изъ него упорствомъ защиты, пробиваясь къ шлюпкѣ. Англичане стрѣляли; множество дикарей пало мертвыхъ и раненыхъ. Но небоясь огня, продолжали они пускать стрѣлы,

такъ-же стройно, какъ и мѣшко. Англичане дошли до шлюпки; тутъ задержалъ ихъ запутавшійся причалъ; половина народа занялась имъ и была безъ защиты подвержена стрѣламъ дикарей. Перерубивши причалъ и отплывши отъ берега, Англичане немогли еще избавиться отъ остервенѣлаго непріятеля. Дикари спѣшили въ лодкахъ догонять бѣгущихъ, и только залпъ изъ большихъ мушкатоновъ, заряженныхъ каждый восьмью и десятью пулями, потопившій одну лодку и погубившій множество нападавшихъ, могъ спасти Англичанъ.

Черезъ три дня послѣ этого событія, боцманъ и трое лучшихъ матрозовъ умерли отъ ранъ. Картеретъ рѣшился стать въ противолежавшемъ заливѣ, который назвалъ онъ *Ласточкинымъ* (Swallow), по имени своего корабля. На сей разъ, непосылая еще людей своихъ, онъ вздумалъ очистить берегъ двумя пушечными выстрѣлами. Несмотря на такую предосторожность, едва вышли Англичане на берегъ, наливаться водою, ихъ осыпала туча стрѣлъ, опасно ранившая только одного. Поспѣшно обратили шлюпки къ кораблю, и картечнымъ выстрѣломъ разсыпали толпу, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ сотъ дикарей, побѣжавшихъ послѣ сего къ своему селенію. Они возвратились однакожь еще въ большемъ числѣ, стали отъ корабля далѣе, думая быть безопасными отъ пушекъ, но ядро, попавшее въ средину толпы, показало имъ, что и тутъ можно достать ихъ. Послѣ сего разсѣялись они совершенно и ихъ больше невидали. Несмотря на то,

Англичане сходили однакожь на землю неиначе, какъ произведя нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ въ окружавшій прибрежье лѣсъ, когда между шѣмъ съ шлюпокъ производилась ружейная стрѣльба.

Вступивши подъ паруса 17-го Августа, Карперетъ обошелъ весь сѣверный берегъ острова. Въ трехъ миляхъ на западъ отъ селенія, гдѣ сражался боцманъ Карперетовъ, увидѣли селеніе, или кучу хижинъ, болѣе значительную, огороженную съ моря каменнымъ парапетомъ, фута четыре вышиною, съ острыми, входящими внутрь углами, какъ въ Европейскихъ укрѣпленіяхъ. Немного далѣе текла рѣка, углублявшаяся внутрь острова, и по видимому, судоходная для небольшихъ судовъ. Еще далѣе на западъ, берегъ образовывалъ большой заливъ. «Въ его окрестностяхъ,» говоритъ Карперетъ, «находилось весьма обширное селеніе, и жители кишали въ немъ, какъ пчелы въ ульѣ. Когда корабль проходилъ около берега, невѣроятное множество дикарей высыпало изъ селенія, и каждый держалъ въ рукѣ что-то похожее на пукъ зеленой травы; дикари стегали другъ друга этою травою, и между шѣмъ бѣгали кругами и плясали.»— Но потомъ, передъ островомъ *Huerta* (огороднымъ) и въ окрестностяхъ залива *Graciosa*, народонаселеніе казалось еще многочисленнѣе, и весь берегъ былъ усѣянъ безпрерывными жилищами, наполненными народомъ. Шлюпка, отправленная для измѣренія моря, была встрѣчена тучею стрѣлъ, на что отвѣчали картечью и пулями, принудившими лодки дикарей удалиться.

Каршеретъ оставилъ здѣшніе острова 18-го Августа. Хотя очень хорошо зналъ онъ, что эти самыя земли открылъ Миндана, за 200 лѣтъ до него, но тѣмъ неменѣе назвалъ онъ, по своему, всю купу *островами королевы Шарлотты*, Нитенди *островомъ Эгмонта*, и такъ далѣе. Впрочемъ, карта его составляла весьма несовершенный очеркъ, когда Данпркасто приступилъ къ настоящей гидрографіи архипелага. Онъ явился здѣсь 19-го Мая 1793 года, и почти совершенно окружилъ Нитенди въ слѣдующіе дни. Увидѣвши, 21-го числа, весьма углубленный заливъ, отрядили въ него лодку, которая нашла, что это былъ не заливъ, но проливъ, между главною землею и *островомъ Гоу* (Howe). Небольшое это обозрѣніе непрошло даромъ. Когда невозможно было предвидѣть никакого непріязненнаго дѣйствія, одинъ дикарь пустилъ стрѣлу въ матроза и ранилъ его. Дерзкаго положили на мѣстѣ пулею, а товарищи его бросились бѣжать вплавь.

Потомъ Данпркасто обходилъ южнымъ берегомъ, на которомъ видны были поставленныя лѣстницею по прибрежью хижины, недалеко одна отъ другой, окруженныя каменными загорожами. Лодками, вытащенными на песокъ, было покрыто все прибрежье. Обогнувши западную часть острова, 22-го Данпркасто находился противъ сѣверной стороны, казавшейся населенною болѣе южной. Островъ Huerta, или *Треваньонъ*, по видимому, кипѣлъ многолюдствомъ, которое грозило плавашелямъ палками и копьями.

Шлюпки эскадры имѣли на слѣдующій день сношеніе съ дикарями одного заселенія, лежавшаго на приморьи, въ прелестномъ мѣстечкѣ. Остановились тутъ близъ асоровъ одного утеса, на который толпою собрались туземцы, видя предлагаемые имъ подарки. Обмѣны произведены были послѣ того спокойно, но съ безпрерывною недовѣрчивостью. Дикари неоставляли своего оружія, а если и успѣвали ихъ уговорить на это, они отдавали луки свои людямъ одной лодки, а стрѣлы въ другую лодку. Вымѣняли тутъ отъ нихъ браслетовъ, превосходно сдѣланныхъ, ожерелій и другихъ вещей. Единственныя видѣнныя тогда у нихъ Европейскія вещи, были пронизки стеклянныя, и родъ топора, сдѣланнаго изъ обломка желѣзнаго обруча. Данпркасто думалъ, что это осталось на островѣ послѣ Картереша, но можно вѣрнѣе полагать, что обитатели Нитенди получили вещи отъ Ваникорцовъ, и что это были остатки отъ кораблекрушенія Лаперузова. Нѣсколько женщинъ, замѣченныхъ на берегу, прикрывались передникомъ, сходившимъ у нихъ до колѣнъ, и лоскуты ткани закрывали еще у нихъ головы и остатокъ тѣла.

Послѣ краткаго пребыванія, неозначеннаго, какъ мы видѣли, ничѣмъ замѣчательнымъ, Данпркасто оставилъ Нитенди. Безъ сомнѣнія, островъ посѣщали потомъ въ разныя времена разные корабли Европейскіе, китоловные и другіе. Но только капитанъ Диллонъ сообщилъ объ немъ новѣйшія свѣдѣнія. Послѣ отбытія отъ Ваникоро пошелъ онъ

прямо сюда, сколько для добычи припасовъ, столько-же для собранія свѣдѣній о судьбѣ Французовъ, спасшихся отъ гибели Лаперуза и уплывшихъ отъ Ваникоро. Октября 10-го 1827 года, *Изысканіе* приблизилось сюда, къ сѣверному берегу, и многія лодки спѣшили къ нему, но немогли его достигнуть. Корабль шелъ къ заливу Graciosa, и приближась сюда, моряки замѣтили всѣ утесы покрытые черными точками — это были головы дикарей. Далѣе 25-ть лодокъ подходили къ кораблю, и дикари кричали Англичанамъ: *токи, токи!* Но никто изъ нихъ нехотѣлъ взойдти на палубу, хотя два Тикопійца, спутники Диллона, усердно къ тому приглашали.

Задержанный безвѣтріемъ, только на другой день Диллонъ могъ войдти въ заливъ. Тутъ увеличилось число лодокъ, и на нихъ привезли свиней, живности, большихъ голубей, родъ огурцовъ, манги и плоды спондіи. Вскорѣ насчитывали вокругъ корабля 135 лодокъ, наполненныхъ народомъ, столь сильно кричавшимъ, что на кораблѣ слова было неслыхать отъ страшнаго шума. Поступки гораздо непріязненнѣе умножили затрудненіе корабля. Дикари пустили нѣсколько стрѣлъ въ офицеровъ, и отъ скучныхъ посѣтителей принуждены были избавиться ружейнымъ залпомъ.

Это происходило на западной сторонѣ залива. Диллонъ приблизился къ противоположной сторонѣ его, отвуда опять выплыли дикари, но болѣе честные и миролюбивые. Они бранили даже сво-

ихъ земляковъ за дерзость, и говорили, что очень хорошо поступлено съ негодяями, которыхъ поподчивали изъ ружей. Такимъ образомъ Диллонъ доспигъ до самаго внутренняго края залива. Здѣсь познакомился онъ съ Ламоа, и послалъ шлюпку запасшись водою и дровами въ Мамбо. Тутъ капитанъ успѣлъ поторговаться съ однимъ дикаремъ весьма страннымъ товаромъ—купилъ у него зубъ, и вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Диллонъ :

«Наканунѣ замѣтилъ я—говоритъ онъ—дикаря, обратившаго на себя мое вниманіе страннымъ зубомъ своимъ.

« Зубъ этотъ торчалъ у него въ верхней челюсти и былъ преогромный. Я хотѣлъ было заманить къ себѣ на корабль обладателя рѣдкаго такого клыка, и разсмотрѣть эту диковинку поближе, но неуспѣлъ въ моемъ намѣреніи. Мнѣ пришло въ голову, что зубомъ показался мнѣ кусокъ какой нибудь кости , который дикарь какъ нибудь воткнулъ въ челюсть, или просто держалъ между губами и другими зубами. Неважнымъ почелъ я послѣ сего такое поддѣльное украшеніе рта , хотя клыкъ этотъ былъ неменѣе добраго бычачьяго зуба величиною. Но теперь удивленіе мое увеличилось , когда увидѣлъ я многихъ дикарей, имѣвшихъ зубы еще огромнѣе того, который изумилъ меня вчера. Кое-какъ убѣдилъ я двухъ зубарей взойдти на корабль, и просилъ одного изъ нихъ продать мнѣ свой чудовищный клыкъ. Теперь могъ я убѣдиться, что большіе эти зубы были такъ-же твердо укрѣплены въ челюсти, какъ и

другіе, обыкновенные, и что это вовсе небыли поддѣльныя украшенія. Желая всячески достать и разсмотрѣть диковинный клыкъ, я предложилъ дикарю долото, потомъ скобель, но онъ непочиталъ всѣ эти вещи равными цѣною его сокровищу. Нѣчего было дѣлать — я представилъ въ обмѣнъ топоръ. Тутъ продавецъ, имѣвшій въ нижней челюсти зубище, больше всѣхъ до того мною видѣнныхъ, согласился, начать тянуть свой зубъ, но немогъ вырвать его. Я велѣлъ принести хирургическій инструментъ, употребляемый дантистами для вырыванія зубовъ, но отверзтіе инструмента оказалось слишкомъ мало для знаменитаго клыка. Мы принялись за обыкновенные клещи. Нашъ лекарь, будто шутя, ухватился за клыкъ клещами, и усильнымъ движеніемъ выхватилъ его. Кровь текла сильно у паціента, но онъ мало заботился о такой бездѣлицѣ, и требовалъ только своего топора. Получивши его, дикарь запрыгалъ отъ радости, что успѣлъ столь выгодно поторговаться. Тщательно сталъ я разсматривать уродливый зубъ, и вскорѣ открылъ причину его чудовищной величины. Онъ легко могъ быть разрѣзанъ ножичкомъ и оказался самымъ обыкновеннымъ зубомъ, но только былъ онъ покрытъ многими слоями нароста, составившагося изъ извести съ сокомъ бетеля, въ теченіе многихъ лѣтъ нараставшаго, такъ, что наконецъ придалъ онъ зубу величину непомѣрную. »

Пребываніе Диллона здѣсь непродолжилось. Лихорадка мучила экипажъ корабля, такъ, что по-

ловина людей несходила съ коекъ. Диллонъ пустился въ море 14-го числа, оставивши у Ламоа Англичанина Стуарта, взятаго съ Тикопіа. Черезъ годъ потомъ, именно въ 1828 году, Ле-Гоаранъ имѣлъ сношенія съ дикарями Нитенди, неприставая однакожъ къ землѣ. Туземцы казались честны и ласковы. Съ пѣснями подплывали они къ кораблю и продавали запасы Французскимъ морякамъ. Множество промѣновъ было кромѣ того сдѣлано.

Островъ Нитенди простирается на 80 миль отъ В. С. В. къ З. Ю. З., при ширинѣ отъ 9-ти до 10 миль. Небудучи возвышенною, земля его гориста, и совершенно покрыта лѣсомъ, за исключеніемъ обрабошанныхъ мѣстъ. Отъ Ваникоро отличается онъ тѣмъ, что почти вовсе неимѣетъ подводныхъ утесовъ; по крайней мѣрѣ, они весьма мало отдаляются отъ береговъ, исключая два, или три отдѣльные пункта, отъ которыхъ идутъ они въ море, недалѣе полумили. Широта острова (южная) 10° 40′ — 10° 53′, а долгота (восточная) 163° 22′ — 163° 45′.

Нитенди весьма населенъ. Большая часть жителей его черны, толстогубы, курносы, съ курчавыми волосами и огромнымъ лбомъ; впрочемъ, они сильны и складны довольно, кромѣ того, что ноги у нихъ хилы. Нѣкоторыя племена отличаются отъ другихъ темнооливковымъ цвѣтомъ кожи, сближающимъ ихъ съ Полинезійцами. Они имѣютъ еще поразительное сходство съ ними тѣмъ, что прошыкаютъ уши и носъ, вдѣвая кольцы черепаховыя; кромѣ этого дикари убираютъ головы красными

цвѣтами. Подъ браслеты и пояса свои вверпываютъ они разныя пахучія травы. Титуажъ и обрѣзаніе здѣсь въ большой силѣ.

Хижины дикарей обширны, и въ каждой можетъ помѣститься отъ 30-ти до 40 человѣкъ. Каждое селеніе состоитъ изъ 30-ти и 40 хижинъ, изъ коихъ одна всегда предоставляется общественнымъ и религіознымъ обрядамъ. Диллона увѣряли, что внутренность острова населена неменѣе прибрежьевъ. Каждый округъ говоритъ своимъ нарѣчіемъ. Въ каждомъ селеніи есть особенный начальникъ, хотя и случается, что одинъ начальникъ владѣетъ четырьмя и пятью селеніями. Насажденія обрабатываются дикарями весьма тщательно, и окружаются тростниковыми огорожами, для защиты отъ свиней.

«Островъ обилуетъ — говоритъ Диллонъ — свиньями, птицей, особливо дикими голубями, цаплями и дроздами (grives). Находится здѣсь еще особый родъ ласточки. Растительную область составляютъ кокосы, сахарныя трости, хлѣбное дерево, иньямы, вѣсомъ въ 3—4 фунта, и разнородные папапы. Островитяне пекутъ папапы въ подземныхъ печахъ, или въ пеплѣ. Таро разрѣзываютъ они на пластинки и сушатъ на солнцѣ. Приготовленное такимъ образомъ, оно сохраняется много мѣсяцовъ, и когда потомъ жарятъ кусочки, вкусъ въ нихъ весьма пріятный. Есть также здѣсь памплъмуссы, и родъ орѣховъ, одинаковыхъ съ Таитскими.»

Съ западной стороны, ширина Нипенди ограничивается тремя милями, по причинѣ двухъ заливовъ, далеко входящихъ внутрь земли. Южный изъ нихъ есть обширный и прекрасный заливъ Gracio-sa, открытый Миндана. При входѣ сюда лежитъ небольшой, обильный и населенный островокъ, 5—6 миль въ окружности, названный Испанцами *Huerta*, а Картеретомъ *Trevanion*. Этотъ островокъ защищаетъ внутренность залива *Грацioза* отъ вѣтровъ и волненій съ моря.

Въ Ю. В. сторонѣ Нипенди находится, отдѣляясь только проливомъ, въ милю шириною, маленькій островокъ, средней высоты, неболѣе 3-хъ миль въ длину и мили въ ширину, названный Картеретомъ островъ *Гоу*.

Въ 40 миляхъ на Ю. В. отъ Нипенди островъ *Тупуа*, земля возвышенная, хорошо населенная, и такъ сказать, раздѣленная надвое низменнымъ логомъ, занимающимъ всю средину. Пространство острова будетъ отъ 10-ти до 12 миль. Капитанъ Дюрвиль опредѣлилъ положеніе его подъ 11° 16′ ш. ю. и 161° 7′ д. в.

Открытый Миндана въ 1595 году, Тупуа былъ издали видѣнъ, въ 1767 году, Картеретомъ, который, обманувшись видомъ двухъ горъ острова, почелъ одинъ островъ за два, и назвалъ ихъ *Эджекомбъ* и *Урри*. Эдуардсъ проходилъ здѣсь въ 1791, Дантркасто въ 1793, Дюперрей въ 1823 году. Но Диллонъ первый осмотрѣлъ эту землю, въ 1827 году, и убѣдился, что Тупуа одинъ остр-

ровъ, отчасти окруженный мѣлью, идущею на двѣ мили въ море. Дюрвиль опредѣлилъ положеніе острова въ 1828 году, а Ле-Гоаранъ имѣлъ сношенія съ шуземцами, которыхъ описывалъ онъ добрыми и гостепріимными.

Лодки, отправленныя Диллономъ для обозрѣнія Тупуа, замѣтили по берегамъ множество заливовъ. Англичане направились къ красивому селенію, гдѣ жители приняли ихъ весьма дружески. На вопросы о жребіи Лаперузовыхъ товарищей, они отвѣчали, что никто неявлялся къ нимъ на островъ. Но дикарямъ досталось однакожь желѣзо съ кораблей, изъ котораго надѣлали они себѣ *токи* (топоровъ). Тупуйцы превосходятъ видомъ Ваникорцовъ. Хотя и принадлежатъ они къ одной породѣ, но довѣрчивѣе и нестоль трусливы. Хижины здѣшнія обширнѣе, образуютъ улицы, пересѣкаемыя прямыми углами и опѣненныя двойнымъ рядомъ кокосовъ. Англичане нашли, что селенія здѣсь обширны и многолюдны. Ле-Гоаранъ говоритъ также, что видѣлъ ихъ много, весьма значительныхъ, и особливо одно, называемое, по имени острова, Тупуа. Плодородіе земли и здоровость воздуха, вѣроятно, суть причины безспорнаго превосходства Тупуйцовъ надъ Ваникорцами.

Въ 15-ти миляхъ на сѣверъ отъ Нитенди высится островъ *Тинакоро*, или огнедышащая гора, открытая Миндана и видѣнная потомъ Картереттомъ, Данпркасто, Дюперреемъ и Диллономъ. Это пикъ конической формы, весьма высокій, и въ вершинѣ его кратеръ волкана, весьма дѣятель-

наго. Во времена Миндана постоянно извергалъ онъ пламя. Картеретъ видѣлъ его только дымящимся. Дантркасто незамѣчалъ никакого признака огня. Но Диллонъ описываетъ волканъ Тинакорскій выбрасывающимъ огонь каждыя пять минутъ (въ 1827 году). Къ этому прибавляетъ онъ, что бывши, за годъ передъ тѣмъ, захваченъ въ виду острова безвѣтріемъ, онъ замѣтилъ большое количество лавы, стекавшей потоками по ребрамъ горы. Величину всего острова можно опредѣлить въ 5—6 миль окружности. Положеніе его — 10° 24′ ш. ю. и 163° 25′ д. в. (вершина).

Острова *Миндана* въ 4-хъ, или 5-ти миляхъ на В. С. В. отъ Тинакоро. Открытые въ 1595 году Миндана, вѣроятно, эти острова тѣ-же, которые Картеретъ, въ 1767 году, назвалъ *Ластоткиными* (Swallow). Вильсонъ видѣлъ ихъ въ 1797 году, а Ле-Гоаранъ осматривалъ въ 1828 году. Это купа изъ девяти острововъ, низкихъ, лѣсистыхъ, необитаемыхъ, большею частью маленькихъ, но связанныхъ вмѣстѣ обширными мѣлями. Можно положить протяженіе всей купы, отъ З. С. З. къ В. Ю. В., въ 30-ть миль. Средина ея находится около 10° 15′ ш. ю. и 163° 36′ д. в.

На востокъ отъ сей купы, и въ недальномъ разстояніи, находятся острова *Дуффа* (Duff), открытые капитаномъ Вильсономъ, въ 1797 году. Это купа изъ 12-ти острововъ, въ числѣ которыхъ самый высокій и большой Вильсонъ назвалъ *Disappointment*. Онъ около 12 льё окружности. На восточной сторонѣ его скала, видомъ похожая на

обелискъ. Вильсонъ описываетъ здѣшнихъ дикарей великорослыми, складными, мѣдноцвѣтными, принадлежащими, безъ всякаго сомнѣнія, къ Полинезійскимъ племенамъ. Жилища ихъ сближаются одно къ другому въ родѣ небольшихъ селеній, и одно изъ такихъ селеній находится въ Ю. З. сторонѣ острова Disappointment. Вся купа протягивается миль на 15-ть, отъ С. З. къ Ю. В. — Островъ Disappointment подъ 9° 57′ ш. ю. и 164° 40′ д. в.

Наконецъ, неподалеку на С. В., или В. С. В. отъ острововъ Дуффа, должно предположить островъ *Таумако* открытый Квиросомъ, 7-го Апрѣля 1606 года, если только онъ не есть самые острова Дуффа, что можно подозрѣвать по нѣкоторому сходству въ положеніи и очеркѣ вида. Еще вѣроятнѣе можно почесть за Таумако островъ *Моту-Ити*, открытый въ 1801 году, капитаномъ Кеннеди, на кораблѣ *Nautilus*, и который описывалъ онъ довольно возвышеннымъ и весьма населеннымъ, назначая мѣсто его подъ 8° 40′ ш. ю. и 165° 40′ д. в.—Въ 1828 году Дюрвиль искалъ земли въ этомъ мѣстѣ, но ненашелъ, а изъ этого должно заключить, что она обозначена слишкомъ далеко на востокъ. До сихъ поръ только повѣствованіе Квироса увѣряетъ насъ въ существованіи Таумако, почему и полезно привести здѣсь разсказъ Испанскаго мореплавателя, для сравненія, если Таумако будетъ вновь отысканъ кѣмъ нибудь:

«Мы шли до 7-го Апрѣля (1606 года), оставляя въ сторонахъ земли, какъ можно было подозрѣ-

вать по появленію птицъ и по упесамъ, нами замѣчаемымъ. Послѣ полудня, съ большаго корабля увидѣли къ З. С. З. землю, черную и обгорѣлую, будто волканъ. Боясь мѣлей, ночью подобрали паруса. Приближась на другой день утромъ къ землѣ, мы нашли 12-пь, или 15 брассовъ глубины послѣ двухъ часовъ добраго плаванія по глубокому морю. Надлежало повременить до 9-го числа. Торресъ отправился съ меньшимъ кораблемъ, окружая ю. з. берегъ, и вошелъ въ проливъ между двумя небольшими островами, гдѣ неподалеку отъ прибрежьевъ увидѣлъ онъ различныя хижины между деревьями. Остановились на 25 брассахъ, между большимъ и двумя маленькими островками. Шлюпки отправились къ берегу и возвратились къ кораблямъ съ нѣкоторымъ количествомъ прѣсной воды напанами, кокосами, пальметтами, сахарными тростями и разными кореньями, послѣ чего можно было судить о произведеніяхъ острова. Рѣшились послѣ сего послать пятдесятъ, или шестдесятъ человѣкъ, познакомиться съ островитянами. Посланные увидѣли посреди одного островка, окруженнаго плотинами, небольшой холмъ, какъ будто складенный руками человѣческими. По его поверхности находилось до 60-ти хижинъ, покрытыхъ пальмовыми листьями и обвѣшенныхъ внутри рогожками. Потомъ узнали мы, что это была крѣпость, куда дикари уходили, когда нападаютъ на нихъ сосѣди, часто превожимые самими ими, потому, что у нихъ есть добрыя и большія лодки, въ которыхъ безопасно плаваютъ они по

проливу. Наши вышли на берегъ и пошли къ означенному мѣсту, когда замѣтили подлѣ берега нѣсколько лодокъ, наполненныхъ дикарями. Тотчасъ приготовили огнестрѣльное оружіе и стали въ положеніе оборонительное, но это оказалось ненужно. Дикари желали мира неменѣе нашего. Они побрели по поясъ въ водѣ, чтобы скорѣе достигнуть земли, подошли къ нашей сторонѣ, привѣтствовали насъ съ веселымъ видомъ, и отправились къ жилищамъ, какъ будто и насъ приглашая съ собою. Впереди всѣхъ находился старшина, имѣя лукъ вмѣсто палки. Взглядъ на толпу сильныхъ здоровяковъ поддерживалъ однакожь наше опасеніе. Мы удалились къ самому морю, особливо того опасаясь, чтобы небросились они къ шлюпкѣ нашей, если мы отойдемъ далеко.

« Мы подали сигналы о подкрѣпленіи насъ капитанской шлюпкѣ, и даже кораблямъ, находившимся въ виду, и когда насъ подкрѣпили, мы пошли къ жилищамъ дикарей. Всѣ такія движенія съ нашей стороны заставили дикарей скрыться. Мы шли въ добромъ порядкѣ, съ большими предосторожностями, смотря вокругъ себя во всѣ стороны, чтобы увидѣть нѣтъ-ли подлѣ хижинъ засады, но ненаходя тутъ ни одной живой души надобно было обратиться къ берегу, гдѣ развѣсили мы на шестѣ бѣлое полотно, въ знакъ мира. Тутъ явились къ намъ дикари, съ самымъ веселымъ видомъ. Начальникъ ихъ держалъ въ рукѣ зеленую вѣтвь и передалъ ее Пазъ де-Торресу, обнимая его. Товарищи его дѣлали тоже съ дру-

гими, и наши немогли непорадоваться, что ихъ столь хорошо принимаютъ въ такой землѣ, гдѣ есть дрова и вода, въ которыхъ мы имѣли большую нужду. Два старика пришли въ это время, положили свое оружіе на землю, въ знакъ покорности, и привѣтствовали насъ. Мы поняли по знакамъ дикарей, что одинъ изъ нихъ былъ отецъ, или дядя начальника, по имени *Таликвенъ*. Вмѣстѣ остановились мы на небольшой площадкѣ передъ крѣпостью. Если дикари удивлялись нашему оружію и нашей одеждѣ, мы неменѣе дивились, видя ихъ столь стройныхъ, ловкихъ и сильныхъ.

« Когда увидѣли мы себя въ безопасности, и начальникъ дикарей раздѣлилъ народъ свой на обѣ стороны, оставшись только съ двумя дикарями и мальчикомъ, рѣшились мы немного отдохнуть, послѣ столькихъ заботъ и усталости. Поставили двѣ стражи, одну на берегу, другую въ жилищахъ островитянъ, и остатокъ нашихъ, безъ оружія, разсыпался по лѣсу, гдѣ рвали мы плоды, пока дикари возили на корабли, въ своихъ лодкахъ, дрова и воду.

« Это былъ праздникъ Вербнаго воскресенья (Pâques fleuries). Мы служили обѣдню въ хижинѣ, гдѣ многіе изъ экипажей нашихъ пріобщались. Оставались мы потомъ на островѣ семь дней. Необходимость имѣть при себѣ на дальнѣйшій путь нѣсколько островитянъ, которые знали-бы дорогу и были толмачами, заставили насъ насильно захватить съ собою четырехъ дикарей. Начальникъ ихъ приплылъ къ намъ въ отчаяніи, и съ сыномъ

своимъ, требуя отпуска захваченныхъ. Ни въ чемъ неуспѣвши, возвращался онъ весьма печальный, когда встрѣтилъ шлюпку, въ которой везли насильно четырехъ несчастливцовъ, и едва завидѣли они начальника, то начали вопить жалостно. Рѣшась жертвовать своею жизнью за свободу подчиненныхъ, начальникъ подалъ знакъ дикарскимъ лодкамъ напасть на похитителей, но громъ холостаго пушечнаго выстрѣла съ корабля такъ ужаснулъ отважнаго старшину, что сдѣлавши знакъ плѣннымъ о невозможности освободить ихъ, онъ удалился со слезами на глазахъ. На другой день одинъ изъ плѣнниковъ нашихъ бросился въ море, что заставило насъ крѣпче стеречь другаго, потому, что на каждый корабль взяли мы по парѣ дикарей. Но предосторожности оказались напрасны, и другой дикарь кинулся съ корабля 21-го числа, когда мы находились въ виду прекраснаго берега на Ю. В., покрытаго лѣсами, зеленью, пальмами и обработанными пространствами. Это было около 12° широты. Мы сообщили предостерегательное извѣстіе о бѣглецахъ на адмиральскій корабль, что невоспрепятствовало однакожь одному изъ бывшихъ на немъ плѣнниковъ послѣдовать за товарищами, и если четвертый дикарь неподражалъ ихъ примѣру, то потому только, что онъ былъ невольникъ, и ему гораздо лучше было оставаться съ нами, нежели у прежнихъ господъ своихъ на Таумако. »

ГЛАВА LXXIX.

ОСТРОВА СОЛОМОНОВЫ.

Іюня 20-го, наша Океанія, при захожденіи солнца, прошла миляхъ въ 10-ти мимо величеспівеннаго конуса острова *Тинакоро*. Густое облако увѣнчивало вершину его, но мы немогли сказать, было-ли тому причиною куреніе волкана. При наступленіи ночи вовсе незамѣтили мы огня.

Первая, замѣченная нами послѣ того земля, былъ островъ *Сезарга*, мимо котораго обошли мы утромъ. Это Сюрвилевъ островъ *Препятствій* (des Contrariétés). По просьбѣ моей, хотя предубѣжденный противъ островитянъ, Пендлетонъ согласился идти близко къ берегу. При невозможности имѣть сообщеніе съ дикарями, я могъ хоть полюбоваться на видъ земли, богатой прелестью природы. Приближась на разстояніе одной льё, мы могли различать мѣстоположенія восхитительныя. Лѣсъ кокосовъ всбрасывалъ свои вершины надъ вы-

сокимъ берегомъ, основаніе котораго составляли утесы странной формы.

Тихо шли мы вдоль Сезарга, когда пристало къ нашему кораблю лодокъ 20-ть; въ каждой было отъ 6-ти до 8-ми дикарей. Разговоры начались предложеніемъ посѣтителямъ пожаловать къ намъ на корабль. Сначала они отказались, но когда показали имъ разныя бездѣлушки, одинъ изъ дикарей, по виду и поступкамъ начальникъ, отважился и полѣзъ на лѣстницу. Едва взобрался онъ на корабль, первое дѣло его было схватить что попало подъ руку. Матрозская куртка, развѣшенная сушиться, прежде всего успѣла понравиться гостю; онъ завладѣлъ ею, и едва выпустилъ ее изъ рукъ. Потомъ прельстилъ его флагъ, и кое-какъ, съ трудомъ только, могли убѣдить его оставить нашъ флагъ нетрогая. Онъ вскарабкался на мачту, сѣлъ тамъ, какъ обезьяна вертѣлся и оглядывался на всѣ части и подробности корабля. Спрыгнувши оттуда, началъ онъ скакать и кривляться, съ быстротою — право, нечеловѣческою, а наконецъ, обернулся къ своимъ землякамъ, остававшимся въ лодкахъ, и повелъ съ ними рѣчь, продолжительную и краснорѣчивую, по видимому. Вѣроятно, онъ описывалъ все, что представлялось ему на кораблѣ, и приглашалъ ихъ взойдти на корабль. Тѣлодвиженія присоединялись къ словамъ; дикарь сильно ударялъ себя по заднимъ частямъ тѣла. Вѣроятно, это означало какое нибудь убѣдительное доказательство въ Риторикѣ его, сопровождаемое тысячью другихъ кривляній. По крайней мѣрѣ, рѣчь ората-

ра убѣдила земляковъ его соглашаться, и они пустились на корабль. Мы потребовали, чтобы оружіе оставили они въ своихъ лодкахъ, гдѣ и безъ того было въ запасѣ много луковъ, пикъ и иззубренныхъ стрѣлъ. Наши посѣтители, совершенно нагіе, казались смѣсью чернаго и оливковаго племени. Начальникъ былъ цвѣта темноватаго, и у него и другихъ волосы были длинные и прямые; остальной народъ являлся цвѣтомъ совершенно черный; головы у всѣхъ были огромныя и безобразныя, съ курчавыми волосами, у нѣкоторыхъ рыжеватыми на концахъ, отъ какого-то состава. У одного изъ дикарей, напудреннаго известкою, въ носовой хрящъ продѣта была палочка; другіе довольствовались привѣшиваньемъ обломка раковины, треугольнаго, или овальнаго, съ нѣсколькими полосками. У всѣхъ мочки ушей была прорѣзаны, и въ отверзтія вставлялись пучки благовонныхъ травъ, кромѣ того висѣвшіе на шеѣ, рукахъ и по тѣлу. Пониже локтей надѣты были у дикарей браслеты изъ раковинъ. У начальника, кромѣ всего этого, были еще браслеты и поясъ изъ маленькихъ, черныхъ и бѣлыхъ кружечковъ, искусно сотканныхъ, а на головѣ его вѣялся плюмажъ изъ двухъ перьевъ, который цѣнилъ онъ весьма дорого, непозволяя къ нему отнюдь прикасаться. Хотя и средняго роста, дикари являлись широкогруды, плечисты и съ крѣпкими мускулами. Лодки ихъ, а особливо начальническая, могли назваться образцомъ дикарскаго вкуса, при украшеніяхъ изъ цвѣтнаго дерева и кусочковъ раковинъ, превосходно выло-

щенныхъ и вдѣланныхъ въ дерево съ большимъ искусствомъ. На носу было что-то въ родѣ флаговъ, изъ соломенныхъ пучковъ и тростника, окрашеннаго краснымъ. Корма украшалась рѣзными изображеніями собакъ и другихъ животныхъ.

Когда часть дикарей взлѣзла къ намъ на палубу, завязался разговоръ между нашими гостями и товарищами ихъ, оставшимися въ лодкахъ, разговоръ продолжительный и живой, предмета котораго мы немогли постигнуть Пендлетонъ начиналъ уже оглядываться недовѣрчиво, когда неожиданное приключеніе вдругъ перервало всѣ переговоры дикарей. Тщательнымъ надзоромъ успѣвали мы до сихъ поръ охранить ся отъ покушеній на воровство, безпрерывно возобновляемыхъ, но тутъ одинъ изъ посѣтителей, болѣе другихъ смѣлый и хитрый, проскользнулъ за капитана нашего, выхватилъ у него изъ рукъ его разговорную трубу, и спрыгнулъ въ море съ своею добычею. Это явилось знакомъ общаго бѣгства. Всѣ дикари побросались въ воду, и только начальникъ остался, можетъ быть, почитая побѣгъ поступкомъ неприличнымъ его высокому званію. Но въ тревогѣ и безпокойно ожидалъ онъ однакожъ послѣдствій. Пендлетонъ недумалъ сердиться. Онъ остановилъ даже двухъ часовыхъ, которые хотѣли стрѣлять въ бѣгущихъ. «Виноваты вы сами — сказалъ онъ хладнокровно. — » Зачѣмъ неостерегли вы меня, когда этотъ плутъ ко мнѣ подкрадывался? » — Начальникъ дикарей совсѣмъ неожидалъ такой кротости; онъ былъ растроганъ ею, разсыпался въ

изъявленіяхъ печали самой глубокой, благодарности самой признательной, и наконецъ, послѣ жаркаго изъявленія чувствъ, сталъ приглашать насъ, самыми сладкими рѣчами, самыми ласковыми тѣлодвиженіями, отправиться къ берегу, давая разумѣть, что тамъ найдемъ мы всякіе припасы, какихъ только пожелаемъ.

Пендлетонъ ничему невѣрилъ. Онъ зналъ здѣшнихъ дикарей, зналъ, что измѣна слита съ ихъ природою, и что много уже разъ старались они увлечь Европейскихъ мореплавателей въ хитрыя засады. Но тутъ опять я вступился, и мое любопытство говорило такъ убѣдительно, что добрый Пендлетонъ уступилъ ему. Земля казалась столь прекрасною и берегъ былъ такъ близко! Спустили ялъ; шестеро хорошо вооруженныхъ матрозовъ сѣли въ него съ лейтенантомъ Рейнбовомъ, и разумѣется, что мнѣ неотказали въ мѣстечкѣ. Дикарскій начальникъ отправился въ своей лодкѣ, рядомъ съ нами.

Едва отплыли мы туазовъ на 200 отъ корабля, какъ замѣтили, что лодки дикарей собираются, какъ будто держатъ совѣтъ, и четыре изъ нихъ пустились послѣ сего пропивъ насъ, съ явнымъ непріязненнымъ намѣреніемъ. Мы ждали нападенія; дикари натягивали уже луки свои, но Пендлетонъ, съ отеческою заботливостью надзиравшій за нашимъ походомъ, прекратилъ начало битвы пушечнымъ выстрѣломъ по дикарской флотиліи. Ядро, полетѣвшее среди испуганныхъ непріятелей, привело ихъ въ совершенный безпорядокъ; они оставили

свое дерзское предпріяшіе и бросились бѣжать къ берегу.

Между тѣмъ, мы поворотили къ кораблю, и какъ ненадежно было пускаться къ землѣ съ малымъ числомъ народа, экипажъ яла удвоили и снабдили еще запасными ружьями. Усиленные такимъ образомъ, отправились мы снова, но намъ строго запрещено было отъ капитана выходить на берегъ. Пендлетомъ подтвердилъ лейтенанту даже и приближаться къ нему съ величайшею осторожностію, когда мы выйдемъ изъ дистанціи пушечнаго выстрѣла.

Прямо пустились мы къ землѣ, правя такъ, чтобы обойдши небольшой мысъ, закрывавшій заливъ, на которомъ долженствовало быть селеніе. Въ самомъ дѣлѣ, поравнявшись съ мысомъ, мы завидѣли нѣсколько хижинъ, но въ небольшой бухтѣ, омывавшей его прибрежье, плавалъ цѣлый флотъ дикарскихъ лодокъ, и появленіе наше было привѣтствовано общимъ и ужасающимъ воплемъ. Тучею ринулись на насъ всѣ эти лодки, какъ на легкую добычу, и въ самомъ дѣлѣ, намъ трудно было тутъ выбраться изъ бѣды, спастись отъ непріятелей, многочисленныхъ и отважныхъ. Къ счастію, лейтенантъ соблюдалъ предусмотрительную осторожность, и тотчасъ повернулъ обратно къ кораблю. Вѣтеръ и волненіе затрудняли плаваніе наше; нѣсколько болѣе легкихъ лодокъ успѣли догнать насъ, и градъ стрѣлъ готовъ былъ на насъ посыпаться, но два залпа изъ ружей охолодили слишкомъ заносчивую смѣлость непріятель-

скаго авангарда. Дикари обратились въ бѣгство, а пока готовилось новое нападеніе, мы успѣли убраться подъ пушки корабля. Непріятель упорно послѣдовалъ за нами. Пришлось разсчитаться съ нападчиками картечью, и оставить предпріятіе погулять дружески по землѣ. «Ну,» сказалъ мнѣ Пендлетонъ, улыбаясь — «Ну, что̀, любезный пассажиръ? — Правду-ли говорилъ я, что съ Меланезцами трудно поладить?» — Немедленно пустились мы въ дальнѣйшій путь.

На другой день были мы передъ *островомъ Арзацидовъ*. По виду земли, покрытой насажденіями, и по множеству дымовъ, возвышавшихся со всѣхъ сторонъ, надобно было почесть эту землю населенною и обильною. Но урокъ, вчера мною полученный, небылъ еще забытъ, да если-бы я и позабылъ объ немъ, то мнѣ уже совѣстно было употреблять во зло снисхожденіе моего добраго Пендлетона къ моему ненасытному любопытству. Вотъ почему, несмотря на увлекательное мѣстоположеніе, я непросилъ позволенія плыть къ берегу. Впрочемъ, дикари сами явились, себя показать и насъ посмотрѣть. Три лодки отдѣлились отъ берега, красивыя, щегольскія, похожія на Сезаргскія, и въ каждой сидѣло человѣкъ по шести. Оба конца каждой изъ нихъ подымались остреями къ верху. На одномъ было рѣзное изображеніе птичьей головы; по двѣ кисти висѣло на носу и на кормѣ, а края лодокъ были украшены рѣзьбою и раковинами. Пагаи, употребляемые вмѣсто веселъ, составляли родъ маленькихъ, узкихъ засту-

новъ, съ другаго конца образуя острый шестъ, такъ, что въ случаѣ надобности можно было употреблять ихъ вмѣсто пикъ.

Очевидно, эти островитяне принадлежали къ одному племени съ жителями Сезарга. Столькоже дикіе, но еще болѣе недовѣрчивые, они съ какимъ-то равнодушіемъ смотрѣли на подарки, которые мы имъ показывали, и никакъ нехотѣли они взойдти на корабль. Между тѣмъ знаками приглашали они насъ идти на берегъ, показывая, что тамъ найдемъ мы много припасовъ. Трудно было обольститься этимъ привѣтомъ; вчерашній урокъ былъ еще въ свѣжей памяти. И обплывши кругомъ корабля, лодки дикарскія пустились во свояси.

До сихъ поръ благопріятный, вѣтеръ началъ иногда переходить къ сѣверу, сопровождаясь, то шкваломъ, то тишью. Это показывало близость высокихъ горъ, пересѣкавшихъ и извращавшихъ правильное его направленіе. Вдали мелькнули высокіе кокосы *Стюартовой купы,* но Пендлетонъ неразсудилъ заблаго вдаваться при такой сомнительной погодѣ въ обозрѣніе опасныхъ острововъ. Мы продолжали путь нашъ; на слѣдующій день прошли островъ *Говеръ* (Gower); потомъ замѣтили высокія горы острововъ *Изабеллы* и *Шуазёля,* оставаясь въ виду ихъ цѣлые два дня; наконецъ, 30-го, въ трехъ или четырехъ льё разстояніемъ, мелькнули очаровательные острова *Бугенвилевъ* и *Бука.* Тутъ опять было взманило меня желаніе поглядѣть на землю, но свирѣпый характеръ дикарей здѣшнихъ уже такъ извѣстенъ, что я неосмѣ-

лился изъявить желанія своего Пендлетону, и предоставилъ нашей Океаніи спокойно проходить мимо этихъ острововъ, прелестныхъ и цвѣтущихъ. Между тѣмъ, Іюля 1-го, утромъ, къ намъ подошли двѣ, три лодки, и дикари, въ нихъ бывшіе, казалось, нечужды были зрѣлища Европейскихъ кораблей. Они вели себя довольно миролюбиво и предложили намъ таро и иньямовъ за различные предметы. Новые гости наши были черны цвѣтомъ, почти нагіе, ловки, сильны и складны. Лица ихъ казались не столько безобразны, сколько свирѣпы. Опять стали насъ и теперь приглашать на берегъ, указывая намъ мѣсто на приморьи, гдѣ сквозь зелень деревъ бѣлѣлись хижины. Все прибрежье было усѣяно черными головами, казалось, ожидавшими, что лодка наша двинется къ землѣ. О пріемѣ можно было судить по многому, и мы нерѣшились на непріятный визитъ любезнымъ хозяевамъ острова, а продолжали путь нашъ. Нѣсколько промѣновъ изъ лодокъ на корабль были единственными событіями, означившими переходъ нашъ здѣсь. На свой пай, я успѣлъ вымѣнять, за аршинъ красной байки, превосходный лукъ, 6-ти футовъ длиною, изъ арековаго дерева, отлично вылощенный и искусно обдѣланный. Лукъ этотъ было натягивать нелегче баснословныхъ луковъ богатырскихъ, и раны отъ стрѣлъ его долженствовали быть по этой причинѣ равны труду, какой испытывали пуская стрѣлы. При силѣ и плотности, дикари казались еще раздражительны въ величайшей степени, и тотчасъ готовы перейдти отъ

словъ къ дѣлу. При малѣйшемъ противорѣчіи схватывали они луки свои и мѣтили изъ нихъ въ человѣка, ихъ разсердившаго. Благодаря нашему скромному терпѣнію, мы успѣли однакожь разстаться безъ брани и безъ драки.

Едва только островъ Бука изчезъ отъ насъ на востокъ, другія земли появились съ западной стороны. При входѣ въ *проливъ Св. Георгія*, между Новою Британіею и Новою Ирландіею, Океанію нашу еще разъ потревожили теченія и сбивчивые порывы вѣтра. Наконецъ, Іюля 3-го пришли мы на видъ *острова Кокосовъ*, и остановились въ *гавани Картерета*, подъ восточною окраиною этого острова.

Такимъ образомъ *острова Соломоновы* были пройдены нами большею частію такъ, что время и обстоятельства недали мнѣ средствъ къ личному обозрѣнію ихъ. Надлежало довольствоваться замѣчаніями, которыя были собраны другими.

Архипелагъ Соломоновыхъ острововъ былъ открышъ въ 1567 году Испанцомъ Миндана, который, какъ полагаютъ, останавливался при островѣ *Изабеллы*, въ Эспрельской гавани, на С. В. прибрежьи. Дикари, обитатели острова—разсказывалъ потомъ Миндана — обожаютъ змѣй, лягушекъ и другихъ животныхъ. Цвѣтъ кожи ихъ темный, волосы курчавы, и прикрываютъ они одеждою только средину тѣла. Питаясь кокосами и какимъ-то корнемъ, по имени *венаусъ*, они неѣдятъ мяса, а пьютъ только воду. Впрочемъ, нельзя было сомнѣ-

ваться въ ихъ человѣкоядствѣ, ибо старшина прислалъ въ подарокъ Миндана часть трупа младенческаго, у котораго небыли отрѣзаны рука и нога. Генералъ Испанскій приказалъ, прибавляетъ повѣствованіе, похоронить сіи обезображенные остатки въ присутствіи дикарей, принесшихъ кровавый подарокъ. Присланные отъ старшины казались этимъ оскорбленными, и приведенные въ замѣшательство неуспѣхомъ своего посольства, удалились съ поникшими головами. Острови тяне дѣлятся на поколѣнія, находящіяся въ безпрерывной между собою войнѣ. Плѣнниковъ обращаютъ въ рабство.

Миндана соорудилъ послѣ сего бригантину, и снабдилъ ее экипажемъ, изъ 18-ти солдатъ и 12-ти матрозовъ. На небольшомъ этомъ кораблѣ квартирмейстеръ Ортега, и первый кормщикъ Эрнанъ Галего, должны были отправиться для осмотра сосѣднихъ острововъ. Ортега послѣдовательно приставалъ къ островамъ: Малаита, Галера, Буена-Виста, Сезарга, гдѣ видѣлъ онъ волканъ, безпрерывно дымившійся. Потомъ открытъ былъ имъ гораздо большій островъ, названный Гвадальканаръ. Широкая и глубокая рѣка протекала по этому острову. Много туземныхъ лодокъ выплыло на встрѣчу Испанцамъ. Выйдя на берегъ, Испанцы посѣтили селеніе, съ насажденіями, довольно хорошо обработанными. Отсюда, обратясь опять къ острову Изабеллы, Ортега открылъ островъ св. Георгія (нынѣ *Георгіа*), гдѣ жители одного селенія вошли въ переговоры съ Европейцами. Жем-

чугу находилось здѣсь такое обиліе, что дикари непридавали ему никакой цѣны.

Ортега продолжилъ свои изслѣдованія. Близъ западнаго мыса Изабеллы открылъ онъ множество островковъ, на мѣляхъ весьма обширныхъ, и видѣлъ здѣсь огромныхъ летучихъ мышей, у которыхъ въ размахѣ крыльевъ было до 5-ти футовъ. Когда островъ Изабеллы былъ обойденъ, немогши достигнуть Эстрельской гавани за противными вѣтрами, Ортега послалъ отрядъ въ шлюпкѣ, подъ руководствомъ одного дикаря, отдать Миндана отчетъ въ своихъ открытіяхъ. Но шлюпка разбилась въ утесахъ; бывшіе на ней принуждены были вернуться на бригантину, которая черезъ нѣсколько дней потомъ дошла въ Эстрельскую гавань.

Миндана оставилъ тогда свою стоянку и перешелъ на другую, къ острову Гвадальканару, назвавши тамъ пристанище *la Cruz* (Крестовымъ). Тутъ, по всѣмъ формамъ, принялъ онъ землю во владѣніе отъ имени Испанскаго Короля, и хотѣлъ водрузить крестъ на берегу. Дикари протестовали противъ такой инвеституры тучею стрѣлъ. Миндана отвѣчалъ залпомъ изъ ружей, убивши двухъ непріятелей. Остальные ударились въ бѣгство. Лоцманъ Энрикезъ, съ 30-ю солдатами, былъ посланъ для обозрѣній, но тысячи дикарей остановили сей маленькій отрядъ на берегу небольшой рѣчки. Посланные возвратились, неся съ собою пару куриць и пѣтуха, и извѣщая, что въ рѣчкѣ замѣтили они много золотоноснаго песку.

Бригантина опять отправилась для открытій. Она приставала ко многимъ островамъ, и на нихъ осмотрѣла разныя рѣки, то дружески, то враждебно встрѣчаемая островитянами. Возвратясь къ эскадрѣ, услышали о несчастномъ событіи: девять матрозовъ и провіантмейстеръ были зарѣзаны дикарями во время наливанія водою. До тѣхъ поръ старшина дикарскій являлся другомъ Миндана, но генералъ захватилъ молодаго дикаря, и нехотѣлъ отпустить его, несмотря на требованія старшины. Отсюда было начало непріязни.

Миндана рѣшился мстить за убійство. По два раза, капитанъ Сарміенто ходилъ на селеніе, убилъ 30-ть дикарей и сжегъ почти всѣ жилища. Въ одномъ изъ нихъ нашли вещи, взятыя отъ убитыхъ матрозовъ островитянами.

Послѣ такихъ непріятныхъ событій, Испанцы вступили подъ паруса, 13-го Іюня 1567 года, и остановились при островѣ Христовалѣ. Генералъ лично сошелъ на берегъ. Едва замѣтили его дикари, какъ начали кривляться самымъ выразительнымъ образомъ, показывая посѣтителямъ, чтобы они удалились съ берега. Видя, что ихъ неслушаютъ, они повторяли кривлянья съ самыми странными ломаньями, царапая землю руками и ногами, бросая на воздухъ песокъ, и подбѣжавши къ морю, бились въ волнахъ, будто сумасшедшіе.

Непугаясь ни кривляній, ни крика дикарей, Миндана велѣлъ трубить, и Сарміенто прибѣжалъ съ солдатами. Дикари недумали отказываться отъ

битвы, и пошли на Испанцовъ, вооруженные пиками, стрѣлами, луками и дубинами. Когда подошли они на разстояніе удара стрѣлою, имъ приказывали удалиться, и видя упорство ихъ, дали по нихъ сильный ружейный залпъ. Одинъ дикарь былъ убитъ, другіе бѣжали. Испанцы вошли послѣ сего въ селеніе, и нашли тамъ такіе запасы кокосовъ и миндалю, что груза ихъ было слишкомъ много для цѣлаго корабля. Шлюпки наполнили этимъ запасомъ.

Въ третій разъ пустилась бригантина на изслѣдованія. Открыты были два острова, *Анна* и *Каталина,* крайній предѣлъ Соломонова архипелага съ этой стороны. Испанцы сказывали, что первый изъ сихъ острововъ низкій, круглый, съ холмомъ по срединѣ, похожимъ на крѣпость, и что онъ плодоносенъ и населенъ. Еще разъ претерпѣвши нападеніе дикарей, Испанцы стрѣляли въ нихъ. Дикари были выкрашены разными красками; головы ихъ украшены вѣтвями деревьевъ; середина тѣла перевязана шарфами. Сила мускуловъ у дикарей была такъ велика, что стрѣла, попавшая въ одного Испанскаго офицера, пробила ему щитъ, прошла насквозь въ руку и высунавилась изъ тѣла на одну пальму. Это были окончательныя дѣйствія Миндана на Соломоновыхъ островахъ. По соединеніи съ бригантиною, вся Испанская эскадра отправилась въ Перу, куда и достигла въ началѣ Марта 1568 года.

Замѣчательное открытіе Миндана долго оставалось безъ всякихъ слѣдствій. Хотѣли-ль Испанцы

скрывать его отъ своихъ Европейскихъ соперниковъ, или разсказъ ихъ, исполненный преувеличеній, былъ почитаемъ за басню, но только *острова Соломоновы* были забыты въ теченіе двухъ столѣтій, и географы привыкли считать ихъ существованіе пустою выдумкою. Картеретъ первый доказалъ несправедливость такого мнѣнія. Въ 1767 году, онъ видѣлъ два пункта этого архипелага, а именно: острова Говеръ, Малаита (названный имъ *Картеретовымъ*) и островъ Симпсонъ, а потомъ сѣверную оконечность острова Бука, который Картеретъ назвалъ *Винчелсеа*. На шлюпку, посланную къ берегамъ Говера, напали дикари, но экипажъ Англійскій остался повелителемъ мѣста битвы и захватилъ лодки дикарей, искусно построенныя, и украшенныя раковинами и фигурною рѣзьбою. Дикари употребляли пики и стрѣлы, къ концамъ которыхъ былъ привязанъ кремень. Недолго пробылъ при новооткрытыхъ островахъ Картеретъ, и неподозрѣвалъ тожества своего открытія съ Соломоновыми островами Миндана; онъ говорилъ только, что дикари принадлежатъ къ той породѣ, которая населяетъ Нипенди.

Въ Іюлѣ слѣдующаго года, Бугенвиль осмотрѣлъ большую часть здѣшнихъ земель, и почелъ ихъ вторую половиною своей Луизіады. Онъ присталъ у мыса *Удовлетворенія* (cap Satisfaction), и замѣтилъ потомъ огромный островъ, наименовавши его *Шуазёлевымъ*. Противъ западной стороны этого острова, двадцать лодокъ приставали къ кораблю; въ каждой было по 15-20 человѣкъ. Столь-

же черные, какъ Негры Африканскіе, дикари были съ курчавыми, но длинными, а иные рыжими волосами. Браслеты и бляхи были у нихъ на шеяхъ и на лбахъ; оружіе составляли копья и луки, которыми махали они съ угрожающимъ видомъ.

Войдя въ проливъ, отдѣляющій островъ Шуазёля отъ острова Бугенвилева, корабли Французскіе подверглись большой опасности, по причинѣ утесовъ и неправильныхъ теченій. Нѣсколько шлюпокъ пошли осмотрѣть прекрасный и обширный заливъ, при З. мысѣ Шуазёля. Едва начали здѣсь измѣренія, какъ увидѣли вдругъ вышедшую изъ бухты, до тѣхъ поръ незамѣченной, флотилію дикарскихъ лодокъ, человѣками съ полутораста дикарей, вооруженныхъ луками, копьями и щитами. Флотилія приближалась стройно, и потомъ, раздѣлясь на двѣ части, поплыла на шлюпки, усильно работая пагаями. Страшный вопль былъ знакомъ нападенія. Шлюпки Французскія отвѣчали залпомъ изъ ружей, но неиспугали нападавшихъ; они продолжали поражать своими стрѣлами мореходцовъ. Надобенъ былъ второй залпъ для обращенія ихъ въ бѣгство. Поверхность въ битвѣ осталась за Французами, и въ добычу попались еще двѣ лодки, длинныя, хорошо сдѣланныя, возвышенныя къ кормѣ и къ носу. На одной изъ нихъ изваяна была человѣческая харя, съ глазами изъ жемчужной раковины, ушами изъ черепахи, длинною бородою, и вымазанными красною краскою губами. Въ лодкахъ найдены также запасы копей, щитовъ, кокосовъ, арека, мѣлкихъ утварей, сѣтей, весьма тонко и искусно

сплетенныхъ, и челюсть человѣческая, полуизжаренная. Черные, съ курчавыми волосами, окрашенными въ бѣлый, красный и желтый цвѣтъ, дикари прикрывались только поясами около туловища. Щиты ихъ, овальной формы, были сплетены такъ прочно и хорошо, что оставались непроницаемы для стрѣлъ.

Прошедши узкимъ проливомъ, Бугенвиль вполнѣ обплылъ по восточному берегу острова, получившаго его имя, у котораго центральная цѣпь горъ была высоты чрезвычайной. Іюля 4-го обогнулъ онъ С. мысъ острова Бука, показавшагося ему населеннымъ и хорошо обработаннымъ. Прекрасная прибрежная долина, вся усаженная кокосами, представляла видъ прелестный. Подлѣ берега плавало множество лодокъ, и нѣкоторыя, пустясь въ море, осмѣлились подойдти къ кораблю. Дикари кричали: *Бука, бука!* и показывали кокосовые орѣхи. Потомъ удалились они, давая разумѣть, что плывутъ къ берегу за кокосами. Впрочемъ, на разставаньи пустили они въ корабль стрѣлу. По виду были они черны, съ курчавыми волосами, ушами проткнутыми и весьма оттянутыми; зубы ихъ были испорчены бетелемъ; оружіе составляли большіе луки, футовъ по шести длиною, и стрѣлы, изъ весьма крѣпкаго дерева. Но у лодокъ ихъ, гораздо меньшихъ размѣромъ противъ лодокъ островитянъ Шуазёльскихъ, носъ и корма были несколь возвышены.

На слѣдующій годъ послѣ экспедиціи Бугенвиля, другой Французскій мореплаватель, капитанъ Сюр-

виль явился здѣсь. Онъ обошелъ по южной части острововъ, и единственныя, болѣе другихъ подробныя свѣдѣнія о Соломоновомъ архипелагѣ, принадлежатъ этому наблюдателю.

Сюрвиль остановился, 7-го Октября 1769 года, передъ проливомъ, образуемымъ островами Шуазёля и Изабеллы, и черезъ два дня потомъ отправилъ лодку къ острову въ проливѣ, названному имъ *île de première vue* (островъ перваго вида). По донесенію офицера, обплывшаго его въ лодкѣ, онъ былъ необитаемъ, но покрытъ плодовитыми деревьями и обиленъ птицами, въ числѣ которыхъ находились попугаи. Рыбы на мѣляхъ видѣли множество. Боровшись на слѣдующіе дни, то съ противными вѣтрами, то съ безвѣтріемъ, Сюрвиль остановился 13-го числа при С. В. прибрежьи Изабеллы, въ обширномъ заливѣ, усѣянномъ островами, и которому далъ онъ названіе *порта Прасленя*.

Едва стали на якори, туча лодокъ окружила корабль. Невзирая на усильныя приглашенія, дикари нехотѣли взойдти на корабль; осмѣлились только получить нѣсколько подарковъ и потомъ удалились, говоря, что внутри залива находится вода, годная для питья, и запасы съѣстные. Во все время, нѣсколько разъ принимались дикари повторять слова: *Aya, aya!* Переговоры производились съ двумя лодками, и едва отошли онѣ, приближилась третья. Изъ трехъ бывшихъ въ ней дикарей, одинъ, стоявшій впереди, натянулъ лукъ свой и хотѣлъ пустить стрѣлу.

Подарокъ усмирилъ его. Было уже поздно, когда дикари отплыли къ берегу. Вскорѣ увидѣли ихъ столпившимися вокругъ большаго огня. Нѣкоторые изъ нихъ старались подражать кликамъ, слышаннымъ ими на кораблѣ, прислушивались къ командѣ, свисткy корабельному, и передразнивали то и другое.

На другой день утромъ, когда старались двинуть корабль далѣе въ гавань, дюжина лодокъ окружила его, и въ каждой было по 10-ти и по 12-ти человѣкъ. Одна изъ нихъ была 56 футовъ въ длину и около 4-хъ въ ширину. И теперь, какъ вчера, большую забаву дикарямъ доставляло повтореніе словъ команды, ими слышимыхъ. На дудочкѣ заиграли пѣсню, съ прибавкою барабаннаго боя, и дикари сначала слушали въ безмолвіи и удивленіи, а потомъ вдругъ вышли изъ нѣмаго восторга и заставили лодки свои вертѣться, ударяя въ ладъ пагаями по водѣ, со всѣми признаками чрезвычайнаго восторга.

Музыка какъ будто подружила дикарей съ Французами; одинъ изъ нихъ рѣшился взойдти на корабль, и вскорѣ примѣръ его нашелъ такую толпу подражателей, что надобно было взять мѣры о прекращеніи могущихъ быть безпорядковъ. Но хотя сношеніе было такимъ образомъ начато, недовѣрчивость и неопредѣленное безпокойство оставались еще у дикарей. Ихъ поступки, взгляды, переговоры, все измѣняло ихъ робость и подозрѣнія. При малѣйшемъ, замѣчаемомъ ими движеніи на кораблѣ, они бѣжали въ свои лодки, и даже прямо бросались въ

море. Хотя ихъ дарили разными вещами, но быстро хватали они однакожь все то, что можно было схватить.

Около полудня, Сюрвиль отправилъ двѣ вооруженныя лодки, подъ начальствомъ лейтенанта своего Лаббе, искать мѣста для налитія водою. Едва лодки пошли отъ корабля, за ними послѣдовали всѣ дикари; одна изъ лодокъ плыла впереди, путеводствуя другимъ. По видимому, ею начальствовалъ одинъ дикарь, стоявшій въ лодкѣ, держа въ рукахъ два пука травы, подымая ихъ выше головы и въ такъ дѣлая разныя движенія. Посреди лодки находился молодой человѣкъ, также стоя, съ важнымъ видомъ, опершись на длинное копье. Пучки красныхъ цвѣтовъ были у него въ проколотомъ хрящѣ носа и въ ушахъ, а волосы до бѣла засыпаны известкою. Все это, полу-торжественное, полу-воинское шествіе устроилось послѣ разныхъ переговоровъ, спросовъ, сомнѣній, и даже движенія къ оборонѣ, но такой промежутокъ недовѣрчивости былъ слѣдствіемъ прежнихъ опасеній.

Лодки, предшествовавшія шлюпкамъ Французскимъ, довели ихъ до узкаго пролива, берега котораго обросли кустарникомъ, и гдѣ, какъ говорили дикари, находится агвада. Г-нъ Лаббе почелъ неблагоразумнымъ войдти въ проливъ съ шлюпками, и отправилъ для осмотра мѣстности четырехъ матрозовъ съ капраломъ. Посланные воротились съ донесеніемъ, что прѣсной воды тутъ ненаходится, если непочитать агвадою болота, въ которомъ можно увязнуть до пояса.

Сдѣлавшись недовѣрчивѣе, Лаббе пѣнялъ дикарямъ зачѣмъ они обманули его, и настоятельно спрашивалъ снова, гдѣ можно отыскать прѣсную воду. Дикари повели его съ шлюпками за купу островковъ, льё въ трехъ разстояніемъ отъ корабля, къ подошвѣ лѣсистаго холма. Опять отправился осмотрѣть предварительно мѣстность прежній отрядъ, и нашелъ струйку воды, каплями пробивавшуюся по утесу. Доведя къ этому ключу, дикари оставили Французовъ, и съ прудомъ могли они найдти дорогу назадъ.

Между тѣмъ, на берегу приготовлялись дикари къ особеннымъ сценамъ. Сначала, всѣми возможными средствами, старались они вызвать на землю изъ шлюпокъ Французскій экипажъ, чтобы послѣ того броситься на шлюпки и приволочь ихъ на прибрежный песокъ. Для обольщенія Французовъ указывали они на превосходные кокосы, которыми покрыты были окрестныя деревья; видя, что на ихъ привѣты несдаются, старались они ухватиться за шлюпочные причалы и утащить за нихъ къ берегу шлюпки. Все это продолжалось, пока вернулся посланный для осмотра агвады отрядъ. Едва появился онъ, дикари, въ числѣ 250 человѣкъ, вооруженные стрѣлами, луками, пиками и дубинами, ухватились за способный къ нападенію случай. Казалось, что видя пять человѣкъ отдѣльныхъ, они поняли, что надобно было дѣлать. Толпой бросились они на маленькій отрядъ, убили одного матроза, ранили капрала пикою, а другихъ разными оружіями. Двѣ стрѣлы попали въ лейтенанта;

камнемъ ушибли ему ногу. Захваченные непріязнью дикарей столь нечаянно, Французы начали стрѣлять, и ружейный огонь былъ тѣмъ убійственнѣе, что непріятель находился очень близко. Дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія ужаснуло дикарей, а второй залпъ обратилъ ихъ въ рѣшительное бѣгство. Смерть одного изъ ихъ начальниковъ была одною изъ главныхъ причинъ разстройства ихъ, внезапнаго и совершеннаго. Самъ лейтенантъ Лаббе убилъ этого старшину. Замѣтивши въ сторонѣ отъ другихъ дикаря, который поднималъ руки къ небу и возбуждалъ воиновъ на битву, онъ прицѣлился въ него и положилъ его за-мертво. Сорокъ человѣкъ осталось на полѣ битвы; раненыхъ утащили бѣжавшіе.

Между тѣмъ Сюрвиль усиливался запастись водою, и для достиженія сей цѣли рѣшился захватить какого нибудь дикаря. Первое покушеніе сдѣлано было противъ пяти, или шести человѣкъ, отважившихся явиться на ближнемъ островкѣ, но они бросили свою лодку, прежде нежели успѣли облавить ихъ. Всѣ, даже одинъ изъ нихъ тяжело раненый, достигли берега вплавь. Въ другой разъ, дикарская лодка подошла къ кораблю на довольно далекое разстояніе, и Сюрвиль придумалъ хитрость, чтобы захватить двухъ человѣкъ, въ ней сидѣвшихъ. Два Кафра, находившіеся въ числѣ матрозовъ, поплыли въ лодкѣ, устроенной на манеръ дикарскихъ. Оба совершенно нагіе, напудривъ добѣла головы, украсившись подобно туземцамъ, нарядившись на ихъ манеръ, старались сверхъ

шого подражать ихъ движеніямъ и кривляньямъ. Обманутые всѣмъ этимъ, дикари положили, что могутъ безопасно приблизиться къ кораблю, подобно ихъ мнимымъ землякамъ. Ихъ допустили къ этому, и потомъ, когда подплыли они очень близко, лодки пустились захватить ихъ. Дикари бѣжали, плыли такъ поспѣшно, что опчаясь догнать, выстрѣлили въ нихъ. Одинъ изъ несчастныхъ бѣглецовъ былъ убитъ, и падая въ море перевернулъ лодку. Другой хотѣлъ спасаться вплавь, но его догнали, хотъ онъ нырялъ нѣсколько разъ въ глубину, и притащили его на корабль. Это былъ молодой человѣкъ 15-16 лѣтъ, но защищался съ удивительною храбростью, и за недостаткомъ другаго оружія, кусалъ тѣхъ, кто держалъ его. Когда успѣли связать и взнести его на корабль, онъ прикинулся мертвымъ, и безъ движенія лежалъ цѣлый часъ. Желая испытать бѣдняка, показывали видъ, будто хотятъ кинуть его въ море, и мертвецъ каждый разъ выпягивалъ плечо, чтобы защитить въ паденіи свою голову. Наконецъ надоѣло ему играть камедію; онъ проглянулъ, и видя, что матрозы ѣдятъ сухари, попросилъ себѣ и началъ убирать ихъ во всѣ челюсти. Однакожь, его оставили связаннаго, боясь, что онъ кинется въ море.

Чтобы настращать дикарей, стрѣляли еще въ этотъ день по двумъ лодкамъ, мимо плывшимъ. На другой день, плѣнникъ указалъ наконецъ то, чего добивались съ такимъ трудомъ—мѣсто, гдѣ можно было достать воды. Нѣсколько разъ отправлялись туда, защищая выстрѣлами шлюпки отъ

дикарскихъ лодокъ, появлявшихся въ окружности. Что касается до припасовъ, всѣ они состояли только въ кокосахъ, пальмовой капустѣ, устрицахъ и другихъ раковинахъ. Все это небыло значительнымъ подкрѣпленіемъ для корабля, страдавшаго отъ лихорадокъ, экипажъ котораго терпѣлъ большую смертность. Пребываніе Сюрвиля кромѣ того ознаменовалось смертью капрала, умершаго отъ ранъ, нанесенныхъ дикарями, и лейтенантъ Лаббе только черезъ десять мѣсяцовъ успѣлъ исцѣлиться, что и заставляло думать, небыли-ль стрѣлы, которыми ранили его, отравлены.

Всѣ слѣдствія Сюрвилева здѣсь пребыванія состояли въ нѣсколькихъ извѣстіяхъ о землѣ и жителяхъ, что собрано было имъ самимъ и его офицерами, и тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что это почти единственныя свѣдѣнія, какія имѣемъ мы о Соломоновыхъ островахъ.

Туземцы сего архипелага роста посредственнаго, но крѣпки и сильны. Одни изъ нихъ совсѣмъ черны, другіе мѣднаго цвѣта. У черныхъ волосы курчавые, лобъ маленькій, низъ лица угловатый, съ весьма небольшою бородою. Общность физіогноміи выражаетъ дикость, почти свирѣпость. У нѣкоторыхъ мѣдноцвѣтныхъ волосы гладкіе. Вообще волосы обрѣзываются вровень съ ушами. Другіе оставляютъ только пукъ на верхушкѣ головы, сбривая все остальное, кромѣ небольшихъ клочковъ около затылка. Многіе раздѣляютъ большой пукъ на маленькія косички, и намазываютъ ихъ какою-то гуммью. Большее число дикарей

красятъ себѣ брови и волосы желтымъ съ известкою, проводя бѣлую полоску, отъ одного виска до другаго выше бровей. Женщины, которыхъ видали очень немного, проводятъ подобныя полосы вдоль по щекамъ, и поперегъ на грудяхъ.

Единственная одежда обоихъ половъ состоитъ въ лоскутѣ рогожки около пояса. Мужчины татуируютъ себѣ лицо, руки и другія части тѣла, и рисунки этого татуажа не безъ вкуса. Мочки ушей и носовой хрящъ прокалываютъ, вставляя разныя украшенія. Браслеты изъ раковинокъ и черепахи носятъ выше локтя, а за неимѣніемъ ихъ, запястья у кистей рукъ изъ маленькихъ, рыбьихъ, или другихъ какихъ нибудь костей, нанизанныхъ на нитку. Иногда привѣшиваютъ также на шею родъ гребня, изъ бѣлаго, весьма уважаемаго камня. Другіе на лбу развѣшиваютъ нѣсколько раковинокъ, похожихъ на перламутровыя. Но украшенія, наиболѣе изумившія Сюрвиля и его сопутниковъ, были ожерелья, серьги, и даже цѣлыя пояса изъ человѣческихъ костей. Должно полагать, что это остатки непріятелей, которыхъ сожрали послѣ сраженія.

Луки дикарей дѣлаются изъ чернаго дерева, упругаго, но съ трудомъ сгибающагося. Тетиву плетутъ изъ волоконъ лапаньеровой коры. Стрѣлы, въ три фута длиною, составляютъ изъ палочекъ тростника, вмѣстѣ склеенныхъ весьма вязкою мастикою. Острее составляетъ отломокъ рыбьей кости. Часть зазубринъ его всегда остается въ

ранахъ и отправляетъ ихъ. Копья дѣлаются изъ чернаго латаньероваго дерева, длиною въ 8-мь и 10 ть футовъ, оканчиваясь костью, въ 6-ть вершковъ длины, большія зазубрины которой дѣлаютъ раны весьма опасными. Дубины, фута по $2\frac{1}{2}$ длины, образуютъ собою плоскую извилину, обыкновенно изъ краснаго, весьма тяжелаго дерева, и дикари носятъ ихъ на поясѣ. Наконецъ, щитъ дикаря составляетъ плетушка изъ ратиновыхъ пластинокъ, съ одной стороны которой скобка, куда продѣвается рука, а съ другой иногда кисти красной и желтой соломы. Щиты употребляются и вмѣсто зонтика дикарями.

Изъ орудій есть у нихъ молотки, изъ чернаго камня, крѣпко придѣланные къ ручкѣ, посредствомъ ратиновыхъ полосокъ; косари изъ куска раковины прикрѣпленнаго къ рукояти изъ криваго дерева. Ножи дѣлаютъ изъ острой раковины, а для стрижки волосъ, на головѣ и подбородкѣ, употребляютъ острые кремни. Рыболовныя сѣти дѣлаются изъ волокнъ латаньеровой коры. Въ лодкахъ дикарей находили катышки бальзамическаго запаха, и почли ихъ сначала родомъ помады, но потомъ узнали, что они служатъ дикарямъ для жженія. Въ самомъ дѣлѣ, они горѣли ярче восковой свѣчи и распространяли запахъ весьма пріятный.

На островахъ Соломоновыхъ растутъ кокосы, бананы, сахарныя тростни, иньямы и разныя сорты миндалю. *Бинао*, очевидно то, что называлъ Миндана *венаусъ*, замѣняетъ дикарямъ хлѣбъ. Въ бо-

гатой зелени лѣсовъ видно множество попугаевъ, лори, голубей и дроздовъ, болѣе Европейскихъ величиною. По болотамъ водятся каравайки, морскіе жаворонки, родъ бекасовъ, родъ упокъ, и наконецъ саламандры, иныя неменѣе 5 футовъ отъ головы до хвоста. Хотя четвероногихъ незамѣчено, но между тѣмъ извѣстно, что дикихъ свиней множество въ лѣсахъ большихъ острововъ. Одинъ изъ офицеровъ, занимавшійся естествознаніемъ, замѣтилъ паука особеннаго рода, муравьевъ, величины необыкновенной, мухъ, величиною съ Европейскаго слѣпня, больно кусающихъ. Онъ встрѣчалъ еще въ лѣсахъ небольшую ящерицу, толщиною въ палецъ, а длиною въ два фута, съ спиною, испещренною желтыми и сѣрыми квадратами, а брюхомъ свѣтло-желтымъ. Гадина, которую называетъ онъ жабою, но которая должна быть василискъ, возбудила его особенное вниманіе. «Спина ея,» говоритъ наблюдатель,» во всю длину тѣла образуетъ двѣ покатости; близко отъ плечъ голова, или рыло, представляетъ фигуру копья, также съ покатостями на обѣ стороны, и при началѣ находятся глаза, надъ которыми родъ чешуйки, или щитка; ноги обыкновенныя, и прыгаетъ она, какъ Европейскія лягушки.» Къ этимъ подробностямъ, находимымъ въ наблюденіяхъ Сюрвиля и его офицеровъ, полезно присовокупить объясненія, какія слышали они отъ своего плѣннаго дикаря, когда онъ могъ уже объясняться по-Французски. *Лова-Сарега* (имя молодаго дикаря) оставался два года съ Французами, и его могли распрашивать

на свободѣ. Вотъ, что говоритъ Моннеронъ, одинъ изъ офицеровъ Сюрвиля.

« Едва плѣнникъ нашъ пробылъ мѣсяца два на кораблѣ, мы замѣтили способность его учиться нашему языку. Но успѣхи, имъ сдѣланные, были задержаны трехъ-мѣсячнымъ пребываніемъ нашимъ среди Испанцовъ въ Перу. Онъ успѣлъ однакожъ въ это время выучиться разговаривать очень порядочно на обоихъ языкахъ. »

« Всего болѣе возбудили удивленіе его въ Лима высота и огромность домовъ. Онъ немогъ представить себѣ, чтобы они были прочны, и для убѣжденія въ противномъ принимался трясти ихъ стѣны. Удивленіе его возрастало потомъ ежедневно, видя занятія и произведенія Испанцовъ, и вскорѣ призналъ онъ великое превосходство ихъ надъ своими дикими земляками. Во все время переѣзда отъ порта Праслена до Перу, г-нъ Сюрвиль садилъ его обѣдать за свой столъ, и онъ скоро увидѣлъ, что это была особенная милость, потому, что съ другими Неграми на кораблѣ обходились совсѣмъ иначе. Когда г-нъ Сюрвиль такъ несчастно утонулъ, переѣзжая изъ Каллао въ Лима, бѣдный Лова самъ пересталъ ходить за офицерскій столъ, и прислуживалъ другимъ, какъ простой служитель.

« Впрочемъ, всѣ оказывали ему особенное снисхожденіе, и конечно, онъ его заслуживалъ своими добрыми свойствами. Изъявленія его благодарности всегда доказывали, что онъ чувствуетъ

цѣну вниманія, и никогда неупотреблялъ онъ во зло милостей, какія были ему изъявляемы.

«Единственный порокъ, въ немъ замѣченный, состоялъ въ движеніи досады и отчаянія, чему предавался онъ легко, и что должно было приписывать его чрезмѣрной чувствительности. Но всѣ подобные порывы обращалъ онъ на самаго себя, и они въ минуту проходили — это былъ гнѣвъ ребенка. При своемъ проницательномъ умѣ, легко и съ удовольствіемъ выучивался онъ всему, чему только его учили. Безъ сомнѣнія, скоро выучился-бы онъ читать, если бы только занялись съ нимъ азбукою.

«Честностью его можно было всегда похвалиться. Довольно любя наряды, онъ безъ труда отъ нихъ отказывался. Очень хорошо узнавши цѣнность и употребленіе денегъ, онъ непоказывалъ однакожъ къ нимъ никакой жадности. Казалось, что только одно возбуждало въ немъ живое желаніе— удовлетвореніе аппетита. Рѣшительно сказать можно, что онъ былъ одаренъ самыми счастливыми способностями, и чуждъ притомъ многихъ недостатковъ, отъ которыхъ самое тщательное воспитаніе невсегда охраняетъ человѣка.»

Разспрашиваемый объ его родинѣ, Лова-Сарега отвѣчалъ, что архипелагъ опустошается безпрерывными войнами; что каждый островъ воюетъ тамъ съ сосѣднимъ островомъ, и что плѣнники, захваченные въ битвахъ, становятся рабами побѣдителей. Власть царя, или начальника, неограниченна. Каждый изъ подданныхъ обязанъ прино-

сить ему все, что получилъ отъ своей рыбной ловли, своихъ сборокъ съ полей, всякихъ работъ и добычи, взятой у непріятеля. Начальникъ беретъ что ему нравится, отдавая остатокъ хозяину. Кто унесетъ къ себѣ что нибудь, непоказавши предварительно начальнику, подвергается наказанію жестокому. Каждый подданный, перешедшій по тѣни своего владыки, немедленно казнится смертью. Но Лова прибавлялъ, что знатный дикарь можетъ выкупить жизнь себѣ пожертвованіемъ своихъ богатствъ.

Ничего опредѣленнаго немогли узнать отъ Лова о религіи его земляковъ. Онъ говорилъ только, что послѣ смерти люди идутъ на небо, и отъ времени до времени возвращаются на землю, посѣщаютъ друзей своихъ. Духи эти приходятъ ночью, возвѣщаютъ хорошее и дурное, и указываютъ лучшія мѣста для рыбной ловли. Когда хотѣли посмѣяться надъ этимъ, Лова отвѣчалъ, что никому лучше его неможетъ быть извѣстно, что дѣлается въ его землѣ.

Во время пребыванія на архипелагѣ, при нападеніяхъ дикарей на лодки, замѣчали начальниковъ, стоящихъ въ сторонѣ, и какъ будто молящихся, а другіе, какъ казалось, между тѣмъ, кривляньями и коверканьями призывали помощь какого нибудь божества.

Лекаря, всѣ старики, имѣютъ важное вліяніе на своихъ земляковъ. Даже послѣ долговременнаго пребыванія на кораблѣ, Лова говорилъ о лекаряхъ

своей земли, какъ о людяхъ гораздо болѣе Европейскихъ врачей опытныхъ, а «эти», прибавлялъ онъ, « умѣютъ только продолжать болѣзни. »

Дѣвушки, обручаемыя съ самаго нѣжнаго возраста, живутъ въ домахъ жениховъ, но бракъ оканчивается только при совершеннолѣтіи. Многоженство въ большой силѣ.

Когда умретъ богатый дикарь, трупъ его кладутъ на подмостки, рѣшетчатыя, подъ которыми выкопана яма. Ожидаютъ, пока отъ дѣйствія дождя, солнца и гніенія развалится тѣло, и останки его свалятся въ яму, послѣ чего кости переносятъ въ общее кладбище. Яма зарывается, и надъ нею воздвигаютъ строеніе, въ родѣ голбчика. Надъ малолѣтными садятъ только цвѣты.

Какъ ни утлы кажутся ихъ лодки, но дикари совершаютъ однакожъ на нихъ путешествія по 10-ти, по 12 дней сряду. Въ пути правятъ они по звѣздамъ и умѣютъ различать нѣкоторыя созвѣздія. По извѣстіямъ Лова, земляки его довольно торгуютъ съ народомъ почти бѣлымъ, или, по крайней мѣрѣ, гораздо менѣе ихъ чернымъ. Лова-Сарега увѣрялъ, что видѣлъ лодку, въ которой было 15 черныхъ дикарей, 3 черныхъ и 1 бѣлая женщина. Черныя женщины только что болтали, а бѣлая все плакала о своемъ бѣломъ мужѣ, который бросился въ море поймать черепаху, и былъ съѣденъ рыбами. Она родила двухъ бѣлыхъ дѣвочекъ, изъ которыхъ одна умерла. Хотя ей надлежало-бы остаться для живой дѣвочки, но ни-

что немогло развлечь ея печали, и она удавилась снуркомъ, который носила на шеѣ, служившимъ ей, безъ сомнѣнія (какъ Перуанскіе *квиппо*), означать узелками число дней, проведенныхъ вдали отъ родины. У Лова былъ такой снурокъ, на которомъ онъ отмѣчалъ счетъ дней. Лова прибавлялъ, что у бѣлой дикарки были весьма большія, золотаго цвѣта серьги, что волосы у нея были длинные, носовой хрящъ проколотъ, и была она одѣта только лоскутомъ ткани, отъ пояса до колѣнъ. Въ лодкѣ этихъ гостей находился большой запасъ свиней и кокосовъ.

Лова сказывалъ, что отецъ его часто плавалъ по 10-ти, по 12 дней, къ какой-то землѣ, населенной народомъ гораздо менѣе земляковъ его чернымъ; что онъ мѣнялъ тамъ черныхъ на бѣлыхъ, и вывозилъ оттуда тонкія ткани, съ узорами, для поясовъ. Всѣ сіи разсказы, отчетистые и ясные, съ множествомъ подробностей, не заставляютъ-ли думать, что мѣдное, или Полинезійское племя, занимаетъ нѣкоторыя мѣста архипелага Соломонова? Хотя окрестности порта Праслена непредставляютъ почти ничего, кромѣ неважныхъ заселеній, внутренность острова заключаетъ селенія значительныя. Лова начиналъ говорить объ этомъ нѣсколько разъ, но онъ забылъ одно—сказать туземное имя своей родины.

Сюрвиль оставилъ портъ Праслена 21 Октября, а 26-го, когда онъ вовсе неожидалъ видѣть какую нибудь землю, вдругъ открылся передъ нимъ островъ, который и назвалъ онъ *Неожиданнымъ*. Это

былъ Карпентеровъ *Говеръ*. На другой день открылъ онъ île des Contrariétés, названный имъ этимъ именемъ по причинѣ тишины и порывовъ вѣтра, задержавшихъ его близъ берега. Днемъ 2-го Ноября, прикованный къ морю, котораго неоживляло ни одно дыханіе вѣтерка, Сюрвиль былъ окруженъ лодками, и хотѣлъ даже послать шлюпку къ берегу, но началась непріязнь и заставила его отказаться отъ высадки. Ноября 3-го Сюрвиль открылъ островъ *Трехъ Сестеръ*, и еще одинъ, названный имъ *île de Golf* (островъ залива). Хотя отъ всѣхъ этихъ острововъ поперемѣнно посылаемы были къ кораблю лодки, но ни одна изъ нихъ непослушалась знаковъ, которыми приглашали ихъ. Наконецъ, 6-го числа Сюрвиль обогнулъ два маленькіе острова *Анна* и *Каталина*, которые назвалъ островами *Избавленія;* потомъ, думая, что видѣнныя имъ земли составляютъ одинъ большой островъ, онъ наименовалъ ихъ *земля Арсацидовъ*— имя оставшееся при одномъ изъ этихъ острововъ. Здѣсь кончились изслѣдованія Сюрвиля.

Открытія сего мореплавателя, соединенно съ Бугенвилевыми, пробудили вниманіе географовъ къ архипелагу, котораго описаніе казалось совершенно сходственно съ разсказомъ Миндана. Трудолюбивый Бюашъ и искусный Флерьё старались одинъ послѣ другаго утвердить тожество архипелаговъ, въ послѣдствіи сдѣлавшееся несомнительнымъ фактомъ географіи. Острова Сюрвиля и Бугенвиля, дѣйствительно, суть Соломоновы острова Миндана.

Англичанинъ Шортландъ первый видѣлъ потомъ сіи острова. Іюля 31-го 1788 года сталъ онъ близъ южнаго мыса острова Гвадалнакара, и плывя по южной купѣ архипелага, вступилъ въ тотъ самый заливъ, по которому за 20 лѣтъ плылъ Бугенвиль. Производя обозрѣнія издали, Шортландъ, подобно Сюрвилю, думалъ, что всѣ эти острова суть части одной большой земли, которую и назвалъ онъ *Новая Георгія*. Имя это осталось при одномъ изъ видѣнныхъ имъ острововъ. Шортландъ почти неимѣлъ другой встрѣчи съ дикарями, кромѣ свиданія на высотахъ мыса *Ухищренія* (cap Déception). Лодки подошли къ Англійскому кораблю, мѣнять запястья, кольцы, цѣпочки изъ костей и рыбьихъ позвонковъ на такіе-же предметы Европейскаго издѣлія, но особенно всему предпочитая желѣзныя вещицы. Дикари показывали много честности въ обмѣнахъ, и нисколько непокушались на воровство и обманъ. Всего болѣе хотѣлось имъ, чтобы Европейцы посѣтили ихъ берегъ; для этого показывали они фруктовыя корки и птичьи перушки, увѣряя, что плодовъ и птицъ гости ихъ много найдутъ на землѣ. *Симбу* называли дикари островъ, съ котораго прибыли къ кораблю, и можно было замѣтить на немъ пространства хорошо обработанныя. Лодки дикарей, въ которыхъ находилось отъ 6-ти до 14 человѣкъ, были искусно построены, вырѣзаны и раскрашены красною краскою. Кромѣ колецъ и запястьевъ изъ костей и рыбьихъ позвонковъ, дикари украшали еще голову черепахою съ перьями.

Они слѣдовали за кораблемъ два, или три часа, и потомъ обратились къ берегу.

Ни одно путешествіе недолженствовало-бъ быть столь полезно для географіи Соломоновыхъ острововъ, какъ путешествіе Дантркасто. Іюля 9-го 1792 года началъ онъ обозрѣніе съ острова Георгіи; потомъ постепенно осмотрѣлъ острова Сокровищницы, Шортландовъ, и западную сторону острововъ Бугенвиля и Бука. Но всѣ сіи изслѣдованія неприбавили ничего къ антропологическому познанію, которое до сего времени имѣли объ архипелагѣ. Дантркасто нигдѣ неостанавливался и мало сообщался съ жителями. Только находясь при островахъ Сокровищницы, эскадра замѣтила нѣсколько дикарей и лодки, плававшія около береговъ. Еще далѣе, почти подлѣ С. мыса острова Бука, множество лодокъ отдѣлилось отъ берега, съ 8-ю дикарями въ каждой; только одна лодка вмѣщала сорокъ человѣкъ, изъ коихъ 16-ть было гребцовъ и 24 воина. Послѣ нѣсколькихъ часовъ нерѣшительности, флотилія пристала наконецъ къ кораблямъ, и сначала обмѣняли только немного Европейскихъ вещицъ на стрѣлы, ибо дикари нехотѣли промѣнивать своихъ луковъ. Но одинъ изъ офицеровъ заигралъ на скрыпкѣ веселую пѣсню—тотчасъ зашевелились всѣ дикари, начали смѣяться, прыгать, плясать на скамьяхъ своихъ лодокъ, и въ промѣнъ за скрыпку нетолько отдавали лукъ, но и всѣ свои дубины, которыя скрывали до того времени. Они повторяли легко разныя Французскія слова.

Лодки ихъ, безъ перевѣса, шли на парусахъ весьма скоро.

Въ слѣдующемъ году, Мая 25 го, снова принялся Дантркасто за обозрѣніе острововъ Анна и Каталина, а потомъ всей западной стороны острова Кристоваля, который казался покрытъ селеніями къ С. З. мысу. Лодки, достигшія до кораблей, взяли все, что имъ давали, но ничего непредлагали въ обмѣнъ за полученное. Ночью число лодокъ умножилось. Вскорѣ насчитали ихъ до шестидесяти, и ободренные многочисленностью, дикари пустили въ Французовъ нѣсколько стрѣлъ. Имъ отвѣчали ружейнымъ выстрѣломъ и фузеею, а этого было достаточно разсѣять нападчиковъ.

Дантркасто посѣтилъ послѣ сего островъ Сезарга, отъ котораго явились семь лодокъ, но тщетно приглашали дикарей взойдти на корабль; они отказались, и только знаками звали къ себѣ на берегъ. Лодки эти казались щеголеватѣе всѣхъ видѣнныхъ прежде, и дикари являли роскошь прекрасныхъ ожерельевъ изъ кусочковъ раковинъ, запястьевъ, и перьевъ въ волосахъ. Обогнувъ всю южную и западную сторону большаго острова Гвадальнакара, а потомъ обплывши мысъ Маршъ, Французскіе мореплаватели кончили изслѣдованіе осмотромъ южной части острова Георгія. Іюня 7-го эскадра потеряла изъ виду всѣ здѣшнія земли.

Нѣкоторыя части Соломоновыхъ острововъ были послѣдовательно осматриваемы: *Маннингомъ* въ 1792 году (онъ прошелъ здѣсь между островами Изабеллы и Шуазёля), кораблемъ *Indispensable* въ

1794 году (прошедшимъ между Кристовалемъ и Гвадальнакорамъ, а пошомъ Изабеллою и Малаипа), и наконецъ, въ 1794-мъ году, *Бутлеромъ*. Но ни одно изъ сихъ путешествій неприбавило никакихъ существенныхъ подробностей; мореплаватели смотрѣли на земли здѣшнія неспуская парусовъ въ быстромъ ходу.

ГЛАВА LXXX.

ОСТРОВА СОЛОМОНОВЫ. ГЕОГРАФІЯ.

Архипелагъ Соломоновыхъ острововъ находится между 5-12° шир. южной, и 152-160° долг. восточной. Длина его 200 льё отъ С. З. къ Ю. В., при средней ширинѣ около 40 льё. Въ немъ находится 12-ть большихъ, высокихъ и населенныхъ острововъ, и множество другихъ меньшаго размѣра. Вотъ извѣстныя острова, идя отъ С. къ Ю.

О. Бука. Открытъ въ 1767 году Картеретомъ, наименовавшимъ его *Винчилсеа*. Вновь видѣнъ, въ 1768 году, Бугенвилемъ, въ 1788 году Шортландомъ, и осмотрѣнъ Данпркасто въ 1792-мъ, Дюперреемъ въ 1823 году. Земля высокая, лѣсистая, населенная, 35 миль протяженія отъ С. къ Ю., при 18-ти ширины; при южномъ прибрежьи множество мѣлкихъ островковъ. Раздѣленіе этого острова съ слѣдующимъ еще не вполнѣ опредѣлено. Широта ю. 5° 0′, долгота в. 152° 14′ (сѣв. край).

О. Бугенвиля. Открытъ въ 1768 году Бугенвилемъ, видѣнъ въ 1788 году Шортландомъ, изслѣдованъ въ 1792 году Дантркасто. Высокъ, населенъ, 96 миль отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., при ширинѣ 18-ти, 20 миль. У Ю. В. части его множество мѣлкихъ, оставленныхъ безъ имени острововъ. Положеніе: 5° 32′ — 6° 55′ шир. южной, и 152° 14′ — 153° 25′ долг. В.

О. Шортланда, видѣнный Бугенвилемъ въ 1768-мъ, потомъ Шортландомъ въ 1788-мъ, и осмотрѣнный Дантркасто въ 1792 году. Островъ, или груда острововъ, около 30-ти, или 36 миль въ окружности. Много островковъ находится при западной сторонѣ его. Широта ю. 7° 9′, долгота В. 153° 20′ (южный уголъ).

О. Сокровищницы (Trésorerie), открытый Бугенвилемъ въ 1768-мъ, видѣнный Шортландомъ въ 1788-мъ, осмотрѣнный Дантркасто въ 1792 году. Купа, изъ нѣсколькихъ мало-возвышенныхъ, весьма лѣсистыхъ, на $7\frac{1}{2}$ миль протяженія острововъ, отъ С. С. В. къ Ю. Ю. З.—Широта южн. 7° 25′, долгота В. 153° 10′ (средина).

О. Шуазёля, вѣроятно, открытый Миндана въ 1567 году, но въ первый разъ означенный Бугенвилемъ въ 1768 году, а потомъ видѣнный Сюрвилемъ въ 1769-мъ, и отчасти осмотрѣнный капитаномъ корабля *Корнваллисъ*, въ 1796 году. Восточное прибрежье его все еще остается несовершенно извѣстнымъ. Высокій, весьма населенъ, 80 миль отъ С. З. къ Ю. В., при перемѣнной ширинѣ

отъ 10-ти до 20 миль. Положеніе: 6° 36′ — 7° 34′ шир. ю. и 153° 41 — 154° 57′ долг. В.

О. Аллена и Миддлетона, открытые Шортландомъ, который почелъ ихъ двумя мысами. Крузенштернъ полагаетъ, что это два небольшіе острова. Широта втораго изъ нихъ 7° 28′, а долгота 153° 54′.

О. Симбу. Открытъ Бугенвилемъ въ 1768-мъ, видѣнъ Шортландомъ въ 1788 году. Довольно пространенъ и довольно населенъ, но фигура его неизвѣстна. При ю. краѣ его лежитъ О. Удовлетворенія (île Satisfaction). Положеніе 8° 17′ шир. южной, 154° 12′ долготы в. (южный край остр. Удовлетворенія).

О. Перваго вида (De la Première Vue), открытый Сюрвилемъ въ 1769-мъ, видѣнный Маннингомъ въ 1792 году. Высокъ и отъ 5-ти до 6 миль протяженія. Широта ю. 7° 20′, долгота в. 154° 59′.

О. Изабеллы, открытый Миндана въ 1569-мъ, видѣнный Маннингомъ въ 1792 году. Великъ, гористъ, хорошо населенъ. На картѣ Крузенштерна длина его 105 миль отъ С. З. къ Ю. В., и ширина отъ 14-ти до 16 миль, но настоящія пропорціи его еще неизвѣстны. Къ С. З. сторонѣ его примыкаютъ островки, изъ коихъ два названы Маннингомъ *Jane* и *Nairn*. Положеніе: 7° 16′ — 8° 28′ шир. ю. и 155° 18′—156° 54′ долг. в.

О. Ортега. Открыты Миндана въ 1567 году; вновь видѣны кораблемъ Indispensable въ 1794 году. Ихъ два, и каждый отъ 5-ти до 6 миль протяже-

нія, но оба малоизвѣстны. Широта ю. 8° 8′, долгота в. 157° (средина).

О. Рамосъ. Открыты Миндана въ 1567 году; вновь видѣны кораблемъ Indispensable въ 1794 году. Купа изъ трехъ, или четырехъ острововъ, окруженныхъ мѣлью. Широта ю. 8° 24′, долгота в. 157° 42′.

О. Говера (Gower). Открытъ Картереmомъ въ 1767 году; вновь видѣнъ Сюрвилемъ, наименовавшимъ его *о. Негаянный* (île Inattendue). По Картерету, это земля низкая, плоская, хорошо населенная, $2\frac{1}{2}$ льё отъ В. къ З.—Положеніе: 8° шир. ю. и 158° 12′ долготы в.

О. Малаита, открытый Миндана въ 1567 году, видѣнный Картерemомъ и Сюрвилемъ, въ 1767, 1769 годахъ. По Картерету, это высокій, гористый островъ, десять льё отъ В. къ З.—Широта ю. 8° 24′, долгота в. 158° 10′ (сѣверный край).

О. Симсонъ. Открытъ Картерemомъ въ 1767 году; видѣнъ Сюрвилемъ въ 1769 году. По извѣстію Картерета это небольшая и низкая земля.—Шир. ю. 8° 30′, долгота в. 158° 43′.

О. Арзацидовъ. Открытъ Миндана въ 1567-мъ, видѣнъ Сюрвилемъ въ 1769 году. Высокъ, и слѣдуя Крузенштерну, 36 миль отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., при восьми миляхъ въ ширину, но ничего нельзя сказать объ его фигурѣ, совершенно догадочной донынѣ. Положеніе: 8° 36′ — 9° 7′ шир. южной, и 158° 37′—159° 4′ долг. восточной (?).

О. Галера (Galera). Открытъ Миндана въ 1567 году, видѣнъ Сюрвилемъ въ 1769 году. По извѣ-

стію Ортега, онъ около 6-ши льё въ окружности, и окруженъ малоизвѣстною мѣлью. Положеніе : 9° 28′ шир. южной и 159° 6′ долг. восточной.

О. Добровидный (Buena-Vista). Открытъ Миндана въ 1567 году , вновь видѣнъ Сюрвилемъ въ 1769 году. По извѣстію Ортега , земля плодородная , хорошо обработанная и хорошо населенная , около 29 льё окружностью , окружена маленькими населенными островами , но вообще почти неизвѣстна. Шир. ю. 9° 42′ , долгота в. 157° 18′ (южный мысъ).

О. Сезарга. Открытъ Миндана въ 1567 году , видѣнъ Сюрвилемъ въ 1769 году, и названъ тогда *île des Contrariétes* , а капитанъ Балль , въ 1790 году, переименовалъ его островомъ *Смита;* Дантркасто осматривалъ его въ 1792 году. Высокъ , хорошо населенъ, около семи миль, отъ С. къ Ю. Широта южная 9° 49′, долгота в. 159° 43 (средина).

О. Три сестры. Открытъ Сюрвилемъ въ 1769 году , осмотрѣнъ Дантркасто въ 1792 году. Цѣпь изъ трехъ маленькихъ, высокихъ острововъ, занимающая протяженіе девяти миль отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В.—Широта южная 10° 33′, долгота в. 159° 40′ (средняго острова).

О. Залива (du Golfe) , открытые Сюрвилемъ въ 1769-мъ , осмотрѣнные Дантркасто въ 1792 году. Два возвышенные острова , изъ которыхъ тотъ, который побольше, неменѣе 4-хъ миль отъ с. къ ю. — Широта южная 10° 14′, долгота в. 159° 27′.

О. Принцессы (Princesa), маленькій, и по картѣ Арровсмита находится на Ю. З. отъ острововъ Гаммонда. Въ 12 миляхъ отсюда на С. С. В. лежитъ мѣль, именуемая *Бриджватеръ*. Кто и когда открылъ островъ и мѣль неизвѣстно. Шир. ю. 9° 5′, долгота в. 154° 46′.

О. Гаммонда, открытые Шортландомъ въ 1788 году, видѣны были Данпркасто въ 1792 году. Ихъ три, высокихъ, лѣсистыхъ и населенныхъ; самый большой 14-15 миль протяженія по картѣ Крузенштерна. Впрочемъ, весьма малоизвѣстны. Шир. ю. 8° 32′, долгота в. 154° 55′ (С. З. край).

О. Георгіа. Открытъ Шортландомъ въ 1788 году; издали видѣнъ Маннингомъ въ 1792 году; южная часть изслѣдована Данпркасто въ 1792 году. По картѣ Крузенштерна, островъ этотъ, высокій, населенный, имѣетъ до 40 миль протяженія отъ В. къ З., и 10-12 миль въ ширину. Но форма и протяженіе къ С. совершенно неизвѣстны. Положеніе 8° 35′ — 8° 53′ шир. южной и 155° 14′ — 156° долготы в. (?) —

О. Муррая. Кажется, открытъ Маннингомъ въ 1792 году; осмотрѣнъ Данпркасто также въ 1792-мъ. Маленькій, высокій, 5-6 миль въ окружности. Широта южная 9° 3′, долгота в. 156° 30′.

О. Маррг̀ъ (Marrh). Открытъ Шортландомъ, который почелъ его мысомъ, въ 1788 году, а потомъ видѣнъ Маннингомъ и Данпркасто въ 1792 году. Высокъ, неменѣе 10 миль протяженія отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., и къ нему прилежитъ много островковъ. Протяженіе этой купы къ С. В.

вовсе неизвѣстно. Широта ю. 9° 6′, долгота в. 156° 48′ (западный край).

О. Гвадальканаръ. Открытъ Миндана въ 1567 году, издали видѣнъ Шортландомъ въ 1788 году, Маннингомъ въ 1792 году, и въ томъ-же году въ половину осмотрѣнъ Дантркасто. Плаваніе корабля Indispensable показало раздѣленіе его отъ острова Арзацидовъ и другихъ близъ лежащихъ земель. Но вся сѣверная сторона острова еще неизслѣдована. Онъ гористъ, хорошо населенъ, 78 миль въ длину, отъ З. С. З. къ В. Ю. В., и неменѣе 20-25 миль въ ширину. Нѣсколько маленькихъ островковъ находится въ С. В. части, къ Ю. В. мысу и въ проливѣ *Индиспенсабля;* впрочемъ, имъ недано именъ и положеніе ихъ неопредѣлено хорошенько. Мѣсто всей купы 9° 16′ — 9° 59′ ш. ю. и 157° 22′—158° 34′ д. в. —

О. Кристоваль (Cristoval). Открытъ въ 1567 году Миндана; видѣнъ въ 1769 году Сюрвилемъ; двѣ трети его изслѣдованы Дантркасто въ 1792 году; корабль *Indispensable* видѣлъ его въ 1794 году. Великъ, гористъ, населенъ по всему протяженію 72 миль отъ С. З. къ Ю. В., при 16-18 миляхъ ширины. Берегъ восточный мало извѣстенъ. Положеніе: 10° 11′— 10° 53′ шир. ю. и 159° 2′ — 160 3′ долг. в.

О. Анны. Открылъ Миндана въ 1567 году, видѣли Сюрвиль въ 1769, Балль (наименовавшій его *Сиріусомъ*), въ 1790 году, а Дантркасто осмотрѣлъ его въ 1792 году. Земля высокая, 4-5 миль въ окружности. Широта ю. 10° 51′, а долгота в. 160° 8′.

О. Каталины. Открытъ Миндана въ 1567 году. Сюрвиль назвалъ его, вмѣстѣ съ предыдущимъ, *île de la Délivrance*, въ 1769 году. Балль далъ ему имя: островъ *Massey*. Данпркасто осмотрѣлъ его въ 1792 году. Онъ высокъ ; три, или четыре мили въ окружности. Широта южная 10° 54′, долгота в. 160° 6′.

О. Беллона. Открытъ капитаномъ Буплеромъ , на кораблѣ Вальполь, въ 1794 году. Шесть миль поперечника. Но какъ ни одинъ мореплаватель ничего неговорилъ объ этомъ островѣ послѣ Буплера, то существованіе его весьма еще недостовѣрно. Полагаютъ средину его подъ 11° 11′ шир. ю. и 157° 34′ долготы в.

О. Реннель былъ также открытъ капитаномъ Буплеромъ , на кораблѣ Вальполѣ , въ 1794 году , но въ томъ-же году былъ онъ вновь видѣнъ кораблемъ *Indispensable*. По картамъ Крузенштерна, протяженіе острова около двѣнадцати миль, отъ С. З. къ Ю. В.—Широта южная 11° 38′, долгота в. 158° 21′ (край Ю. В.). —

Хотя здѣсь надобно окончить исчисленіе собственно-такъ называемыхъ *Соломоновыхъ острововъ*, но мы должны упомянуть еще , какъ о геологическомъ продолженіи ихъ, о двухъ опасныхъ мѣляхъ, находящихся въ недальнемъ разстояніи на югъ, отъ послѣднихъ упомянутыхъ земель. Это *мѣль Пандоры*, открытая Эдуардсомъ въ 1791 году ; безъ сомнѣнія , та-же самая , которую видѣли въ 1794 году *Indispensable* , и въ 1804 году *Ruault-Cou-*

tance. Говорятъ, что опасное мѣсто это будетъ около 40 миль отъ С. къ Ю. и что уголъ его находится подъ 12° 8′ ш. ю. и 159° (?) долготы восточной. Другая мель *Веллса* (Wells) найдена также Эдуардсомъ, въ 1791 году, и означается подъ 12° 21′ ш. ю. и 156° 22′ д. в.

Непереступая къ дальнѣйшимъ землямъ здѣшнимъ, можно еще замѣтить маленькія купы острововъ, расположенныя на С. отъ Соломонова архипелага, почти параллельно съ нимъ, то есть, начиная съ юга.

О. Стуартъ, открытые Гунтеромъ въ 1791 году, видѣнные Вильсономъ, на кораблѣ Duff, въ 1797 году. Купа изъ пяти землицъ, изъ коихъ въ двухъ главныхъ будетъ мили по три протяженія. Широта Ю. 8° 24′, долгота В. 161°.

Опасныя мели *Брадлея*, открытыя Гунтеромъ въ 1791 году, лежатъ здѣсь подъ 6° 52′ ш. ю. и 158° 46′ д. в., на 15 миль, отъ З. С. З. къ В. Ю. В.— Неменѣе опасныя мели *Канделаріа*, открытыя Мандана въ 1567 году, и вновь видѣнныя Мауреллемъ, въ 1781 году (названы тогда *Ронкадоръ*), полагаются здѣсь подъ 6° 20′ ш. ю. и 157° д. в.—Весьма важно было-бы достовѣрнѣе назначить сіи ушесы, сіе разъ ужаснѣйшіе для мореплавателей самыхъ опасныхъ острововъ.

О. Гоу (Howe) открыты также Гунтеромъ, въ 1791 году, но онъ видѣлъ только южную часть ихъ. Вѣроятно, это самыя тѣ земли, которыя ви-

дѣлъ, въ 1616 году, Шутенъ, и въ 1643 году Тасманъ, назвавши ихъ *Онтонгъ-Ява*. Какъ-бы то нибыло, но открытіе Гунтера составляло множество низкихъ и населенныхъ острововъ, протяженіе коихъ осталось неизвѣстно. Широта южная 5° 39′, долгота восточная 157° 6′ (южный уголъ).

О. Маркенъ, открыты были Шутеномъ въ 1616 году, и Тасманомъ въ 1643 году. Вѣроятно ихъ-же видѣлъ *Indispensable* въ 1794 году, и назвалъ *Кокосовыми*, а Морглокъ въ 1799 году, и назвалъ *Гунтеровыми*, хотя и опредѣляетъ свое открытіе нѣсколько южнѣе. По извѣстіямъ Шутена и Тасмана, острова Маркена (Marquéen) образуютъ купу изъ 14-15 землицъ, низкихъ и обитаемыхъ; протяженіе 15-20 миль. Широта южная 9° 30′, долгота В. 154° 8′.

О. Картерета открыты были симъ мореплавателемъ, въ 1767 году, названы *Девятью островами*, вновь видѣны въ 1781 году, Маурелемъ, и приняты имъ за Тасмановы *Онтонгъ-Ява*. Шортландъ видѣлъ ихъ въ 1788 году, а Гунтеръ въ 1791 году. По Картерету, одинъ изъ сихъ острововъ значительной величины, а другіе восемь малы, низки, но покрыты деревьями и весьма многолюдны. Обитатели черны, курчавы, вооружены стрѣлами и луками и плаваютъ въ большихъ лодкахъ, съ парусами. Средина— 9° 42′ ш. ю. и 153° 10′ д. в.

Наконецъ, слѣдуютъ острова *Зеленые*; ихъ открылъ Шутенъ въ 1616 году; видѣлъ и назвалъ *остр. Отваги* (Hardy) Картеретъ, въ 1767 году; въ томъ-же году издали замѣтилъ Бугенвиль; въ

1781 году Маурелль, назвавши *остр. Каймановъ*; въ 1792 и 1823 Дантркасто и Дюперрей, оба въ большомъ отдаленіи. Это купа зеленѣющихъ и населенныхъ землицъ, очеркъ которыхъ мало извѣстенъ. Широта ю. 4° 33′, а долгота в. 151° 49′ (южный уголъ).

ГЛАВА LXXXI.

АРХИПЕЛАГЪ СОЛОМОНОВЪ. ОСТР. ПОБѢДЫ.

Къ одной изъ послѣднихъ, упомянутыхъ нами купъ принадлежитъ острова *Побѣды,* мѣсто продолжительнаго и драматическаго происшествія, которое случилось съ капитаномъ Американскаго корабля Мореллемъ. Неточность опредѣленія мѣстъ у этого мореплавателя производитъ всегда то, что читая его описанія, касательно мѣстности надобно основываться на догадкахъ. Потому и неизъявимъ мы полной увѣренности, если скажемъ, что *острова Картерета* полагаемъ мы тѣми, которые Морелль означаетъ подъ именемъ *острововъ Побѣды.* Также оговариваемся мы напередъ касательно самаго разсказа Американскаго капитана, находя его во многихъ подробностяхъ исполненнымъ невѣроятныхъ подробностей, которыя, можно назвать — по меньшей мѣрѣ — преувеличеніями....

Капитанъ красиваго Американскаго шунера, по имени *Антарктическій полюсъ* (Antarctic), бродяга морей, подобный Пендлетону, Морелль пристalъ, 24-го Мая 1830 года, къ *островамъ Побіенія* (какъ назвалъ онъ ихъ въ послѣдствіи), и остановился въ надежной и спокойной гавани. Едва явился онъ здѣсь, туземцы, племя почти черное, пришли въ своихъ лодкахъ. Робѣя, сначала держались они въ отдаленіи; потомъ, насмѣлясь, приблизились. Старшина ихъ, которому Морелль далъ фантастическое имя Нерона, отличался отъ всѣхъ ожерельями изъ раковинъ, и цвѣточными вязанками, которыми окутаны были его голова и шея.

Первый онъ рѣшился взойдти на корабль, гдѣ все поражало его удивленіемъ и ужасомъ. Изумляемый сперва всѣмъ что видѣлъ, помаленьку образумливался онъ, разсматривалъ одинъ за другимъ всѣ предметы на палубѣ, дѣлалъ тысячи вопросовъ, неожидая ни на одинъ отвѣта, и наконецъ началъ прыгать, какъ сумасшедшій, хохоча и крича отъ радости. Крикъ, которымъ изъявлялъ онъ свое удивленіе, состоялъ изъ словъ: *Реттъ стиллеръ!* и Морелль говоритъ, что это значило: «Какъ хорошо!»

Неронъ согласился идти въ каюту непрежде, когда трое изъ его подданныхъ осмотрѣли ее. Морелль показалъ имъ ружья и пистолеты. Больше прежняго усилился крикъ: *Реттъ стиллеръ!* Взглядъ на зеркала былъ поводомъ къ сценѣ еще болѣе любопытной. Первое движеніе дикарей составляли ужасъ и изумленіе. Но потомъ, увѣрясь,

что въ зеркалѣ ошражается ихъ собственный образъ, они начали обниматься, крича отъ радости, съ громкимъ хохотомъ. Такое изъявленіе веселья возбудило участіе Нерона; въ одинъ прыжокъ, онъ былъ уже въ каютѣ. Много забавлялись, дѣлая надъ нимъ разные опыты новыхъ впечатлѣній. Вспышка пороха заставила его упасть ницъ лицомъ на полъ.

Между тѣмъ Морелль надарилъ Нерону разныхъ бездѣлицъ, и тотъ, желая оказать благодарность, послалъ на берегъ за кокосами и другими плодами, предложилъ все это капитану, а потомъ приглашалъ своихъ хозяевъ посѣтить его на землѣ. Американцы согласились, и были въ хижинѣ Нерона, ничѣмъ неотличавшейся отъ другихъ, кромѣ бо́льшаго размѣра. Тутъ посадили гостей на рогожки, между женщинами, довольно красивыми, и вмѣстѣ ѣли рыбу и плоды, предложенные Нероном.

По окончаніи закуски, Морелль подарилъ разныхъ вещицъ женѣ Нерона, и между прочимъ ножницы, которыя, по видимому, принесли ей величайшее удовольствіе. Тутъ Неронъ въ первый разъ началъ щупать платье своихъ гостей, и съ изумленіемъ увѣряться, что подъ нимъ были кожа и кости, какъ у него самого и у дикарей. Во время этого изслѣдованія, безпрестанно вырывались у Нерона признаки удивленія, а потомъ, кончивши свое разысканіе, оборотился онъ къ дикарямъ, и проговорилъ длинную рѣчь, которую тѣ слушали разинувши рты и выпучивши глаза.

Утвердивъ такимъ образомъ дружество, пуземцы, мужчины и женщины, стали дарить своихъ гостей черепаховыми ожерельями, перяными калпаками, и рогожками, искусно сплетенными. Число дикарей увеличивалось мало по малу. Наконецъ ихъ насчитали болѣе 400. Вся эта толпа запѣла торжественный хоръ, который казался изъявленіемъ благодарности къ знаменитымъ посѣтителямъ, и Американцы отвѣчали на ласки, какъ умѣли, стараясь подражать движеніямъ и кривляньямъ дикарей.

Послѣ всѣхъ такихъ предварительныхъ вѣжливостей, Морелль изъявилъ начальнику дикарей желаніе прогуляться по острову, и тотъ немедленно согласился на такое желаніе. Тотчасъ пустились въ дорогу. Неронъ предводилъ своихъ гостей, а дикари слѣдовали за начальникомъ, прыгая безпрестанно. Съ перваго шага, Морелль замѣтилъ, что всѣ деревья были молоды, и это показалось ему доказательствомъ, что островъ неотносится къ временамъ первобытнаго міра. Внутри острова, вниманіе обратилось на небольшія груды коралловъ, расположенныя правильными рядами, пересѣкаемыя дорожками, и окруженныя палисадомъ изъ кольевъ, воткнутыхъ въ землю. На вопросъ капитана, Неронъ изъяснялъ, что это были царскія могилы, и что груды коралловъ означаютъ мѣста погребенія почетныхъ людей. Трупы простолюдиновъ просто бросаютъ въ море.

Замѣтивъ во время прогулки, на Ю. З. сторонѣ острова, удобное мѣсто для ловли и приго-

товленія припанговъ, Морелль рѣшился провести туда свой корабль. Нетолько согласился на это Неронъ, но даже обѣщалъ заставить дикарей помогать въ работѣ. Въ доказательство особенно добраго расположенія, онъ послалъ на корабль множество кокосовъ, банановъ и рыбы.

Утромъ на другой день, 25-ть человѣкъ было отряжено съ топорами, очистить мѣсто на берегу, противъ стоянки корабля. Потомъ занялись постройкою сарая, 14 футовъ въ ширину, 45 футовъ въ длину и 35-ть въ вышину. Работа, казалось, восхищаетъ дикарей. Съ изумленіемъ и удивленіемъ смотрѣли они на быстроту, съ какою рубили Европейцы деревья. Морелль приказалъ еще очистить небольшой участокъ земли и засѣять его полезными сѣмянами, стараясь изъяснить дикарямъ, на какую потребность могли они употреблять потомъ плоды засѣваемаго.

Пока продолжались такія, истинно филантропическія занятія капитана, одинъ дикарь подошелъ къ нему, взялъ его за руку съ изъявленіемъ благодарности, и старался показать, что онъ понимаетъ въ чемъ заключается мысль работы; физіогномія этого дикаря выражала въ одно время смышленость и характеръ сильный. Въ послѣдствіи узнали, что имя его *Геннинъ*, и что онъ принадлежалъ къ числу старшинъ острова. Неронъ, старшина сильнѣе его, почитался царемъ всей купы. Случайно, въ слѣдствіе необыкновенной поѣздки, Американцы встрѣтили его здѣсь, потому, что обыкновенное мѣсто пребыванія Нерона находи-

лось на самомъ большомъ островѣ, лежащемъ гораздо далѣе на югъ. Когда посѣвъ былъ конченъ, Геннинъ окружилъ маленькое поле огорожею. Узнавши въ свой чередъ о томъ, что посѣтители сдѣлали для умноженія земледѣльческихъ произведеній его царства, Неронъ казался восхищеннымъ, обратился къ своимъ подданнымъ и изъяснялъ имъ благодѣтельныя предпріятія капитана. Дикари отвѣчали радостными восклицаніями.

На слѣдующій день, Морелль сошелъ на берегъ съ 28-ю человѣками. Переправили на землю оружейника и кузницу, для желѣзныхъ подѣлокъ. Дикари съ радостью приняли участіе въ работѣ; они помогали покрывать кровлю сарая кокосовыми листьями. Когда кузница начала дѣйствовать, дикари находились въ полномъ очарованіи. До сихъ поръ сношенія шли какъ нельзя лучше, но видъ этихъ чудесъ увлекъ дикарей въ желаніе присвоить ихъ себѣ. Сначала украли кой-какія незначительныя бездѣлки, и едва оружейникъ отошелъ отъ мѣста работы, въ одно мгновеніе всю кузницу растащили по частямъ. Но Морелль началъ жаловаться; Неронъ чрезвычайно разсердился на воровъ, и принудилъ ихъ возвратить всю покражу.

Послѣ сего, капитанъ пригласилъ дикихъ начальниковъ плыть къ нему на корабль. Неронъ согласился. Геннинъ отказался подъ какимъ-то предлогомъ. Угостивши своихъ гостей, сколько могъ лучше, Морелль воротился на берегъ, и узналъ, что воровство начато снова, и Геннинъ оказы-

ваешся явнымъ его участникомъ. Опять обратились къ Нерону, но на сей разъ, не только неоскорбляясь поступками дикарей, Царь изъявилъ, напротивъ, великое негодованіе на жалобщиковъ, и сказалъ, что нехочетъ мѣшаться не въ свое дѣло. Начали толковать съ Геннином, и услышали отъ него одинаковый отвѣтъ.

Морелль думалъ, что смѣлый поступокъ заставитъ дикарей въ самомъ началѣ прекратить покушеніе на непріязненные поступки. Съ шестью, хорошо вооруженными матрозами, пошелъ онъ прямо къ селенію Геннина, съ намѣреніемъ захватить этого вѣроломца, и волею, либо неволею, заставить его отдать украденныя вещи. Но какъ изумился онъ, когда вышедши изъ прибрежнаго лѣса, вдругъ увидѣлъ передъ собою двѣсти воиновъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, и вымазанныхъ красною краскою, признакомъ готовности на битву! Оборотясь назадъ, замѣтили за собою неменѣе многочисленную толпу дикарей. Такимъ образомъ Американцы попались въ западню, и увидѣли себя отвсюду окруженными. Быстро одушевленный отчаянною мыслью, Морелль (здѣсь передаемъ мы разсказъ его, неутверждая и неопровергая его достовѣрности) пошелъ прямо къ Нерону, послѣдуемый двумя матрозами, схватилъ его, приставилъ пистолетъ къ его горлу, а два сопутника капитана подняли сабли надъ головою старшины, вовсе неготоваго къ защитѣ. При видѣ опасности, какой подвергался властитель, дикари бросили свои луки и стрѣлы, и позволили маленькому от-

ряду Морелля спокойно идти къ берегу, ведя плѣннаго царя, и несмотря на то, что тутъ было шестеро противъ нѣсколькихъ сотенъ. Нерона одарили послѣ того подарками, обласкали его, и казалось, онъ забылъ все непріятное происшествіе.

На другой день, 28-го Мая, двадцать человѣкъ, подъ начальствомъ офицеровъ Валласа и Вилея, продолжали строить сарай. По прежнему ласкаемые и даримые, туземные старшины, по видимому, отказались тогда отъ всякаго возобновленія ссоры и непріязни. Часть экипажа на берегу занялась приготовленіемъ припанговъ. До половины втораго часа все шло прекрасно, но тутъ услышали раздавшійся на берегу военный крикъ дикарей. Морелль былъ въ то время на кораблѣ. Предвидя бѣду, онъ велѣлъ выстрѣлить ядромъ изъ пушки, чтобы по крайней мѣрѣ, предостеречь своихъ людей на берегу. Но было уже поздно. Дикари, въ боевомъ порядкѣ, отрѣзали имъ дорогу. Двое Американцовъ пали подъ ударами, и отъ первой тучи стрѣлъ свалились еще трое, а всѣ остальные были переранены. Шлюпка бросилась отъ корабля, но пока плыла она къ берегу, множество жертвъ устлали поле неравной битвы. Приставши къ землѣ, успѣли спасти только шестерыхъ товарищей, а четырнадцать человѣкъ были уже убиты или увлечены дикарями. Прибытіе помощи придало силы остальнымъ; соединенный залпъ обезопасилъ ихъ. Семеро матрозовъ были взяты въ шлюпку, поспѣшно поплывшую къ кораблю. Множество дикарскихъ лодокъ пустились въ погоню,

но залпъ картечью изъ корабельныхъ пушекъ заставилъ преслѣдователей остановиться. Двѣ лодки расщепало въ куски, остальныя бѣжали. Оставшись теперь побѣдителемъ, Морелль видѣлъ себя въ плачевномъ состояніи. Только одиннадцать человѣкъ изъ остальнаго экипажа были въ состояніи сражаться, а между тѣмъ совсѣхъ сторонъ стали появляться кучами лодки вооруженныхъ дикарей.

Вѣтеръ съ востока избавилъ Американскаго капитана отъ его опаснаго положенія. Морелль сказываетъ, что задержанный потомъ безвѣтріемъ, онъ съ горестью видѣлъ, въ зрительную трубу, какъ рѣзали, жарили и пожирали трупы несчастныхъ его сопутниковъ, споря за добычу и раздѣляя ее на участки. Правда или нѣтъ это обстоятельство, но Морелль назвалъ пагубные для него острова *островами Побіенія*, а мѣсто своей стоянки близъ нихъ означилъ подъ 4° 50′ южной шир. и 153° 50′ долг. восточной (что явно невѣрно). Четырнадцать человѣкъ, убитыхъ или плѣнныхъ, киполовка, боченки, много оружія и снарядовъ, снастей, желѣзная цѣпь, якорь, остались на берегу отъ корабля Американскаго.

Остановясь въ Манилла, дополнивъ все утраченное, набравъ новый экипажъ, прибавивъ къ старому 66-ть человѣкъ, Морелль снова отправился къ островамъ Побіенія, сколько для того, чтобы свѣдать объ участи своихъ спутниковъ, изъ коихъ иные могли быть въ живыхъ, столько и для того, чтобы опять приняться за ловлю трипанговъ, превос-

ходящихъ добротою всѣ, какіе были до того времени извѣстны.

Сентября 14-го Морелль опять достигъ купы, и по прежнему остановился противъ селенія, гдѣ узналъ Нерона и Геннина. Наканунѣ вечеромъ видѣли уже, что дикари замѣтили знакомый корабль, и со всѣхъ сторонъ начали собираться, полагая, что легко добудутъ бѣднаго Морелля и всѣ его сокровища, при слабости остальнаго экипажа, неспособнаго защищаться. Морелль ждалъ негодяевъ. Едва флотъ дикарей пришелъ поближе и пуча стрѣлъ полетѣла на корабль, корабль вспыхнулъ огнемъ во весь бортъ и грянулъ картечью. Изумленные и испуганные непріятели бросились бѣжать, а капитанъ направилъ убійственный огонь по селенію, находившемуся на берегу. Отъ цѣпныхъ ядеръ и картечь щепьемъ полетѣли жилища осипровитянъ.

Вскорѣ небольшая лодка отдѣлилась отъ берега. Въ ней сидѣлъ человѣкъ, вымазанный краскою, и правилъ лодку пагаемъ, съ необыкновеннымъ усиліемъ. Огонь на время прекратили. Лодка подошла къ кораблю, и когда опросили ее, жалобный голосъ отвѣчалъ: «Это я, старый вашъ Шау, возвращаюсь къ вамъ!» Невозможно изобразить радости, какую изъявилъ послѣ сего весь экипажъ корабля. Окружили Шау, забросали его вопросами. Онъ разсказалъ всѣ претерпѣнныя имъ скорби и страданія. Подробности разсказа были ужасны. Капитанъ едва могъ упишить кликъ мщенія и ярости, ими возбужденный.

На другой день дикари явились съ покорностью. Они показывали сильное раскаяніе, и обѣщали впредь честность и пріязнь. Съ Геннином̀ъ заключили торгъ на уступку маленькаго островка, гдѣ хотѣли устроить пригошовку шрипанговъ. За островъ заплатили ножами и разными вещами, переданными Геннину. Шау служилъ переводчикомъ.

Едва шолько кончили договоръ, 70-шъ человѣкъ утвердились на осшровкѣ, кошорый наименовали островомъ *Валласа*. Срубили вершины двухъ огромныхъ деревъ и устроили на нихъ площадку, съ крышею, гдѣ человѣкъ 50 могло укрыться отъ непогоды и нападенія дикарей. Туда-же всшащили четыре небольшія пушки, и на эшой обсерваторіи учредили посшоянную стражу изъ 16-ши лучшихъ машрозовъ, вооруженныхъ мушкешами. Въ воздушную эту крѣпосшь можно было взобрашься шолько по лѣсшницѣ, которую убирали послѣ шого. Подъ защишою сего маленькаго укрѣпленія, повелѣвавшаго прибрежьемъ и моремъ, 80-шъ человѣкъ работали ежедневно, очищая пространство, шуазовъ около сошни, на кошоромъ посшроили сарай, длиною въ 140 фушовъ, вышиною въ 23 и шириною въ 35, для пригошовленія шрипанговъ. Нѣсколько дней спокойсшвіе небыло возмущаемо.

Но 19-го ушромъ, около 50-ши дикарскихъ лодокъ появилось близъ береговъ осшрова. Шау говорилъ, чшо эшо дикари съ сосѣднихъ осшрововъ, и чшо появленіе ихъ подозришельно. Морелль удвоилъ предосшорожносши. Никому непозволялось шеперь ходить по прежнему по берегу. Люди

сидѣли въ своемъ укрѣпленіи. Около восьми часовъ утра Геннинъ показался на краю мѣлей, съ плодами, какъ обыкновенно это дѣлалъ, но никто не шелъ принимать его подарки. Тутъ старшина осмѣлился идти на островъ Валласъ, чего никогда недѣлывалъ онъ прежде. Мгновенно, всѣ дикарскія лодки устремились туда, и при первомъ военномъ кликѣ людей, въ нихъ бывшихъ, послышался отвѣтный вопль двухъ сотъ дикарей, которые пролежали всю ночь въ кустарникахъ острова. При такомъ знакѣ битвы, туча стрѣлъ осыпала бока и крышу крѣпостцы. Дикарямъ отвѣчали картечью, такъ ловко и мѣтко, что дикари думали уже о томъ только, какъ-бы убѣжать и унести раненыхъ. Множество непріятелей долженствовали быть ранены жестоко. Изъ Американцовъ только двое слегка были задѣты стрѣлами.

На другой день, Геннинъ, какъ будто наканунѣ ничего непроисходило, опять явился на краю мѣлей. Но Морелль зналъ уже все вѣроломство дикарей, и послалъботъ съ приказаніемъ — стрѣлять, при малѣйшемъ подозрѣніи въ измѣнѣ. Приказъ вѣрно исполнили. Едва Геннинъ натянулъ свой лукъ, матрозъ съ бота положилъ его выстрѣломъ на мѣстѣ. При видѣ смерти начальника, вся флотилія дикарей бросилась въ бой; завязалась стычка, и могла быть пагубною посланнымъ на ботѣ, еслибы Морелль неотправилъ на помощь шлюпокъ. Дикари побѣжали, увозя съ собою вѣроломнаго старшину, который умеръ прежде нежели успѣлъ добраться до берега.

Смерть Геннина такъ испугала дикарей, что они совершенно оставили свою родину, и всѣ уплыли на сосѣдніе острова. Американцы ходили повсюду и невстрѣтили ни одного человѣка. Передъ хижиною Геннина увидѣли они пять череповъ своихъ несчастныхъ товарищей, висящихъ въ знакъ побѣды, и погребеніемъ отдали послѣдній долгъ этимъ плачевнымъ останкамъ.

Потомъ опять принялись за работы и продолжили ихъ цѣлый мѣсяцъ, несмотря на малыя, отдѣльныя нападенія дикарей.

Нападенія эти однакожъ такъ надоѣдали и превожили, что отчаясь добыть полный грузъ при упорной непріязни туземцовъ, угрожаемый притомъ недостаткомъ припасовъ, Морелль рѣшился оставить купу Побіенія, съ 200 пикулями пряностовъ, въ 133 фунта каждый. Зажгли сарай и укрѣпленіе, и Ноября 3-го Американскій корабль отправился въ море, правя къ востоку. На другой день, Морелль былъ подлѣ сѣвернаго мыса острова Бука, жители коего показались ему, во всѣхъ отношеніяхъ, совершенно сходны съ дикарями купы Побіенія. Только лодки ихъ были огромнѣе и шли скорѣе, управляемые экипажами отъ 15-ти до 45 человѣкъ, смотря по величинѣ помѣщенія.

Изъ всего повѣствованія Мореллева остается разсказать только приключенія бѣднаго матроса Шау, неручаясь за достовѣрность явныхъ преувеличеній этого разсказа.

Шау бѣжалъ въ лѣсъ, когда всѣ товарищи его пали подъ дубинами дикарей. Но скоро убійцы за-

мѣшили его бѣгство. Одинъ изъ дикарей догналъ его. Несчастный прицѣлился въ него топоромъ, прислонясь къ дереву, и этимъ успѣлъ испугать преслѣдователя и спастись въ чащѣ лѣса. Ночью повлекся онъ къ берегу, и—судите объ его скорби, когда бѣднякъ увидѣлъ, что корабль уже удалился. Первымъ движеніемъ его было идти и самовольно отдаться дикарямъ въ плѣнъ. Онъ пошелъ за этимъ къ ихъ жилищамъ, и увидѣлъ ихъ занятыхъ—чѣмъ-бы вы думали? — Они пластали и жрали убитыхъ Европейцовъ! Зрѣлище было невыносимо. Шау опять убѣжалъ въ лѣсъ, и двѣ недѣли жилъ тамъ, питаясь ракушками и жестоко страдая отъ тогдашней дождливой погоды.

Наконецъ, одинъ дикарь замѣтилъ бѣднаго Американца, встревожилъ другихъ, Шау отыскали и схватили. На колѣняхъ, протягивая руки униженно, просилъ онъ помилованія. Одинъ изъ старшинъ, казалось, готовъ былъ на то согласиться, но какой-то изъ предстоящихъ дикарей такъ сильно ударилъ плѣнника по головѣ дубиною, что Шау повалился безъ чувствъ. Уже черезъ нѣсколько часовъ опомнился онъ, съ проломленною головою. По знаку, какой сдѣлалъ онъ одному старшинѣ, предлагая себя въ невольники, дали ему жизнь. Господинъ Шау перевязалъ ему рану на головѣ и залилъ ее горячею водою, оставляя воду, пока она простыла; потомъ засыпалъ онъ рану пепломъ и оставилъ страдальца успокоиться.

Вылечившись, Шау долженъ былъ работать для своего господина, дѣлая ему маленькіе ножики же-

лѣзомъ, которое взяли изъ Американской постройки на берегу. Среди такого занятія мучили его злые дикаренки, для которыхъ онъ былъ забавою и потѣхою. Когда ножики были всѣ сдѣланы, Шау перевезли на другой островъ, гдѣ жилъ царь всей купы, до котораго дошелъ онъ истерзавши ноги свои о кораллы. Представленный дикому властителю, Шау принужденъ былъ кланяться, цѣловать ему руки и ноги, послѣ чего его дикое величіе приказалъ отправиться плѣннику въ его жилище. Несчастный едва могъ держаться на ногахъ. Его утащили въ лодку. Страдалецъ злобныхъ людоѣдовъ, Шау былъ терзаемъ дѣтьми неменѣе—ему щипали они бороду по волоску, и неоставили его спокойнымъ, пока успѣлъ онъ кое-какъ выбриться острою раковиною. Еще тяжкая пытка — голодъ мучилъ бѣднаго матроза, и онъ умеръ-бы отъ голода, если-бы неловилъ и неѣлъ крысъ, но и это долженъ онъ былъ дѣлать потихоньку, ибо крысы предоставлялись столу старшинъ.

Несмотря на всѣ такія мученія и скорби, Шау оставался живъ. Понемногу успѣлъ онъ очистить рану на головѣ отъ набитаго въ нее пеплу, и совершенно заживилъ ее. Но жизнь его была только отсрочкою бѣдственной смерти. За восемь дней до появленія вновь корабля, Шау опредѣлено было изжарить и съѣсть. Ждали только царя на мѣстѣ праздника. Жертва была уже готова. Шау связали и приволокли на то мѣсто, гдѣ товарищи его были раздѣлены и съѣдены. Дубина была уже под-

няпа надъ его головою. Но царь непришелъ въ собраніе и пиръ отсрочили до другаго дня.

Во время этой отсрочки вторично явился Морелль. Едва увидѣли дикари Американскій корабль, какъ бросились къ хижинѣ Шау. Онъ хошѣлъ сначала ихъ увѣрять, что корабль этотъ не Морелевъ, но дикари тотчасъ увѣрились въ противномъ. Всякое запирательство было безполезно. Настала ночь — ужасная для несчастнаго Американца по неизвѣстности будущаго! Съ появленіемъ дня, дикари напали на корабль и были отпотчиваны жестоко. Въ ужасѣ прибѣжали они теперь къ Шау, и просили его быть переговорщикомъ съ земляками. Онъ сначала отпѣкивался, боясь нескрывается-ли тутъ хитрость, и объявилъ, что нехочетъ оставить почтенныхъ дикарей и добраго своего господина, съ которымъ радъ прожить цѣлый вѣкъ, нежелая идти на корабль. Дикари повѣрили его ласковымъ словамъ, просили заступиться за нихъ, и Шау былъ избавленъ.

Таковы приключенія Американскаго матроза, уцѣлѣвшаго на островѣ, обитаемомъ свирѣпыми людоѣдами. Скажемъ объ нѣкоторыхъ подробностяхъ, какія передаютъ намъ Морелль и Шау, касательно жителей острова Побіенія.

Островитяне вообще великорослы, складны, сильны и ловки. Кожа ихъ, гладкая и мягкая на осязаніе, нестоль черна какъ кожа Малгашей. Волосы у нихъ слегка курчавы, но шелковисты и мягки; глаза большіе, черные, блестящіе; лбы вы-

пуклые, носы стройные, губы средней толщины, зубы бѣлые и хорошо расположены. Когда радость, или удовольствіе, несмягчаютъ выраженія чертъ, физіогномія дикарей выражаетъ свирѣпость, смѣшанную съ смѣлостью. Татуажъ, которымъ покрыто все тѣло ихъ, усиливаетъ еще этотъ характеръ грозной дикости. Женщины также великорослы, черны, складны, какъ и мужчины, съ маленькими круглыми лицами, большими черными глазами, и походятъ нѣсколько на кварперонныхъ Мулапрокъ.

Все одѣяніе обоихъ половъ состоитъ, иногда въ передникѣ, сплетенномъ изъ кокосовыхъ волоконъ, но чаще мужчины и женщины ходятъ нагіе, надѣвая только разныя украшенія, какъ-то: перья, раковины, кости, рыбьи зубы, которыми покрываютъ себѣ носъ, глаза, шею, уши, руки, грудь, ноги. Начальники отличаются вѣнцами изъ красныхъ перьевъ, которыя вздѣваютъ на голову. Обращенныя къ низу и развѣшенныя на груди, эти перяныя гирлянды считаются также за щегольское украшеніе.

Оружіе дикарей составляютъ луки, стрѣлы и дубины. Луки, футовъ по семи длиною, бываютъ изъ кокосоваго дерева, легкіе, крѣпкіе и гибкіе. Кора того-же дерева служитъ для составленія шершивы, а стрѣлы дѣлаются изъ маленькихъ тростинокъ, растущихъ на одномъ изъ острововъ купы. Стрѣлы эти футовъ по пяти, съ остреемъ изъ весьма крѣпкаго дерева. Копья, по 15-ти фу-

шовъ длиною, изъ того-же дерева, какъ и луки. Оканчиваясь остреемъ съ каждаго конца, и вышлифованные, какъ будто сдѣланы изъ гебеноваго дерева, въ срединѣ украшены они бываютъ искусною рѣзьбою. Дубины, изъ того-же дерева, фута по четыре длиною, съ одной стороны одного конца плоски, на 5 дюймовъ шириною, а съ другихъ остры. Другой конецъ, составляющій рукоять, округленъ и снабженъ шишкою, на которой изваяна голова дикаря. Боевые топоры по восьми футовъ длиною; одинъ конецъ служитъ рукояткой, а другой, величиною въ кокосовый орѣхъ, украшается фигурой воина, татуированнаго и готоваго биться.

Лодки островитянъ, изъ весьма легкаго дерева, выдалбливаются изъ одного цѣльнаго куска, или колоды, футовъ 20-ть въ длину, 12-ть въ ширину, два въ глубину. Весла, изъ того-же дерева, изъ котораго оружіе, по 4 фута въ длину и 6 дюймовъ шириною въ широкомъ концѣ.

Вся купа острововъ повинуется одному начальнику, самовластительному; но каждый островъ имѣетъ кромѣ того своего особеннаго старшину, съ другими низшими начальниками. Шау немогъ открыть между дикарями никакого признака религіи, и ничего, что походило-бы на вѣрованіе въ какое нибудь высшее существо.—Старшинамъ свободно позволяется многоженство, но у большей части дикарей бываетъ по одной женѣ. Дикарки кажутся скромны и осторожны въ поведеніи, и можетъ быть, столько-же отъ страха, сколько и

ошъ добродѣтели, ибо мужья безжалостно убиваютъ ихъ, при первомъ подозрѣніи въ невѣрности. Шау сказываетъ еще что-то нелѣпое, будто дикари, кромѣ старшинъ, убиваютъ всѣхъ своихъ дѣтей. — Хижины острововитянъ строятся самымъ простымъ образомъ, состоя изъ бамбуковой клѣтки, съ крышею изъ кокосовыхъ листьевъ.

ГЛАВА LXXXII.

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ, НОВАЯ БРИТАНІЯ И ОКРЕСТНЫЕ ОСТРОВА.

Остановясь въ портѣ Картеретовомъ, Пендлетонъ хотѣлъ только дополнить истощившійся запасъ воды и дровъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ остановка здѣсь была безполезною, ибо ни одна изъ Океанійскихъ земель непредставляетъ менѣе здѣшней средствъ къ запасамъ. Вопреки своему имени, *Кокосовый* островъ неможетъ доставить ни одного орѣха кокосоваго. Самая рыбная ловля здѣсь трудна и неудобна, ибо коралловое дно моря деретъ сѣти. Остаётся одна охота, но голубей, вяхирей и лори трудно стрѣлять на вершинахъ высокихъ деревьевъ, хотя ихъ здѣсь и весьма много. Впрочемъ, по всей прибрежности Картеретова порта идетъ стѣна утесовъ, заграждающая доступъ на берегъ. Съ прудомъ можно пробраться на полъ-льё во внутренность земли со стороны агвады, идя вдоль прошока воды. Островъ Кокосовый доступнѣе, но на немъ неводится дичи.

Вотъ по всему-то этому, разъ прогулявшись по здѣшней неблагодарной землѣ, я кончилъ дѣло съ портомъ Картеретовымъ. Гавань Праслена обѣщала болѣе работы моему любопытству, и я сталъ говорить объ этомъ Пендлетону. « Поѣдемъ вмѣстѣ, » отвѣчалъ мнѣ добрый капитанъ — « мнѣ самому хочется осмотрѣть тамошнія мѣста, и я приказалъ готовить большую шлюпку. »

Въ самомъ дѣлѣ, мы отправились на слѣдующее утро, и при пособіи прекраснаго вѣтерка, въ 8-мь часовъ были уже на берегу западнаго мыса маленькаго острова *Ламбома* (Бугенвилевъ *островъ Молотковъ*). Послѣ умѣреннаго завтрака подъ тѣнью калофилла, далеко на волны морскія раскидывавшаго тѣнь свою, начали мы искать на мѣляхъ тѣхъ драгоцѣнныхъ раковинъ, по которымъ Бугенвиль далъ имя островку. Поиски наши были тщетны, и одинъ изъ нашихъ матрозовъ былъ притомъ уязвленъ какою-то гадиною, которой немогли мы отыскать. Рана быстро загноилась, и нѣсколько дней причиняла жестокую боль, но неимѣла несчастныхъ послѣдствій.

За проливомъ, отдѣляющимъ Ламбомъ отъ зеленѣющаго острова Латао, мы ступили уже на западное прибрежье гавани Праслена. Крикъ: « Дикари, дикари! » раздался, когда мы плыли вдоль берега. Я смотрѣлъ и увидѣлъ большую лодку, вытащенную на берегъ въ глуби залива, около которой бродило нѣсколько туземцовъ. Мы тотчасъ приготовили наши ружья и приняли мѣры къ оборонѣ, надѣясь однакожъ, что сношенія наши оста-

нупся мирны. Никакое непріятное приключеніе съ нашими предшественниками незаставляло насъ бояться дикарей здѣшнихъ. Мореплаватели, бывшіе на *Раковинѣ,* жили съ ними весьма дружески. Такъ обошлось дѣло и съ нами. Дикари подошли къ намъ съ дружескимъ и довѣрчивымъ видомъ, и видъ нашего оружія, казалось, непричинялъ имъ ни малѣйшаго страха.

Послѣ нѣкоторыхъ распоряженій, какихъ требовала благоразумная предосторожность, Пендлетонъ вышелъ на берегъ въ троемъ. Я сопровождалъ его. Мы дали знакъ дикарямъ, что хотимъ осмотрѣть водопадъ, и двое изъ нихъ повели насъ туда. Бугенвиль слишкомъ преувеличилъ великолѣпіе здѣшняго водопада. Это просто потокъ, довольно широкій, падающій вдоль мадрепороваго утеса, съ высоты 40-50 футовъ. Отроги утеса и углы раздѣляютъ паденіе воды на множество маленькихъ потоковъ и бассеиновъ, разнообразящихъ игру воды, и зрѣлище является прекрасно, особливо когда солнце одѣваетъ всю эту серебристую скатерть ослѣпительнымъ блескомъ и играетъ въ ней всѣми цвѣтами радуги. Версальскіе и Сенъ-Клудскіе фонтаны могутъ дать довольно вѣрное понятіе о каскадахъ порта Прасленскаго. Только въ дождливое время года здѣшній водопадъ долженъ значительно увеличиваться, и вѣроятно, въ это время видѣлъ его Бугенвиль.

Отлично отъ порта Картерета, внутренній берегъ Прасленовой гавани представляетъ болотистую землю, съ множествомъ прекрасныхъ де-

ревьевъ и тучною зеленью. Поочередно влажный и палящій, климатъ помогаетъ поддерживаться здѣшнему могучему произрастанію. Инокарпы достигаютъ здѣсь до высоты удивительной, при чемъ стволъ ихъ дѣлится на множество вѣтвей, иногда простирающихся на 5 и на 6-ть футовъ отъ ихъ средняго основанія, и это образуетъ родъ бесѣдокъ кругомъ главнаго пня. Замѣтны здѣсь также родъ арека, съ длиннымъ стволомъ, множество *циковъ*, *каріотовъ* и колючихъ пандановъ. Вязанки ліановъ, спускаясь фестонами по всему лѣсу, какъ будто образуютъ изъ него декорацію.

Птицы предпочитаютъ гавань Праслена Картеретову порту. Тутъ слышите жалобное воркованье различныхъ родовъ голубей, крики разныхъ лори и попугаевъ, кукушекъ, зимородковъ, дроновъ, *стурновъ*, ласточекъ, мухоловокъ и маленькихъ суи-мановъ; всѣ они, болѣе или менѣе, замѣчательны по своимъ перьямъ и своимъ формамъ. Но изъ всѣхъ наиболѣе отличается родъ вороны, которой крикъ до того походитъ на лай собаки, что можно ошибиться. Великолѣпныя бабочки летаютъ среди здѣшнихъ обширныхъ лѣсовъ; прекраснѣйшія изъ нихъ суть: блестящій *пріамъ*, полетомъ своимъ похожій на маленькую птичку; *терать* перепархивающій по листамъ нисшихъ растеній; наконецъ, *трикондила*, медленно ползающая по стволамъ баррингтоніи и калофилла. Кузнечикъ напѣваетъ свою пѣсню подлѣ птичекъ; фазмы населяютъ вѣтви нѣкоторыхъ растеній, а огромные муравьи напоминаютъ о себѣ больно кусаясь.

На берегу отдыхаетъ вьюнъ (blennie), прыгунъ Коммерсоновъ, двуспинхійное животное, прыгающее изъ воды, какъ лягушка; иногда оно вскарабкивается даже на вѣтви растеній, и при первомъ шумѣ снова кидается въ воду.

Послѣ часовой прогулки воротились мы на приморье, гдѣ дѣло шло, какъ нельзя лучше. Нѣсколько оружія и нѣсколько браслетовъ было обмѣнено на гвозди и другія бездѣлки. Дикари уступили намъ разную рыбу, которую добыли своими остроконечными трезубцами. Они вообще казались малорослы, слабы, некрасивой физіогноміи и породы самой жалкой. Цвѣтъ кожи ихъ былъ весьма различенъ. Одни были очевидно черные Меланезцы, но другіе нисколь темны, и одинъ изъ дикарей, по цвѣту и виду, неразличался отъ племенъ Полинезійскихъ. Всѣ являлись совершенно нагіе, съ напудренными и на двадцать разныхъ манеровъ убранными головами, съ запястьями изъ раковинъ и разными украшеніями изъ чешуи и кусочковъ дерева. Внѣшность туземцовъ показывала болѣе робость, нежели свирѣпство. Они приняли насъ самымъ ласковымъ образомъ, и непребуя ничего предложили намъ таро и иньямовъ. Но что-то недовѣрчивое изобразилось въ ихъ чертахъ, когда спросили мы ихъ о мѣстѣ жительства. Одинъ изъ дикарей, открытѣе другихъ, произнесъ было слова: *Лики-лики*, и рукою указалъ на другой край острова, но товарищи остановили его и воспрепятствовали продолжать далѣе разсказы. Казалось, мало заботились они о томъ, чтобы мы посѣтили ихъ въ жилищахъ,

и мы ненастояли въ этомъ; но за то, указывая на мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ корабль, приглашали мы нашихъ пріятелей привезти къ намъ припасовъ. Они отвѣчали знаками, что немогутъ пускаться на такое разстояніе, опасаясь своихъ непріятелей.

Около полудня шлюпка оставила гавань Праслену, и черезъ нѣсколько часовъ потомъ, мы были уже въ гавани *Англичанъ*, превосходномъ мѣстѣ для стоянки, гдѣ совершенно безопасно могутъ останавливаться самые большіе корабли. Въ этотъ заливъ изливается великолѣпная рѣка, и двѣ, три оставленныя хижины свидѣтельствовали, что пуземцы иногда посѣщаютъ здѣшній берегъ. За гаванью Англичанъ сшало насъ сбивать теченіе, и для прибытія къ кораблю мы принуждены были идти на греблѣ. Для извѣщенія нашего, каждые полчаса съ корабля спрѣляли изъ пушки.

Вѣроятно, эти выстрѣлы доставили намъ на другой день честь визита дикарей, въ двухъ лодкахъ; въ одной было пятеро, въ другой семеро. Посѣтители казались еще безобразнѣе жителей порта Праслена, бѣдные, нагіе, но неменѣе вчерашнихъ дикарей недовѣрчивые. Они несоглашались, ни взойдти къ намъ на корабль, ни указать свои жилища. Привезенные ими запасы состояли въ плохомъ таро, сыромъ и полу-испеченномъ. Лодки дикарей были легкой и красивой постройки. Черезъ часъ или два, смирно проведенные подлѣ корабля, дикари пустились въ море, и вышли на берегъ на другой сторонѣ залива.

Еще разъ до отъѣзда отправился я на островъ Кокосовый, собрать какихъ нибудь раковинъ. Ни одинъ дикарь мнѣ невстрѣтился, но за то, обходя сѣверный мысъ, лицомъ къ лицу попалъ я на огромнаго каймана, съ выпученными глазами, съ чешуйчатою кожею. Непривыкши къ такимъ встрѣчамъ, я хотѣлъ было броситься назадъ, но чудовище, робѣя больше моего, кинулось въ море и тамъ пропало. Слѣдовательно, это пресмыкающееся водится въ Новой Ирландіи, и нельзя почесть невозможностью, что отсюда пробралось оно къ востоку, и отъ острова до острова перешло даже до Виппи.

Наша Океанія пустилась снова въ путь 9-го Іюля, и задерживаемая теченіемъ и вѣтромъ, прошла въ нѣсколькихъ туазахъ разстоянія отъ С. мыса Кокосоваго острова, выплыла въ море, и направилась на С. С. В. вдоль пролива св. Георгія. Однообразный по всему своему протяженію, берегъ Новой Ирландіи тянется длинною, высокою цѣпью горъ, покрытою непроницаемыми лѣсами. Земля Новой Британіи, показываясь въ 7, или 8 льё разстояніемъ, обѣщаетъ болѣе разнообразія, болѣе плодородія, а особливо болѣе населенности, судя по множеству дыма, отвсюду поднимающагося.

Съ приближеніемъ къ островамъ *Амаката*, *Іоркъ* и *Картеретъ*, семь или восемь лодокъ приблизились къ намъ, и въ каждой было по семи и восьми человѣкъ. Мирно обмѣняли они свои орудія и плоды на бездѣлки наши, а особливо на желѣзныя издѣлья, которыми дорожили болѣе всего. По-

слѣдняя лодка получила топоръ, и дикари такъ восхитились этимъ, что удалились быстро, съ радостнымъ крикомъ, какъ будто опасаясь, чтобы мы непотребовали драгоцѣнности обратно. Посѣтители наши совершенно походили на жителей Каршереповой гавани, хотя были здоровѣе и менѣе являли признаковъ проказы на тѣлѣ.

На слѣдующій день, Океанія оставалась еще въ семи, или восьми льё отъ Новой Ирландіи, Амакапа и Новой Британіи. На послѣдней замѣтили мы три горы, которыя Каршерепъ назвалъ Мать и Двѣ дочери. Первая, своею коническою фигурою, обнаженными ребрами и возвышеніемъ среди низкой земли, кажется, показываетъ свое волканическое происхожденіе.

Безвѣтріе, сопровождаемое удушающимъ жаромъ, задержало насъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько дней. Море было такъ гладко, какъ будто въ самомъ затишномъ пруду — обстоятельство, объясняемое формою окружныхъ земель. Длинная и узкая полоса земли, образуемая Новою Ирландіею, заслоняла отъ насъ волны съ В., а Новая Британія загораживала намъ южную сторону. Наконецъ маленькій вѣтерокъ повѣялъ съ ю. в., и повлекъ нашъ корабль. Въ нѣсколькихъ льё разстояніемъ обогнули мы небольшіе острова Портланда, и 13-го завидѣли острова *Адмиралтейства*.

Первый изъ нихъ, появившійся передъ нами, былъ островъ *Вендола*, имѣющій форму круглаго холма. Возвышенныя мѣста его, по видимому, предназна-

чались для содержанія пищательныхъ прозябеній, между тѣмъ какъ прибрежье являло амфитеатръ жилищъ. Издали хижины казались обширны, многочисленны и красивы. Сбѣжавшись на берегъ, дикари дѣлали намъ всяческіе знаки, приглашая насъ пристать къ берегу. Они громко кричали, махали вѣтвями деревьевъ, показывали намъ кокосы и другіе плоды, и бѣжали по берегу, слѣдуя за движеніемъ корабля. Потому явились они на западномъ прибрежьи острововъ въ одно время съ нами.

Тутъ спустили мы на воду китоловку, но несмотря на желаніе Пендлетона переправиться на землю, жестокій прибой заставилъ насъ остановиться на половину кабельтова отъ береговъ. Видя, что мы неможемъ идти сами, дикари бросились къ намъ, одни вплавь, другіе идя по мѣли, всѣ съ крошкимъ и ласковымъ видомъ. Они обмѣняли сначала свои оружія, свои украшенія, плоды, принесенные ими, на незначительныя вещицы, но, подобно жителямъ Новой Ирландіи, всему предпочитали они желѣзо, давая разумѣть, что имъ извѣстны цѣнность его и употребленіе.

Мы замѣтили по нѣкоторымъ случаямъ, что между дикарями есть какой-то родъ правительства. Одинъ изъ старшинъ показалъ намъ власть свою, довольно грознымъ образомъ. Когда дикари смотрѣли на насъ съ камней мѣли, несмѣя пуститься далѣе, туземецъ, отличенный головною повязкою изъ раковинъ, въ родѣ двойной діадемы, приказалъ одному изъ нихъ идти, передать намъ кокосовый орѣхъ и взять ножикъ, предлагаемый нами

въ обмѣнъ. Испуганный дикарь робѣлъ, колебался, и старшина, какъ видно непривычный къ медленности въ исполненіи его приказовъ, началъ такъ жестоко бить бѣдняка палкою по брюху, что тотъ кинулся къ намъ немедленно. Желая наградить страдальца за гнѣвъ начальника, мы дали ему, кромѣ ножа, кусокъ красной ткани и нѣсколько гвоздей, отъ чего битый забылъ о своихъ побояхъ. Такое щедрое великодушіе съ нашей стороны пріобрѣло намъ дружбу дикарей, и вскорѣ наша китоловка была окружена ими.

Мирное расположеніе между нами ненарушалось, и только покушеніе на воровство заставило насъ сдѣлаться поосторожнѣе. Первыя шалости мы пропустили. Дикари ободрились, и тутъ, кто могъ, тотъ старался украсть что нибудь. Непопадалось подъ руку одно, хватались за другое. Одинъ изъ нашихъ пріятелей укралъ ножикъ — мы заставили отдать, но черезъ минуту изчезъ коврикъ съ нашей шлюпки, и когда мы замѣтили пропажу, воръ былъ уже далеко. Нежелая оканчивать ссорой дня, начатаго столь мирно, мы отправились къ кораблю.

Цвѣтъ дикарей, видѣнныхъ нами, небылъ самый черный, хотя волосы у нихъ, какъ у Негровъ, курчавые. Физіогномія ихъ пріятна, а черты лица подходятъ къ Европейскимъ. Безспорно, это одна изъ самыхъ красивыхъ породъ Меланезійскихъ. Земля, ими обитаемая, способствуетъ къ поддержанію ихъ здоровья довольствомъ жизни. Мужчины, совершенно нагіе, закрываютъ только нижнюю

часть живота бѣлыми раковинами, извѣстными подъ именемъ яицъ Леды (oeuf de Léda). Женщины носятъ вокругъ пояса рогожку. Вѣроятно , дикари брѣются посредствомъ острыхъ каменьевъ , ибо они изъясняли знаками одному изъ нашихъ матрозовъ, у котораго замѣтили усы, что надобно выбрить ихъ камешками.

Палка составляетъ, по видимому, главное средство для повиновенія подчиненныхъ начальникамъ. Я сказывалъ уже, какъ одинъ изъ старшинъ доказалъ передъ нами власть свою дубиною. Подобные примѣры неограничились однимъ случаемъ въ глазахъ нашихъ. Впрочемъ , дикари обходились съ нами самымъ дружескимъ образомъ. При разставаньи съ нами они казались опечаленными. Даже дикарки , до того скрывавшіяся за прибрежными кокосами, явились и присоединили къ просьбамъ мужчинъ свои просьбы остаться погостить у нихъ. Казалось , что красавицъ чрезвычайно изумило , когда увидѣли они , что мы неслушаемъ словъ ихъ и убѣжденій.

Въ тотъ-же вечеръ , Океанія обошла маленькіе острова los Reyes , и на слѣдующій день мы были уже на сѣверной сторонѣ большаго острова *Адмиралтейства,* земли гористой и довольно высокой, но окруженной низкими , миловидными и зеленѣющими островами. Вскорѣ флотилія изъ множества лодокъ , и въ каждой отъ 7-ми до 9-ти человѣкъ , приблизилась къ намъ. На каждой находился дикарь, по видимому, начальникъ, управляв-

шій маневрами лодки съ возвышенной площадки. Остановясь туазахъ въ сотнѣ разстояніемъ, дикари привѣтствовали насъ рѣчью, которую произнесъ главный ихъ начальникъ, и изъ которой мы неслыхали ни одного слова. По знакамъ понимали мы, что насъ просятъ идти на берегъ. Мы непрогались съ мѣста, и дикари рѣшились сами подплыть къ кораблю, гдѣ и начали мѣну, какъ было это съ островитянами Вендоло. Посѣтители наши показали даже болѣе уваженія къ праву собственности, нежели ихъ земляки Вендольскіе. Впрочемъ, это было одинакое поколѣніе, тѣ-же нравы, то-же обхожденіе высшихъ съ низшими; такое-же употребленіе палки въ случаѣ неповиновенія видѣли мы здѣсь, какъ и тамъ.

Здѣшнимъ дикарямъ извѣстно уже употребленіе бетеля и арека. У многихъ изъ нихъ носовый хрящъ былъ проколотъ, и въ него продѣта подвѣска изъ двухъ собачьихъ зубовъ, въ двое длиннѣе человѣчьихъ. Около пястей рукъ дикари носятъ запястья, изъ раковинъ, а гибкія кольца продѣты у нихъ въ уши, такъ, что отверзтіе мочки уха дѣлается величины преогромной. Волосы, чернаго цвѣта и курчавые, красятъ они охрою, разведенною на маслѣ, и иные подымаютъ ихъ къ верху повязкою изъ древесной коры. Кожа, самаго чернаго цвѣта, окрашивается краснымъ. Лодки дѣлаютъ дикари изъ цѣльнаго дерева, скрѣпляя ихъ досками; онѣ малы, но красивы и снабжены перевѣсами; быстро плаваютъ онѣ, на парусѣ и на веслахъ.

Вѣтеръ отъ В. Ю. В. установился. Пендлетонъ хотѣлъ выйдти изъ этого архипелага острововъ прежде ночи. При захожденіи солнца, мы обошли въ близкомъ разстояніи послѣдніе утесы, кончащіе острова Адмиралтейства къ З., и едва удалились отъ нихъ, какъ направились къ берегамъ Новой Гвинеи.

Острова, теперь нами оставленные, долгое время были почитаемы протяженіемъ и принадлежностью къ Новой Гвинеѣ. Ихъ смѣшали Тасманъ и Шутенъ, два отличнѣйшіе мореходца XVII-го вѣка. Англичанинъ Дампіеръ первый исправилъ сію погрѣшность, пройдя, въ 1700 году, проливомъ, названнымъ по его имени и отдѣляющимъ Новую Гвинею отъ Новой Британіи. Карпентеръ сдѣлалъ новый шагъ въ мѣстной географіи, открытіемъ пролива св. Георгія, въ 1767 году. Такимъ образомъ изъ одной земли явилось три. Данпиркасто и Дюмонъ-Дюрвиль, изысканіями подробнѣе и вѣрнѣе своихъ предшественниковъ, окончили вѣрный очеркъ этихъ земель.

Новая Британія, открытая въ 1700 году Дампіеромъ, небыла съ тѣхъ поръ посѣщаема. Дампіеръ началъ ея обозрѣніе съ мыса Орфорта, слѣдовалъ частію берега, и 14-го Марта остановился въ заливѣ, довольно глубокомъ, образуемомъ нѣсколькими островками. Онъ назвалъ его гаванью *Монтагю;* шесть лодокъ, человѣками съ сорока дикарей, явились къ кораблю, на разстояніи 4-хъ, или 5 миль отъ берега. Дампіеръ сдѣлалъ имъ знакъ вернушься къ берегу, и какъ дикари неслу-

шались, но выстрѣлили изъ ружья надъ ихъ головами, и это заставило ихъ бѣжать къ берегу поспѣшно. Тутъ встрѣтились три другія лодки, изъ коихъ въ одной было до 40 человѣкъ. Видя себя усиленными, дикари опять воротились къ кораблю, который задержало безвѣтріе. Еще большая и необыкновенной вышины лодка, наполненная народомъ, явилась съ другой стороны. Очевидно, это было разсчитанное нападеніе. Желая разстроить предпріятіе дикарей, Дампіеръ велѣлъ выстрѣлить изъ пушки картечью по двумъ главнымъ лодкамъ; громъ выстрѣла и картечи причинили такой ужасъ, что все ополченіе дикарей разсѣялось. Туземцы вытащили лодки на берегъ, и сами ушли въ свои хижины. Недовольствуясь первымъ показаніемъ своей силы, Дампіеръ вошелъ въ заливъ, выстрѣлилъ по селенію, и остановился потомъ подлѣ небольшой рѣчки, гдѣ хотѣлъ наливаться водою.

Эта работа производилась въ слѣдующіе дни. Пока ее доканчивали, открылось, что у дикарей есть много свиней, иньямовъ и другихъ кореньевъ, годныхъ въ пищу. Дампіеръ думалъ пріобрѣсть ихъ посредствомъ мѣны, но вмѣсто соглашенія на торгъ, дикари только удивлялись топорамъ и ножамъ, которые имъ предлагали. Съ большимъ прудомъ уступили они нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ, передавая ихъ Англичанамъ со всѣми признаками предосторожности и недовѣрчивости. Они простерли свою предосторожность и непріязнь до того, что оборвали всѣ кокосы на

прибрежныхъ деревьяхъ, и спрятали всѣхъ свиней, чтобы ничего недосталось чужеземцамъ.

Дѣла шли такимъ образомъ много дней. Англичане запасались водою и дровами, незаботясь о враждѣ дикарей, и недумая входить съ ними въ сношенія, которыхъ они, по видимому, убѣгали. Но къ концу стоянки былъ учиненъ Англичанами настоящій флибустіерскій поступокъ. Дампіеръ, столь замѣчательный, какъ торговый мореплаватель, какъ естествоиспытатель, и какъ наблюдатель, неумѣлъ поддержать на кораблѣ своемъ той строгой дисциплины, которая всегда должна отличать корабли, принадлежащіе правительству. При семъ случаѣ экипажъ оказался сильнѣе капитана. Противъ его желанія, онъ оказалъ себя настоящими морскими разбойниками. Вотъ какъ Дампіеръ разсказываетъ обстоятельства дѣла.

«На другой день утромъ (19-го Марта), я взялъ обѣ наши шлюпки, чтобы отправиться на агваду, и попытаться, нельзя-ли нашими бездѣлками и желѣзными издѣліями принудить дикарей къ какому нибудь съ нами размѣну. Но я увидѣлъ ихъ исполненными робости и плутовства. Явились мальчишко и два взрослые дикаря; одинъ изъ нихъ, привлеченный нашими знаками, подошелъ къ шлюпкамъ. Ему дали ножикъ, пронизокъ и бутылку. Онъ началъ кричать: «*Кокосъ, кокосъ!* и указалъ намъ на ближнее селеніе, какъ будто хотѣлъ идти туда за кокосами — ушелъ и неворотился. Нѣсколько разъ обманули насъ такимъ образомъ.

Тутъ отправился я къ дикарскимъ хижинамъ, съ восьмью, или девятью матрозами; мы нашли ихъ столь жалкими, что двери въ нихъ даже прицѣплены были на ивовыхъ прутикахъ. Три селенія обошли мы. Дикари убѣжали изъ нихъ и угнали всѣхъ свиней. Я взялъ нѣсколько небольшихъ сѣтокъ, чтобы вознаградить себя за полученное отъ насъ дикарями. При возвращеніи попались намъ двое дикарей. Я показалъ имъ, что̀ мы унесли у нихъ, и кричалъ имъ между тѣмъ: «Кокосъ, кокосъ!» Мнѣ хотѣлось дать имъ знать, что сѣтки взялъ я у нихъ за то, что они обѣщали принести намъ и своими знаками, и повтореніемъ слова: *кокосъ*. Пока прогуливался я такимъ образомъ, матрозы налили водою двѣ бочки и всѣ бывшіе съ ними боченки. Мы возвратились на корабль около часа по полудни, и я увидѣлъ, что всѣ мои офицеры и матрозы изъявляютъ желаніе идти въ заливъ, гдѣ, какъ полагали мы, дикари укрыли своихъ свиней. Мнѣ стоило большаго труда согласиться на общее мнѣніе, ибо я боялся, чтобы моряки мои непоступили съ дикарями слишкомъ сурово. Въ два часа, кстати, пошли такія тучи со стороны острова, что надѣялся я, незаставитъ-ли это отложить предпріятіе, но всѣ упорно просили меня исполнить его; я принужденъ былъ согласиться. Отдавши отправлявшимся на берегъ желѣзныя издѣлія, которыя возилъ съ собою поутру, я особенно подтвердилъ употребить мѣры крошкія, и дѣйствовать осторожно для собственной безопасности. Заливъ, куда плыли теперь, нахо-

дился миляхъ въ двухъ отъ корабля. Едва только отправились наши люди, я привелъ все въ такое положеніе, чтобы немедленно поддержать посланныхъ на случай опасности, и обезопасить ихъ корабельною артиллеріею. Когда наши хотѣли выйдти на берегъ, дикари явились толпою противиться имъ. Они потрясали копьями, и всѣ дѣлали грозныя лица. Нѣкоторые были даже такъ смѣлы, что вошли въ воду, держа въ рукахъ щипы и копья. Напрасно предлагали имъ разныя вещицы и дѣлали дружескіе знаки — все это ни къ чему непослужило и немогло заставить дикарей къ торгу честному и свободному. Но рѣшась непремѣнно достать запасовъ, наши выстрѣлили нѣсколько разъ изъ ружей, для успрашенія наглецовъ. Это подѣйствовало на толпу, которая вся тотчасъ разбѣжалась, за исключеніемъ двухъ, или трехъ дикарей, продолжавшихъ оставаться въ угрожающемъ положеніи еще нѣсколько времени. Наконецъ, самый смѣлый бросилъ щипъ свой и бѣжалъ. Кажется, что его ранили ружейною пулею, и дали ему и другимъ его товарищамъ чувствовать достоинство нашего пороха, хотя ни одинъ изъ дикарей небылъ убитъ, да и небыло у нашихъ намѣренія бить ихъ, а хотѣли только попугать. Наконецъ, наши вышли на берегъ и увидѣли много свиней, весьма ручныхъ, около жилищъ дикарскихъ. Убивши девять штукъ и ранивши гораздо болѣе, наши поспѣшили воротиться, ибо дождь пошелъ, едва съ часъ прошло послѣ ихъ отъѣзда, а я заказывалъ накрѣпко воротиться не-

мѣшкавши, если пойдетъ дождь. Когда возвратились наши на корабль, небо прояснилось, и меня опять стали просить, позволить еще разъ въ этотъ вечеръ побывать тамъ, гдѣ достали свиней. Я согласился, съ тѣмъ чтобы воротиться до наступленія ночи. Тогда было пять часовъ по полудни. Посланные точно воротились къ сумеркамъ, съ восьмью большими, убитыми свиньями, и одною живою, маленькою. Прежде привезенныя были розняты и посолены, но вновь привезенныхъ успѣли мы только выпотрошить, опалить и перекинуть солью. На слѣдующій день послалъ я къ берегу двѣ шлюпки, чтобы еще достать свѣжихъ запасовъ, свиней, или кореньевъ. Но въ теченіе ночи туземцы спрятали всѣ запасы, хотя сами вернулись къ своимъ хижинамъ, и только одинъ изъ нихъ хотѣлъ воспрепятствовать высадкѣ на берегъ. Казалось, что теперь дикари сдѣлались даже гораздо учтивѣе. Одинъ изъ числа ихъ принесъ на берегъ 10, или 12 кокосовъ, и показавши нашимъ, тотчасъ скрылся. Наши нашли въ хижинахъ только сѣти и идоловъ. Они взяли понемногу того и другаго, положили въ маленькую лодку, послали ко мнѣ съ двумя матрозами, а потомъ и сами незамедлили вернуться. Я приказалъ боцману беречь сѣти, пока будемъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно будетъ употребить ихъ, а идоловъ спряталъ у себя. Послѣ полудня отправилъ я лодку въ то мѣсто, гдѣ ее взяли, и въ нее положили мы два топора, два большіе ножа, одинъ съ черенкомъ, шесть ножиковъ, шесть зеркалъ, большую вязку

пронизокъ и четыре бутылки. Вытащивши лодку на берегъ, и расположа всѣ вещи самымъ лучшимъ манеромъ, какъ имъ вздумалось, наши возвратились въ ботикѣ, который провожалъ ихъ для безопасности. »

По разсказу Дампіера, пуземцы убирали головы разноцвѣтными перьями. Ходили они всегда съ копьями въ рукахъ. Женщины закрывались поясомъ изъ листьевъ; ихъ замѣчали носящихъ на головѣ огромныя корзины, наполненныя иньямами.

« Земля въ окрестностяхъ, » говоритъ Дампіеръ, « гориста, наполнена лѣсами, долинами и пріятными ручьями. Почва въ долинахъ глубока и желтовата, но на холмахъ она темно-цвѣтна, неглубока и каменистая, хотя превосходна для насажденій. Деревья здѣсь, вообще, ни очень прямы, ни густы, ни высоки, но кажутся зелены и пріятны для зрѣнія. На нѣкоторыхъ видѣли мы цвѣты, на другихъ ягоды, а на иныхъ большіе и различные плоды, которыхъ никто изъ насъ прежде невидывалъ. Кокосы растутъ очень хорошо, какъ въ ближнихъ къ морю заливахъ, такъ и далѣе на насажденіяхъ. Орѣхи въ нихъ величины посредственной, но молоко и сердцевина густы и вкуса пріятнаго. Мы нашли здѣсь инбирь, *ямъ* (yams), и другіе коренья, годныя для варки, которые понравились экипажу. Незнаю, какіе еще есть здѣсь плоды и коренья, но изъ земныхъ животныхъ видѣли мы только свиней и собакъ. Изъ птицъ, извѣстныхъ намъ, узнали мы голубей, попугаевъ, *cockadores*, и воронъ, такихъ, какія есть въ Англіи. Еще замѣтили мы птицу,

величиною съ дрозда, и многихъ гораздо менѣе. Море и рѣки обилуютъ рыбою ; мы видѣли ее много, но добыли мало, и то были *cavallis*, рыбы съ желтымъ хвостомъ и прыгающіе скаты (raies).

Дампіеръ оставилъ гавань Монтагю 26-го Марта. Черезъ немного дней потомъ открылъ онъ проливъ, носящій его имя, и оставилъ берега Новой Британіи, найдя ихъ, какъ говорилъ онъ, населенными поколѣніемъ Негровъ, сильныхъ и складныхъ, показавшихъ себя смѣлыми и предпріимчивыми во многихъ мѣстахъ.

Картеретъ, въ 1767 году, замѣтилъ только издали восточный берегъ Новой Британіи, но онъ обозначилъ предѣлъ ея къ С., и видѣлъ три особеннаго вида горы, находящіяся близъ сей оконечности.

Въ Іюнѣ 1793 года, Дантркасто прошелъ проливомъ Дампіера, изслѣдовалъ часть западнаго берега Новой Британіи, находилъ его весьма красивымъ на взглядъ, приписывалъ ему многочисленное народонаселеніе, и говорилъ, что онъ покрытъ кокосами и усѣянъ хижинами. Потомъ открылъ онъ много новыхъ острововъ, разной величины, на сѣверномъ протяженіи Новой Британіи, но нигдѣ неимѣлъ сношеній съ жителями. Экипажи кораблей его находились тогда въ самомъ жалкомъ состояніи, и самъ онъ умеръ черезъ нѣсколько дней.

Въ Іюлѣ 1827 года, капитанъ Дюрвиль присталъ къ берегу подлѣ мыса Бутлера, съ намѣреніемъ изслѣдовать землю по всей южной части ея. Но,

лишенный малыхъ якорей, потерянныхъ имъ при Тонга-Табу, встрѣченный дождливымъ временемъ и сильными шквалами, съ величайшимъ трудомъ удалился онъ отъ сего опаснаго прибрежья. Несмотря однакожъ на препятствія, онъ оставался пятнадцать дней на виду земли, и успѣлъ очертить положеніе берега почти на 100 миль протяженія. Утромъ Августа 2-го, при вступленіи въ проливъ Дампіера, Астролябія два раза коснулась неизвѣстныхъ доколѣ коралловыхъ утесовъ. Она могла погибнуть, еслибы неотбило ея волною. Трудамъ Дюрвиля обязаны мы познаніемъ пика *Квой* (Quoy), конусовидной горы, вида величественнаго, подлѣ мыса Орфорта, залива Жакино и многихъ малыхъ острововъ, между прочимъ живописной купы острововъ *Прелестныхъ* (Gracieuses). Изъ изслѣдованій Дюрвиля выходитъ, что Новая Британія образуетъ безпрерывную цѣпь горъ, хотя и очень суживаясь въ иныхъ мѣстахъ. Дюрвиль весьма близко шелъ къ западному мысу острова, такъ, что могъ разглядѣть всѣ дроби его изгибовъ. Вотъ что говоритъ онъ о сей части берега: «Какъ Дампіеру и Данпркасто, эта земля представила намъ видъ восхитительный. Рѣдко даетъ природа странамъ, которыхъ поверхности еще неукрасила рука человѣка, разнообразіе столь пріятное, дѣйствіе перспективы столь красивое и столь разнообразное. Повсюду берегъ здоровый, доступный, омываемый тихими волнами; поверхность по немногу возвышаемая амфитеатромъ въ нѣсколько уступовъ, то оттѣненная мрачными де-

ревьями, то покрытая перелѣсками менѣе высокими, то, наконецъ, съ обширными лугами, желтѣющій цвѣтъ коихъ противопоставитъ болѣе мрачному оттѣнку окружающихъ сіи луга лѣсовъ и рощей. Два острые верха горы Глочестеръ вѣнчаютъ своими величественными громадностями эту веселую сторону, часто скрывая гордыя вершины свои подъ экваторными облаками.»

Общій очеркъ: «Новая Британія» есть островъ, около 95 льё въ длину, отъ В. С. В. къ З. Ю. З., при ширинѣ весьма различной, иногда 36 миль, иногда только 10 и 8-мь, какъ въ заливахъ Жакино и Монтагю. Это, такъ сказать, длинная и узкая цѣпь горъ, возвышенныхъ, изогнутыхъ полудугою, впадина коей повернута къ С. З.—Острые верхи горъ: Мать и Двѣ дочери, Дешана (de Deschamps), Квой и Глочестеръ, отдѣляются отъ гористаго скелета сей земли, и кажется, обличаютъ волканическое свое происхожденіе. Географическіе предѣлы сей земли суть съ двухъ сторонъ: 4° 8′ — 6° 30′ шир. южной; съ другихъ сторонъ: 145° 57′ — 150° 2′ долг. вост. На южномъ берегу маленькіе острова: Южнаго мыса, Росъ и Прелестные, съ нѣсколькими другими, низкими и лѣсистыми, открытыми въ 1827 году капитаномъ Дюрвилемъ. Въ сѣверной сторонѣ, болѣе или менѣе сближаясь къ берегу, суть острова: Виллаумецъ, Рауль, Жиккель, Филицъ, Дюпортайль и Плясунъ (Danseur); нѣкоторые изъ нихъ высоки и довольно пространны. На первомъ, самомъ значительномъ, Французы замѣтили нѣсколько хижинъ, и

деревья покрывали всю землю, отъ прибрежья до самой вершины горъ. — Дантркасто, нашедшій сіи острова въ 1793 году, открылъ, нѣсколько подалѣе къ С. З., еще купу, которую назвалъ онъ островами *Французовъ*, назвавши замѣчательнѣйшіе изъ нихъ островами Заслуги, Делака, Лѣснымъ и Сѣвернымъ. Купа эта образуетъ треугольникъ изъ 30-ти миль въ каждую сторону, и средина ея лежитъ подъ 4° 41′ шир. Ю., 146° 55′ долг. В. — Подлѣ С. В. угла Новой Британіи находится островокъ *Манъ*, открытый въ 1767 году Картеретомъ. Онъ будетъ около 6—7 миль въ окружности, и лежитъ подъ 4° 8′ шир. Ю. и 149° 40′ долг. В.

Островъ Амаката былъ открытъ, въ 1767 году, Картеретомъ, который наименовалъ его *Іоркъ*. Въ 1791 году посѣщалъ его Гунтеръ, въ 1792 году осматривалъ Дантркасто, въ 1823 году Дюперрей. Это высокая, населенная земля, съ доброю пристанью въ С. части ея. Длина отъ С. В. къ Ю. З. 8 миль, ширина 5-ть. Положеніе подъ 4° 10′ шир. Ю. и 150 4′ долг. В. (восточный уголъ).

Новая Ирландія. Голландецъ Шутенъ первый открылъ сей островъ въ 1616 году. Кажется, что онъ обошелъ всю восточную его сторону, нѣсколько разъ имѣя сообщенія съ жителями. При первомъ свиданіи, дикари стали бросать въ корабль Шутеновъ каменья пращами, и имъ принуждены были отвѣчать ружейными выстрѣлами. На ночь остановились близко къ берегу, и дикари плавали вокругъ корабля при лунномъ свѣтѣ. Старались

привлечь ихъ ласковыми словами и подарками, но они оспались нечувствительны ко всѣмъ начинаніямъ дружбы, ибо говоритъ повѣствованіе, «это были люди дикіе и скотоподобные.»

Черезъ нѣсколько дней потомъ, восемь лодокъ поплыли кругомъ корабля. Въ каждой изъ нихъ было по восьми и по десяти человѣкъ, вооруженныхъ *загаями*, камнями, дубинами, деревянными саблями и пращами. Имъ раздали нѣсколько бездѣлокъ и старались имъ дать понятіе, что ожидаютъ отъ нихъ свиней, куриць, кокосовъ и кореньевъ. Вмѣсто отвѣта на сіе требованіе, они стали бросать въ корабль загаи. Имъ отвѣчали пушками. Десять, или двенадцать дикарей было убито; большая и три маленькія лодки потоплены. Шлюпка преслѣдовала побѣжавшихъ; убили еще нѣсколько человѣкъ и захватили въ плѣнъ трехъ, тяжело раненыхъ. Одинъ изъ нихъ умеръ; другимъ перевязали раны, препроводили ихъ на землю, и отдали землякамъ за нѣсколько свиней.

Сіи островитяне, сильные и складные, были черны и съ курчавыми волосами. Почти всѣ ходили нагіе, и только немногіе носили пояса изъ древесной коры. Кольцы висѣли у нихъ въ ушахъ и въ носу. На головахъ у нихъ надѣты были калпаки изъ древесной, раскрашенной коры, составленные изъ двухъ или трехъ кусковъ, посредствомъ веревочки, и чуть прикрывавшіе верхушку головы, какъ женскій чепчикъ. Дикари употребляли арекъ и бетель. Знакомъ учтивости у нихъ было—спять

калпакъ и положишь руку на голову. Рукоятки ихъ оружія были украшены рѣзьбою. Лодки у нихъ были различныя, начиная съ маленькихъ, гдѣ помѣщалось неболѣе двухъ человѣкъ, до большихъ, на которыхъ было по 17-ти паръ гребцовъ. Замѣтили одну изъ ихъ лодокъ, у которой бока были сшиты, и по швамъ хорошо просмолены и наперны шеребинтомъ.

Достигнувъ сѣвернаго мыса Новаго Ганновера, и назвавши его мысомъ *Соломонова меча* (Cap Solomon Sweert), Шутенъ продолжалъ путь свой къ З.

Тасманъ въ свою очередь проплылъ большое пространство этого берега, почитая его, подобно своему предшественнику, восточнымъ прибрежьемъ Новой Гвинеи. Въ описаніи его встрѣчаемъ названіе: Cabo Santa-Maria, что заставляетъ предполагать познаніе этой земли Испанцами, можетъ быть, еще прежде экспедиціи Шутена и Лемера.

Въ 1700 году, Англичанинъ Дампіеръ плылъ здѣсь въ противоположномъ, направленіи, то есть, отъ С. къ Ю. Около средины протяженія земли, близъ остр. Дампіера, 16-ть лодокъ дикарскихъ, человѣками съ 200 дикарей, окружили корабль Англійскій и нехотѣли пристать къ нему, несмотря на дѣланные имъ, дружескіе знаки, и подарки, какіе имъ показывали. Но они часто ударяли себя правою рукою по груди и держали дубины надъ головами. Это почтено было за знакъ дружбы. Погода воспрепятствовала Дампіеру остановиться въ заливѣ и сойдти на берегъ, гдѣ толпилось иногда до 400 туземцовъ. Когда корабль поплылъ

въ море, дикари пустили въ него кучу стрѣлъ. Съ ними обмѣнялись пушечнымъ выстрѣломъ, отъ чего было нѣсколько ихъ убито и ранено, а остальные разбѣжались. Дампіеръ назвалъ это мѣсто заливомъ *Пращниковъ*. «Земля здѣсь,» говоритъ онъ, «высока, гориста, покрыта прекрасными, зеленѣющими деревьями. По скатамъ горъ было множество большихъ насажденій и участковъ очищенной земли, что соединяясь съ видѣннымъ нами отвсюду дымомъ, служило яснымъ доказательствомъ большой населенности здѣшней стороны.»

Обогнувъ южный мысъ земли, Дампіеръ вступилъ въ углубленіе моря, находящееся на В., почелъ его большимъ заливомъ, назвалъ заливомъ свят. Георгія и направилъ путь къ Новой Британіи.

Картеретъ, въ 1767 году, останавливался постепенно въ портѣ Праслена, заливѣ Англичанъ, гавани Картерета, на Ю. З. берегу Новой Ирландіи, гдѣ добывалъ себѣ дровъ, воды и нѣсколько пальмовой капусты и кокосовъ. Здѣсь нигдѣ невидали дикарей. Картеретъ продолжалъ свой путь къ С. С. З. и открылъ проливъ Св. Георгія, раздѣляющій Новую Британію отъ Новой Ирландіи. Между послѣднею и островомъ Сандвича увидѣлъ онъ десять лодокъ, на которыхъ было до 150 человѣкъ, пустившихся отъ береговъ Ново-Ирландскихъ. При вымѣнахъ дикари всему предпочитали желѣзо. Одна изъ лодокъ ихъ была до 80-ти футовъ въ длину, хотя и выдолбленная изъ одного дерева. Съ рѣзьбою по бокамъ, она имѣла

перевѣсъ, но парусовъ на ней небыло, а число сидѣвшихъ въ ней простиралось до 33-хъ человѣкъ. Люди эти были Негры, курчавые, толстогубые, съ расплющенными носами. Совершенно нагіе, они носили однакожъ браслеты и раковины на рукахъ и ногахъ. Головные уборы ихъ были блестящи, и большая часть ихъ привязывали надъ однимъ ухомъ перо, по видимому, изъ пѣтушьяго хвоста. Оружіе ихъ составляли копья и палки въ видѣ дубинъ. Взглядъ на пушки, казалось, внушалъ имъ опасеніе.

Въ Іюлѣ 1768 года, Бугенвиль остановился въ портѣ Праслена и провелъ тамъ восемь дней, въ теченіе коихъ трудамъ экспедиціи препятствовалъ беспрерывный дождь. Только однажды проглянуло солнце. Іюля 22-го, ударъ землетрясенія всколебалъ корабль. Море взволновалось, подымалось и понижалось нѣсколько разъ сряду, что испугало людей, ловившихъ рыбу на мѣляхъ. Бугенвиль невидалъ дикарей во все время стоянки, и только замѣтилъ многіе слѣды ихъ, и даже лодку между двумя хижинами. Незная открытія Картерета, Бугенвиль обогнулъ мысъ Св. Георгія, оставя портъ Прасленовъ, и плылъ по восточному прибрежью Новой Ирландіи, какъ сдѣлали это Шутенъ и Тасманъ. Находясь здѣсь, 29 числа, фрегаты увидѣли много дикарскихъ лодокъ, и въ каждой по 5-ти и 6-ти человѣкъ, черныхъ, курчавыхъ, высокихъ, ловкихъ и сильныхъ. Они приглашали Французовъ на берегъ, но сами нехотѣли идти на корабли. Дали имъ нѣсколько лоскутьевъ тка-

ней. Получивши такой подарокъ, дикари удалились, бросая каменья въ посѣтителей. На слѣдующій день, возвратясь въ большемъ числѣ, дикари подплыли къ кораблямъ безъ запрудненій. Начальникъ ихъ, держа палку надъ головою, казалось, изображалъ этимъ власть свою. Черные дикари сіи показывали большую изысканность въ нарядѣ — волосы ихъ были напудрены краснымъ; на головахъ пучки перьевъ, на шеяхъ ожерелья, въ ушахъ и носахъ серьги, на ногахъ браслеты — это былъ полный шуалетъ. Напрасно хотѣли завязать съ ними мѣну; они брали, что давали имъ, и ничего недавали въ замѣнъ. Послѣ тревоги, причиненной 31-го Іюля партіею дикарскихъ лодокъ, бѣжавшею отъ пушечнаго выстрѣла, Бугенвиль поднялъ паруса и оставилъ здѣшнія мѣста.

Въ Іюлѣ 1792 года, явился сюда Дантркасто, остановился въ гавани Каршерета и провелъ семь дней. Всю недѣлю шелъ проливной дождь; потоки воды лились изъ облаковъ. Едва могли добыть здѣсь съ полдюжины орѣховъ кокосовыхъ, и невидали ни одного дикаря. Послѣ сей стоянки, Дантркасто опозналъ всю западную сторону Новой Ирландіи, почти неизвѣстную до него. Онъ замѣтилъ, что скелетъ земель острова вообще составляютъ двѣ цѣпи горъ, въ 2000 метровъ отвѣсной высоты, и что только передъ островомъ Сандвича земля гораздо не такъ возвышена.

Капитанъ Дюперрей остановился, въ 1823 году, въ портѣ Праслена, и снялъ карту его. Благодаря сносной погодѣ, онъ могъ имѣть частыя сно-

шенія съ туземцами, приплывшими въ своихъ лодкахъ изъ селенія Лики-Лики, находящагося на восточномъ краю острова. Эти дикари казались кротки, но недовѣрчивы. Они боялись посѣщенія къ нимъ. Кадетъ Блоссевиль прошелъ, гуляя, до ихъ селенія; они старались сначала уговорить его удалиться, а потомъ, видя его настойчивость, стали караулить его и спрятали отъ него своихъ женъ. Французамъ указали маленькое капище, убранное множествомъ странныхъ идоловъ, поставленныхъ на площадкѣ, окруженной каменною стѣною. Дюперрею показалось, что туземцы называютъ Новую Ирландію *Томбара*, а Новую Британію *Бирара*; эти имена поставилъ онъ на своей картѣ. Дюрвиль, номенклатурѣ котораго мы слѣдуемъ, несоглашается въ вѣрности сихъ названій. Онъ полагаетъ, что скорѣе они относятся къ частнымъ областямъ, и что до полнѣйшей достовѣрности лучше удерживать названія старыя.

Наконецъ, въ Іюлѣ 1827 года, капитанъ Дюрвиль провелъ двѣнадцать дней въ гавани Карпентера, и снялъ съ нея вѣрную и подробную карту. Туземцы, много разъ подплывавшіе къ Астролябіи, показались столь-же недовѣрчивы и робки, какъ Лики-Ликскіе дикари. Они нехотѣли указать мѣста своего пребыванія, недопускали, чтобы Французы провожали ихъ. Предполагаемо было однакожъ, что дикари эти жили на низкомъ и лѣсистомъ островѣ, находящемся на С. З. отъ гавани. На островѣ Кокосовомъ ненашли ни одного кокоса, но за то убили здѣсь каймана.

Общимъ очеркомъ *Новой Ирландіи* можно положить слѣдующее: протяженіе почти на 94 мили отъ С. З. къ Ю. В., при различной ширинѣ, отъ 8-ми до 30 миль. Центральную часть образуетъ часть высокихъ горъ, покрытыхъ деревьями до самой, вершины. Жители черные Меланезцы, которые, при различіяхъ по разнымъ мѣстамъ, общимъ характеромъ имѣютъ робость и недовѣрчивость. Предѣлы, по широтѣ 2° 3′—4° 51′ южн., по долготѣ 148° 13′—150° 48′ восп. — Въ южной части, къ западной сторонѣ, маленькіе острова: Кокосовые, Лей (Leigh), Ламбомъ, Лапао, о которыхъ мы уже говорили, а къ восточной оконечности Эироо и Лунтассъ.

Подлѣ С. З. оконечности Новой Ирландіи лежитъ островъ *Сандвичъ*, открытый Картеретомъ въ 1767 году, осмотрѣнный Дантркасто въ 1792 году. Это земля высокая, лѣсистая, населенная, 12-ть миль длины, отъ В. къ З., при 7-ми ширины, отъ С. къ Ю. — Замѣчательный пикъ, въ формѣ сахарной головы, возвышается въ сѣверной оконечности острова. На холмахъ его, старые пни деревъ, лишенные вѣтвей и опутанные ліанными, представляютъ видъ колоннады, украшенной фестонами. Широта южн. 2° 49′, долгота восп. 148° 33′ (восп. уголъ).

Новая Ирландія отдѣляется отъ Новаго Ганновера проливомъ, въ шесть миль шириною, гдѣ разсѣяно нѣсколько низкихъ острововъ, за исключеніемъ одного замѣчательнаго пика, который Кар-

перешъ назвалъ *Байроновымъ*, а Данпркасто *Мавзалеемъ*.

Новый Ганноверъ былъ видѣнъ Шутеномъ въ 1616 году (онъ назвалъ его *мысомъ Соломонова меча*), а потомъ Тасманомъ, Дампіеромъ и Бугенвилемъ, но осмотрѣнъ только Картерепомъ и Данпркасто. Это земля высокая, покрытая деревьями, сквозь которыя видно много планпажей; но около Соломонова меча она весьма низка, и отъ одного мѣста до другаго въ перелѣскахъ. Протяженіе острова около 38 миль, отъ В. Ю. В. къ З. С. З. — Ширина еще неизвѣстна, но неменѣе 12 миль. Предѣлы: 2° 32′ — 2° 44′ шир. Ю., 147° 31′ — 148° 7′ долг. В.

Острова Портланда открыты, въ 1767 году, Картерепомъ, видѣны въ 1791 году Гунтеромъ, осмотрѣны въ 1792, 1793 гг. Данпркасто. Это цѣпь изъ семи маленькихъ, лѣсистыхъ, перепутанныхъ прибоями острововъ, занимающихъ протяженіе 8-ми миль, отъ В. С. В. къ З. Ю. З. — Самый большой двѣ мили длины. Положеніе — 20° 38′ шир. южной, 147° 12′ долг. В. (уголъ Ю. З.).

Обращаясь теперь къ мысу св. Георгія, находимъ рядъ острововъ, образующихъ цѣнь, параллельную къ *Новой Ирландіи*.

О. Св. Іоанна, противъ мыса Маріи, въ отдаленіи 30-ти миль. Онъ былъ открытъ Шутеномъ. Тасманъ видѣлъ его въ 1643-мъ, Дампіеръ въ 1700 году. Послѣдній говоритъ, что островъ имѣетъ отъ 9 ти до 10 льё окружности, и что на немъ

много кокосовъ. Прибрежье покрыто зеленью, а холмы весьма лѣсисты. Три лодки пошли отъ берега, завидя корабль Дампіера, но ни одна нехотѣла пристать къ нему. Островитяне ни въ чемъ неразнились отъ Ново-Ирландцовъ. Картеретъ видѣлъ островъ св. Іоанна въ 1768 году, назвавъ его *Бурно* (Bournaud). Маурелль осмотрѣлъ его въ 1781 году. Положеніе его худо опредѣлено, но должно быть около 3° 51′ шир. южной и 151° 15′ долг. В.

О. Абгарриса, открытые кораблемъ Abgarris, съ 1820 по 1825 годъ, низкіе, 20-25 миль протяженія, вѣроятно, тѣ-же самые, которые видѣлъ, въ 1826 году, капитанъ корабля Лира, Реннекъ, и назвалъ *Фидъ* и *Гудманъ*. Собственно, это двѣ купы, на 27-ми миляхъ протяженія, отъ С. З. къ Ю. В., образующія цѣпь низкихъ, лѣсистыхъ, населенныхъ острововъ и песчаныхъ отмѣлей, съ отдѣльнымъ рифомъ къ югу. Предѣлы: 3° 5′—3° 33′ шир. южной, и 152° 2′—152° 25′ долг. В.

О. Каенъ, открытый Тасманомъ, въ 1643 году. Въ 1700 году, Дампіеръ имѣлъ сообщеніе съ жителями, Меланезійцами, курчавыми, сильными, складными, вымазанными разноцвѣтною краскою. Онъ показалъ имъ мушкатъ и золотой порошокъ, и ему помстилось, будто дикари изъясняютъ тѣлодвиженіями, что сіи предметы находятся на ихъ островахъ, на которые указывали они, восклицая: «Маннилъ, Маннилъ!» Лодки ихъ были украшены по бокамъ фигурами рыбъ и рѣзьбою. Дампіеръ по-

лагалъ окружность Каена въ 4, или 5 льё, говоря, что онъ высокъ, покрытъ лѣсами и украшается насажденіями по скатамъ холмовъ. По приморьямъ много кокосовъ. Къ Ю. В. два островка, также покрытые сими деревьями. Одинъ высокъ и остроконеченъ, другой низокъ и плоскій, но весьма населенъ. Большой островъ содержитъ также многочисленное населеніе. Бугенвиль видѣлъ Каенъ въ 1768 году, и назвалъ его île *Oraison* (Проповѣдь); Маурелль въ 1761 году, и назвалъ Refugio (Убѣжище), а ближніе два островка *Santa-Rosa* и *Magdalena* (св. Розы и Магдалины). Каенъ долженъ быть подъ 3° 28′ шир. южной, и 150° 48′ долг. В.

О. Гарретъ-Денисъ былъ открытъ, въ 1616 году, Шутеномъ, видѣнъ въ 1643 году Тасманомъ, но только Дампіеръ, объѣхавшій его въ 1700 году, оставилъ намъ нѣсколько подробностей объ немъ. «Это,» говоритъ онъ, «земля высокая, гористая, покрытая лѣсомъ, 14-ть или 15 миль въ окружности. Прибрежья унизаны кокосами. Множество насажденій является по скатамъ холмовъ, а земли вновь очищенныя имѣютъ красноватый цвѣтъ. Населеніе состоитъ изъ народа чернокожаго, крѣпкаго и складнаго. Головы дикарей большія, круглыя; волосы курчавы, коротkіе, окрашены краснымъ, бѣлымъ, желтымъ; лица широкія, носъ расплющенный; въ носовомъ хрящѣ виситъ палочка, въ палецъ толщиною. Оружіе составляютъ дубины, копья, пращи, луки и стрѣлы. Лодки дикарей узки и длинны, снабжены перевѣсами, украшены сзади и спереди фигурами, хорошо вырѣзанными, какъ-то:

изображеніями рыбъ, птицъ, человѣческихъ рукъ, и проч. Языкъ дикарей внятный и опредѣленный. Приглашая насъ плыть къ берегу, они часто повторяли: «Вакузи аламаи,» и указывали на землю. Знаки дружбы состояли у нихъ въ томъ, что они клали на голову палку, или древесную вѣтвь, часто ударяя притомъ по головѣ рукою.» Бугенвиль видѣлъ сей островъ въ1768 году, и назвалъ его *Дюбушажъ*, а Маурелль, въ 1781 году, назвалъ его остр. *св. Власія* (San-Blas). Положеніе, но недостовѣрно, около 3° 12′ шир. ю. и 150° 15′ долг. в.

О. Дампіера. Дампіеръ, видѣвшій его въ 1700 году, говоритъ, что онъ около 4-хъ, или 5 льё окружностью, высокъ, покрытъ лѣсомъ и обогащенъ насажденіями по скатамъ холмовъ. Вѣроятно, этотъ островъ, въ 1781 году, названъ былъ Маурелломъ *Св. Лаврентіемъ* (San-Lorenzo), и кажется, что его-же Шутенъ наименовалъ, въ 1616 году, островомъ *Моисея*. Двадцать пять дикарскихъ лодокъ окружили корабль Шутеновъ. Два якоря приготовились спускать въ море. Одинъ дикарь вскарабкался съ пагаемъ на якорную лапу и хотѣлъ увлечь корабль къ берегу. Между тѣмъ земляки его приготовились на битву. Она началась тучею стрѣлъ, копьевъ, каменьевъ, вдругъ кинутыхъ на корабль. Каменья брошены были такъ сильно, что щепы полетѣли отъ мачтъ, и матрозы принуждены были бѣжать и прятаться. Уже дикари запѣли побѣдную пѣсню, когда ударили въ нихъ изъ пушекъ и ружей. Двенадцать, или тринадцать изъ

нихъ были убиты, еще болѣе ранено; остатокъ бѣжалъ. Шлюпка преслѣдовала ихъ и захватила въ полонъ молодаго дикаря, лѣтъ 18-ти, раненаго въ началѣ битвы и названнаго, подобно острову, Моисеемъ. Дикари, говоритъ Шутенъ, ѣли родъ хлѣба, сдѣланнаго изъ древесныхъ кореньевъ. Положеніе острова (весьма недостовѣрное) подъ 3° 12′ шир. ю. и 150° долг. в.

О. Рыбаковъ увидѣлъ первоначально Шутенъ, въ 1616 году, а потомъ видѣли его Тасманъ, въ 1643-мъ, Дампіеръ въ 1700 году. Послѣдній говоритъ, что это земля высокая и обширная, въ шести льё отъ материка, на которой замѣтили много дыма и потому непосмѣли приблизиться къ ней. Бугенвиль, въ 1768 году, наименовалъ сей островъ *Сюзанне,* а Маурелль, въ 1781 году, изъ трехъ вершинъ его сдѣлалъ три острова, San-Francisco, San-Jose, Sant-Antonio. Положеніе и размѣръ весьма неопредѣленны. Сѣверная конечность лежитъ подъ 2° 33′ шир. ю. и 149° 40′ д. в.

О. Бурный, открытый Дампіеромъ, въ 1700 году, Бугенвиль наименовалъ, въ 1768 году, островомъ *Керве.* Маурелль видѣлъ его въ 1781 году. По Дампіеру, онъ низокъ, ровенъ, покрытъ большими, зеленѣющими и частыми деревьями. Длина его двѣ, три льё, а на Ю. В. мысѣ лежитъ островокъ, низкій, лѣсистый, съ милю окружностью. Положеніе: 1° 40′ шир. южной и 148° 9′ долг. в.

О. Матвія открытъ Дампіеромъ въ 1700 году, виденъ Бугенвилемъ въ 1768-мъ, Мауреллемъ въ

1781 году. По Дампіеру, онъ гористъ, и поверхность его разнообразна, по причинѣ лѣсовъ, степей и частей земли, по видимому обрабопанныхъ. Длина его около 9-10 льё. Положеніе: 1° 30′ ш. ю. и 147° 10′ долг. в. (вершина).

Острова Адмиралтейства были открыты Шутеномъ, въ 1616 году, но онъ видѣлъ только Ю. В. часть ихъ, и удовольствовался дашь имъ названіе *Двадцати пяти острововъ*. Лучше опозналъ ихъ Карперетъ, въ 1767 году, давши имя, донынѣ ими сохраняемое. Видъ этихъ оспрововъ прелестный. Лѣса на нихъ, густые и высокіе, перемѣшаны съ рощицами и лугами, кокосовыми купами и хижинами туземцовъ. Впрочемъ, Карперетъ слишкомъ позволилъ себѣ употребить права путешественника на прибавки, говоря, будто каждый изъ сихъ оспрововъ могъ-бы составить цѣлое королевспво. Дикари подплыли къ кораблю Карперетову, и уже старались завязать съ ними какую нибудь дружбу, когда имъ вздумалось начать сношеніе бросаньемъ копей, за что заплатили буянамъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Урокъ непропалъ даромъ, и дикари лучше обошлись съ Мауреллемъ въ 1781 году, хотя съ жадностію воровъ бросались они на все, что только видѣли, даже на овощи, положенные въ кормовую сѣтку. Маурелль надавалъ разныхъ именъ разнымъ островамъ, и они донынѣ остаются на картахъ, въ ожиданіи, пока узнаемъ мы туземныя имена. Данпркасто, въ 1792 году, тщательно изслѣдовалъ сѣверную часпь купы, и имѣлъ спошенія съ дикарями, на которыхъ нѣчего было

пожаловаться. Вотъ нѣкоторыя событія этого посѣщенія :

« Черезъ часъ ожиданія, » говоритъ Дантркасто, « неуспѣвши приманить на корабль дикарей, вздумалъ я позабавить ихъ ракетою, хорошо предвидя, что такое зрѣлище сначала пугнетъ ихъ , но полагая , что потомъ можетъ оно возбудить ихъ удивленіе и любопытство. Когда полетѣла ракета , дикари перестали отвѣчать на нашъ крикъ , и пребывали въ молчаніи. Но когда потомъ лопнула ракета и разсыпалась огненнымъ дождемъ , ужасъ овладѣлъ дикарями , и они удалились поспѣшно. Немного спустя , мы увидѣли ихъ воротившихся , но они безпрерывно держались въ большомъ отдаленіи. Мнѣ пришло на мысль поставить на доску свѣчу въ бумажномъ фонарѣ , присовокупивши къ тому гвоздей и другихъ промѣнныхъ бездѣлокъ , и все это пустить на воду , чтобы дикари замѣшили и перехватили. Но, кажется , еще больше ракеты испугались они этого огонька , который , отдѣлясь отъ фрегата , какъ будто близился къ нимъ и шелъ по водѣ. Безъ сомнѣнія , дикари видѣли нѣчто чудесное въ мнимомъ блудящемъ огонькѣ, мелькавшемъ на волнахъ, ибо, по мѣрѣ того , какъ насъ увлекало отъ него , имъ казалось , что они къ нему приближаются , и они поплыли прочь поспѣшно, громко и скоро произнося что-то, какъ будто заклиная такого злаго духа. Наконецъ, они вовсе удалились. Было такъ тихо , и море было такъ спокойно, что зажженная нами свѣча горѣла на волнахъ часа съ два. Прибывши на берегъ , ди-

кари зажгли огонь, для того-ли, что думали привлечь имъ къ себѣ предметъ, который воображали плавающимъ по волнамъ, или для того, чтобы напротивъ удалить колдовство отъ своихъ жилищъ. Впрочемъ, все это зрѣлище, столь напугавшее дикарей, забавляло экипажъ. Если-бы я предвидѣлъ дѣйствіе его, то избавилъ-бы бѣдняковъ отъ страха, который могъ умножить ихъ врожденную недовѣрчивость.»

Купа острововъ Адмиралтейства занимаетъ пространство около 25-ти миль отъ В. къ З., при 40-50 миляхъ отъ С. къ Ю. — Она состоитъ изъ острововъ болѣе и менѣе обширныхъ, вида пріятнаго и разнообразнаго, занятыхъ Меланезійцами красивой породы. Географическіе предѣлы ея можно положить почти такъ: 1° 53′—2° 34′ ш. ю. и 143° 51′—145° 50′ долг. В.

Главнѣйшіе острова сей купы:

Большой островъ Адмиралтейства, названный Маурелломъ, въ 1781 году, *Баско,* и большею частію изслѣдованный Дантркасто въ 1792 году. Земля возвышена, неровна, лѣсиста, населенна, около 50 миль отъ В. къ З., при 18-20 миляхъ отъ С. къ Ю. — Южная часть еще неизвѣстна. Предѣлы: 1° 57′—2° 17′ ш. ю. и 144° 10′—145° 00′ долг. в. (?).— *О. Іисуса и Маріи,* по названію Маурелля, въ 1781 году, осмотрѣнный Дантркасто въ 1792 году, высокій, около 20 миль окружностью, подъ 2° 18′ ш. ю. и 145° 27′ д. в. (средина). — Острова: *св. Гавріила, св. Михаила, Вендола, Королей* (los

Reyes), *Негровъ* (los Negros), по названіямъ Маурелля, въ 1781 году, осмотрѣнные Данпркасто, въ 1792, 1793 годахъ. Два первые миль по 5-ти, или 6-ти протяженія, а другіе всѣ менѣе. Населены и лѣсисты. Положеніе: 2° 14′ ш. ю., 145° 50′ долг. вост. (островъ Вендола).

Кромѣ того находятся, къ югу отъ большаго острова Адмиралтейства, многіе другіе, маленькіе, неизвѣстные островки. Острова *Пурди* и *Елисаветы*, перенесенные на карту Крузенштерна съ карты Пурди, можетъ быть, также составляютъ часть сей купы. На югъ лежитъ рифъ *Сидней*, гдѣ потерпѣлъ кораблекрушеніе капитанъ Аустинъ Форрестъ, Мая 1-го 1806 года. Эта мѣль означается подъ 3° 20′ ш. ю. и 144° 30′ долг. в.

Другія отдѣльныя купы:

Острова *Анахоретовъ*, открытые и видѣнные вблизи Бугенвилемъ, въ 1768 году. Цѣпь низкихъ земель, поставленныхъ на одной отмѣли, около 3-хъ льё протяженія. Тутъ видно много деревьевъ, и особенно кокосовъ. Берега, говоритъ Французскій мореплаватель, покрыты хижинами и удивительно населены. Хижины высоки, почти четыреугольны и хорошо покрыты; онѣ напоминаютъ жилища Таитянъ. Много лодокъ занимались рыбною ловлею на отмѣляхъ, но ни одна неудостоила своимъ вниманіемъ Бугенвиля, и это заставило его назвать жителей острова *отшельниками* (anachorètes). Маурелль былъ здѣсь въ 1781 году, Данпркасто въ 1793 году. Положеніе: 0° 43′ ш. ю. и 143° 14′ д. в. (С. В. мысъ).

О. Коммерсонъ, небольшой, видѣнный издали Бугенвилемъ въ 1768 году, осмотрѣнный Дантркасто въ 1793 году, и Ибаргоитіа въ 1800 году. Положеніе: 0° 45′ ш. ю. и 142° 55′ д. в.

Острова *Пустынниковъ* (Hermites). Бугенвиль открылъ ихъ въ 1768-мъ, Маурелль видѣлъ въ 1781-мъ, Дантркасто осмотрѣлъ въ 1792 году. Лодки дикарей приближались къ кораблямъ послѣдняго изъ сихъ мореплавателей, но нехотѣли пристать къ нимъ, хотя дикари старались передавать плоды, бросая ихъ на корабли, такъ, что сначала почли этотъ подарокъ за признакъ непріязни. Островитяне казались рослы и складны. Вся купа состоитъ изъ высокихъ и населенныхъ земель, занимающихъ 14-ть миль отъ В. С. В. къ З. Ю. З., при шести миляхъ въ ширину.—Широта ю. 1° 29′, долгота в. 142° 48′ (островъ С. З.).

О. Вздорливый (Boudeuse), небольшой, открытый въ 1768 году Бугенвилемъ, и видѣнный, въ 1793 году, Дантркасто. Широта ю. 1° 27′, долгота в. 142° 14′

О. Шашечницы, открытые въ 1768 году Бугенвилемъ. Маурелль назвалъ ихъ въ 1781 году *Тысяча-острововъ*. Дантркасто осмотрѣлъ ихъ въ 1792 году. Купу эту составляютъ болѣе нежели 30-ть острововъ, низкихъ, населенныхъ и усыпанныхъ мѣлями, на протяженіи 30 миль, отъ С. С. В. къ Ю. Ю. З.—Широта ю. 1° 13′, долгота в. 142° 2′ (В. край).

О. Дюруръ, маленькій и голый, открытый, въ 1767 году, Картеретомъ, и видѣнный въ 1792

году Дантркасто, который полагалъ его подъ 1° 34′ ш. ю. и 140° 53′ д. в.

О. Маттей, маленькій, голый, населенный. Открытъ, въ 1767 году, Картерешомъ. Дикари бѣгали ночью по приморью съ факелами, въ виду корабля. Дантркасто полагаетъ его подъ 1° 46′ ш. ю. и 140° 36′ д. в.

ГЛАВА LXXXIII.

НОВАЯ ГВИНЕЯ, ЛУЗІАДА И ОКРЕСТНЫЕ ОСТРОВА.

Я говорилъ уже, что отъ острововъ Адмиралтейства наша Океанія направилась къ Новой Гвинеѣ. Утромъ 16-го были мы только въ 6, или 7 миляхъ на сѣверъ отъ острова *Лессона*, самаго восточнаго изъ острововъ Шутеновыхъ. Этотъ островъ просто конической формы гора, 5 6 миль въ окружности при ея подошвѣ, одѣтая самою веселою зеленью. Другіе острова купы, расположенные полукругомъ, образуютъ какъ будто ожерелье изъ зеленыхъ каменьевъ, врѣзанныхъ въ лазурь Океана. Налѣво виднѣлись намъ вершины Вулканова острова и нѣкоторыя другія горы Новой Гвинеи.

Передъ островомъ *Руасеи*, плодоноснымъ и гористымъ, мы думали, что дикари хотятъ повидаться съ нами. Двѣ лодки, отдѣлясь отъ берега, казалось, поплыли прямо къ намъ. Мы легли въ дрейфъ, ожидая ихъ, и по видимому, онѣ тотчасъ должны

были приспать къ кораблю, но недоплывши на полъ-мили, дикари остановились, и всѣ наши знаки и приглашенія не убѣдили ихъ идти далѣе. Мы двинулись по направленію къ нимъ, и они бросились плыть, изъ всѣхъ силъ работая пагаями. Въ зрительную трубу можно было разсмотрѣть, что въ каждой изъ лодокъ находилось по пяти, по шести человѣкъ, темноцвѣтныхъ, почти нагихъ, съ курчавыми головами и низшей породы въ сравненіи съ дикарями Адмиралтейства.

Мы прошли въ 3-хъ, или 4-хъ льё отъ острова *Дюрвиля*, самаго значительнаго изъ всей купы, имѣющаго отъ 15-ти до 18 миль въ окружности, при среднемъ возвышеніи и весьма пріятномъ видѣ. Тутъ Пендлетонъ направился къ В. С. В., держась въ среднемъ разстояніи на 10-ть льё отъ берега, чтобы безопасно плыть ночью. Впрочемъ, онъ хорошо зналъ, что ничего добраго нельзя было ожидать отъ непріязненныхъ племенъ, населяющихъ здѣшній архипелагъ. Ему извѣстны были прежнія и новыя повѣствованія, показывающія подробно ихъ нравы и характеръ. Только я одинъ, изъ всѣхъ на кораблѣ, грустилъ внутренно объ осторожности Пендлетона. Быть въ виду земли, любопытной и мало извѣстной, и не изслѣдовать ее, не сойдти на ея берегъ—да, это мученіе Тантала! Мы проплыли передъ громадами горъ *Бугенвиля* и *Циклопа*, означающими мѣсто залива *Гумбольдта*, недавно приобрѣтенными въ каталоги географическіе капитаномъ Дюрвилемъ. Вѣтеръ былъ тихій, небо чистое, море спокойное. Можно было сказать, что

мы плывемъ по Индійскому морю, и что всѣ бури Тихаго Океана убѣжали отъ насъ. Вѣперокъ дулъ даже такъ тихо, что теченіемъ несло насъ болѣе. Оно двигало корабль на 20-ть и на 30 миль къ западу. Дважды сила его увеличивалась до 40 миль въ сутки, и однажды дошла до 60 миль; всего страннѣе казалось, что такое дѣйствіе водъ было постоянно незамѣтно для плавателей. Единственное, видимое вліяніе его состояло въ совершенной тишинѣ, столь изумительной на морѣ столь свободномъ.

Ночью на 26-е Іюля, Океанія прошла между двумя маленькими островами *Аримоа* и землею, которая была весьма низка и покрыта большими деревьями. На другой день, противъ мыса Дюрвилева, мы могли замѣтить разницу въ цвѣтѣ моря, что казалось-бы признакомъ мѣлководья — обстоятельство уже замѣченное мореплавателемъ, давшимъ мысу свое имя. Между тѣмъ, здѣсь нѣтъ никакой опасности. За этою отмѣнною полосою воды явилась лодка, которую южнымъ вѣтромъ гнало прямо на насъ. Она была довольно огромна, съ настилкою досокъ, на которой насчитали мы до сорока дикарей. Среди этихъ Негровъ отличался одинъ, полуодѣтый, съ остроконечною шапкою, похожею на Китайскую. По мѣрѣ того, какъ подходила лодка, этотъ дикарь дѣлалъ намъ знаки, болѣе и болѣе выразительные, приглашая насъ плыть къ землѣ. Наконецъ онъ остановился, туазахъ въ 500 отъ корабля, и возобновилъ свою пантомиму съ такою силою, что и пересказать невозможно. Ду-

мая, что Пендлетонъ согласится на предложеніе столь убѣдительное, я уже просился съ нимъ на берегъ. «А, а!» отвѣчалъ мнѣ капитанъ — «видно, что вамъ страхъ какъ хочется попасть на кухню этихъ бездѣльниковъ! Эта Новая Гвинея сатанинская сторона, и здѣсь добрыхъ вѣстей неуслышите. Года съ два будетъ тому, какъ одинъ бѣдняжка китоловъ осмѣлился остановиться въ большомъ заливѣ Гельвинкскомъ. Обольщенный дикарями, которые показали себя весьма гостепріимными и предупредительными, онъ послалъ къ нимъ шлюпку. Посланные неворотились. На другой день послали другую шлюпку для поиска первой. Дикари окружили ее, убили двухъ, или трехъ человѣкъ, и остальной народъ со страхомъ и кое-какъ воротился къ кораблю. Трупами убитыхъ, людоѣды, вѣроятно, лакомились два, три дня. Не хотите-ли, чтобы и съ Океаніи поставили мы свѣжаго человѣческаго мяса этимъ ѣдунамъ своихъ гостей?» Я молчалъ, зная, что Пендлетонъ никогда неговоритъ, чего незнаетъ хорошенько.

Избѣгая тиши въ проливѣ *Джоби*, мы невходили туда, и направились къ С., чтобы пройдши въ довольномъ разстояніи отъ острововъ *Измѣнническихъ* и береговъ большаго острова *Мизори*, вершины котораго я могъ видѣть. Іюля 29-го, Океанія обогнула малые острова *Провидѣнія*, и передъ нами, на чистомъ горизонтѣ, открылись величественныя вершины горъ *Арфаки*, рисовавшихся въ весьма большой высотѣ на 10. З., выше Дореи. О возвышеніи ихъ можно судить потому, что мы были

тогда отдалены отъ нихъ неменѣе 75 миль, или около 36 льё. Впрочемъ, вершины ихъ все еще ниже пояса снѣговъ, лежащихъ на вершинахъ горъ подъ экваторомъ. Волнуясь по морю еще два, три дня, только 1-го Августа достигли мы гавани *Дорейской*, гдѣ надлежало намъ немного отдохнуть.

Входъ сюда представляетъ зрѣлище по истинѣ удивительное. Налѣво—длинная цѣпь низкихъ и зеленѣющихъ острововъ, образующая кольцо съ высокимъ прибрежьемъ. Направо полоса лѣсистыхъ земель высится надъ берегами, покрытыми тучнымъ произрастаніемъ. Наконецъ, въ глуби картины возвышается, какъ базальтовая спѣна, безмѣрный скелетъ горъ Арфаки, подымаясь пятью, или шестью отдѣленіями, одинъ за другимъ, и кончаясь нѣсколькими острыми шпицами, которыя, кажется, падаютъ въ гавань—такъ круты бока ихъ.

Едва пришли мы на видъ земли, куча лодокъ окружила насъ. Можно-бы сказать, что это совсѣмъ другая порода отъ жителей окрестныхъ острововъ. Такъ много показывали наши посѣтители довѣренности и беспечности. Здѣсь-то, нѣсколько разъ, Французскіе мореплаватели заводили сношенія, на которыя дикари немогли пожаловаться. Европейцы должны ожидать здѣсь ласковой встрѣчи. Дюперрей и Дюрвиль вели себя здѣсь такъ, что жители вспоминаютъ съ сожалѣніемъ о добрыхъ своихъ гостяхъ. Уже люди, прибывшіе въ лодкахъ, готовы были толпою идти на нашъ ко-

рабль, но боясь, что они помѣшаютъ нашимъ маневрамъ корабельнымъ, Пендлетонъ допустилъ только немногихъ начальниковъ, или *кораковъ*. Однакожь всѣмъ старались мы растолковать по-Малайски (этотъ языкъ здѣсь немного понимаютъ), что ставши на якорь, тотчасъ допустимъ мы къ себѣ всѣхъ и начнемъ промѣны. Кораны изъяснили это дикарямъ, оставшимся въ лодкахъ; всѣ лодки тотчасъ отошли отъ корабля и слѣдовали за нами самымъ крошкимъ образомъ, безъ крика, безъ ворчанья, держась въ нѣкоторомъ отдаленіи. Такое поведеніе исполненное важности и осторожности, было нѣсколько выше Меланезскихъ пріемовъ, но даже далеко оставляло за собою довольно шумливые пріемы болѣе образованныхъ племенъ Полинезіи.

Мы стали въ Дорейской гавани, весьма хорошо обезопасенной, въ 200, или 300 туазовъ поперечника пространствомъ, и гдѣ мореплаватель заслоненъ отъ всѣхъ вѣтровъ. Бросивши якорь, сняли запрещеніе съ корабля и двадцать лодокъ пристали къ нему. Палуба наша превратилась въ настоящій базаръ. Каждый дикарь показывалъ свои товары: тотъ связку *миссойной* корки стрѣлы, рогожки изъ банановыхъ листьевъ, испещренныя самымъ страннымъ образомъ; этотъ бамбуковину съ драгоцѣнною райскою птичкою. Менѣе всѣхъ было дикарей, принесшихъ запасы таро и овоща, называемаго *абру*, нѣсколько рыбы и раковинъ. Пока дѣло шло о запасахъ, оружіи и другихъ подобныхъ предметахъ, торгъ заключался легко, хотя

можно было видѣть въ этихъди каряхъ торгашей очень ловкихъ. Но когда дѣло дошло до продажи райскихъ птичекъ, переговоры наши спутались. Что ни предлагали мы, шоноры, ножи, даже шкани, продавцы презрительно качали головою, и отвѣчали однимъ словомъ: *Компанъ!* Долго непонимали мы, что̀ это за таинственная вещь «Компанъ?» Но, наконецъ, одинъ изъ дикарей показалъ намъ серебряное зарукавье, которое было на его рукѣ, и мы стали понимать, что слово это означаетъ *серебро*. Показали дикарямъ піастры, чтобы повѣрить нашу догадку, и тотчасъ дикари запрыгали отъ радости, крича: «Компанъ, Компанъ!» Они требовали за райскихъ птичекъ піастровъ. Мы предложили имъ піастровъ, но нелегко было поладить съ ихъ требованіями. По три доллара просили они за посредственную птичку, и по пяти, по шести за лучшихъ — цѣна нелѣпая! Пендлетонъ нехотѣлъ покупать. «Вотъ это ваши офицеры Раковины и Астролябіи испортили намъ цѣны — говорилъ онъ мнѣ.—Лѣтъ пятнадцать прежде, райскую птичку отдавали здѣсь за большой ножикъ, кусокъ ситцу (guinée), либо нѣсколько фунтовъ сухарей. Теперь цѣна безумная. Тутъ надобно похитрить — къ послѣднимъ днямъ нашей стоянки плуты будутъ сговорчивѣе.» Но несмотря на слова капитана, я невытерпѣлъ — такъ хотѣлось мнѣ тотчасъ достать себѣ одну изъ этихъ прелестныхъ птичекъ. Спасибо, случай услужилъ мнѣ въ исполненіи моей прихоти за дешевую цѣну. Въ числѣ вещей, какія оставались еще у меня для мѣ-

лочнаго торга, было нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ, купленныхъ мною въ Китаѣ; ихъ нѣкуда было мнѣ сбыть по островамъ Океанійскимъ. Одинъ дикарь потребовалъ ихъ у меня за двѣ райскія птички, *манукоду* и *великолѣпную*. Тотчасъ мы ударили по рукамъ.

Вечеромъ, шлюпка поплыла къ берегу за водою, и я воспользовался случаемъ взглянуть на землю. Мы пристали у одного потока, бѣгущаго по коралловому логовищу. При отливѣ, ручъ легко запасться водой, но съ приливомъ затекаетъ сюда морская вода и дѣлаетъ потокъ солоноватымъ. Увидѣть этотъ ручей можно только вошедши въ него, потому, что берега его заросли густымъ и колючимъ кустарникомъ. Тутъ нашли мы множество прекрасныхъ раковинъ, изъ рода называемыхъ за-просто *Мидасовыми ушами*, и которыя такъ дорого цѣнятся любителями конхіологіи.

Лейтенантъ Реинбовъ, стрѣлокъ отличный, предложилъ мнѣ на другой день вмѣстѣ идти на охоту за райскими птичками. Двое, или трое молодыхъ дикарей, хорошо зная окрестности, должны были служить намъ путеводителями. Мы отправились весьма рано. Края прибрежья обросли такимъ поясомъ кустарниковъ, что все наше платье должно-бы остаться здѣсь клочками, еслибы непробрались мы въ лѣсъ по самому руслу потока. Двѣсти, триста шаговъ надлежало брести въ водѣ по поясъ, но далѣе, въ сухое время, вода едва достаетъ выше пятокъ. Пробравшись черезъ прибрежную о-

пушку, вы въ разгульномъ лѣсу, который можете исходить во всѣхъ направленіяхъ. Его составляютъ огромнѣйшія прозябенія, во многихъ мѣстахъ образуя два яруса зелени—первый, высшій, составлялся изъ птерокарповъ, фигъ, инокарповъ, рода акаціи, или мимозы, и другихъ неизвѣстныхъ мнѣ деревьевъ, возвышающихъ голые стержни на высоту 100 футовъ, и тамъ, на вершинахъ, раздвигающихъ свои густыя зеленыя вѣтви; другой ярусъ образовывали деревья меньшей вышины, текшоны, гибиски, эрнандіи, пальмы изъ породы арека, корифы, сагу, цика, иные вышиною въ 80 футовъ, лѣсъ, поросту своему, второстепенный однакожь. Подъ такимъ двойнымъ сводомъ, непроницаемая лучами солнца, земля представляетъ только рѣдкія и тощія деревцы, и почти нѣтъ на ней никакого травянистаго растенія, кромѣ яятрыжниковъ (orchidées), хвощей, злаковъ, папоротей и плауновъ, обыкновенныхъ подъ экваторомъ. Земля, состоящая изъ весьма мягкаго чернозема, почти всюду изрыта, такъ, что ходить по ней весьма неловко. Это работа дикихъ свиней, которыхъ здѣсь бездна.

Мы настрѣляли множество птицъ—летающихъ съ такимъ шумомъ калао, огромныхъ и прекрасныхъ голубей гура, красивыхъ горлицъ, щеголеватыхъ зимородковъ, кукаловъ, какаду, попугаевъ, лори, перушей всѣхъ цвѣтовъ. Но блестящая изумрудная парадиза умѣла отъ насъ укрыться. Иногда мы слышали, какъ самецъ звалъ къ себѣ самку, своимъ хриповатымъ и мрачнымъ кликомъ—«Уакъ, уакъ, уако!» или вѣрнѣе—«Куа, куа, куа!» Но едва подходили мы,

птичка умолкала, либо, сидя на вершинѣ высокаго дерева, успѣвала скрыться изъ вида. Раза два, при стрѣляли мы по пустому. Иныхъ видѣли мы довольно близко, когда онѣ перелетали черезъ потокъ, быстро, неровно, прихошливо, какими-то волнистыми дугами. Прелесть было видѣть этотъ оранжевый букетъ перьевъ, мелькающій по зелени деревьевъ; при полетѣ птички, только пушистые, блестящіе бока ея остаются замѣтными точками. Сѣвши на дерево, парадиза продолжаетъ свои быстрыя, прыжковыя движенія. Можно-бы сказать, что она ни на минуту неможетъ остаться въ покоѣ; положеніе ея показываетъ тревогу; она то и дѣло бьетъ крылушками, топыршитъ перья, шевелитъ всѣми членами и повторяетъ свое однозвучное: «Уакъ, уакъ, уако!» Самки, у которыхъ перья бѣднѣе великолѣпіемъ перьевъ самца, вторятъ этому однообразному призыву, только особеннымъ выраженіемъ. Мы подумали было, что число самокъ болѣе числа самцовъ, потому, что болѣе ихъ видѣли, но вспомнивъ изслѣдованія естествоиспытателей Аспролябіи, убѣдились, что наше поверхностное замѣчаніе было ошибочно. Молодой самецъ небываетъ еще украшенъ своимъ драгоцѣннымъ перянымъ уборомъ, и потому на первый взглядъ его нелегко отличить отъ самки. Перья самца разрастаются съ его возрастомъ. Парадизы питаются плодами, и наиболѣе тековыми и одного рода фигъ. Волнистый полетъ сей птички происходитъ кажется отъ расположенія длинныхъ, пушистыхъ и раздѣльныхъ ея перьевъ. Этотъ

роскошный нарядъ заставляетъ бѣдняжку выбирать направленіе противъ вѣтра, при чемъ длинныя перья птички прилегаютъ къ ея тѣлу, а иначе, при направленіи противномъ, они раздувались-бы и затрудняли ея полетъ. Вотъ причина, по которой райская птичка, съ приближеніемъ бури, уже несмѣетъ летать и укрывается гдѣ нибудь въ дуплахъ деревьевъ. Характеръ изумрудныхъ парадизокъ храбрый и презлой—эти малютки преслѣдуютъ непріятелей съ ожесточеніемъ, и небыло еще примѣра, чтобы райская птичка сдѣлалась ручною.

Охота наша непрошла безъ приключеній. Въ самой чащѣ лѣса, гдѣ ни съ кѣмъ неполагали мы встрѣтиться кромѣ звѣрей, заслышали мы человѣческіе голоса, и проводники наши остановились испуганные. «*Арфаки!*» шептали они, показывая намъ знаками, чтобы мы приготовили наши ружья. Осторожно, но прямо пошли мы на голоса. Наши молодые дикари, проводники, чуть незадерживали дыханія своего, ужасаясь пагубной встрѣчи, но едва подошли мы поближе, они радостно закричали, узнавши своихъ земляковъ. Встрѣтившіеся намъ незнакомцы охотились,подобно намъ, только удачнѣе нашего, и подготовляли свою добычу, чтобы назавтра продать ее покупщикамъ на корабль. Добычу эту составляли два кабана средней величины, два поменѣе, и три, или четыре *фалангера*. Охотники палили все это на огнѣ, разведенномъ изъ вѣтокъ и сухихъ листьевъ. Мы начали торговать у нихъ товаръ, и они уступили его,

хотя и не безъ сожалѣнія, за нѣсколько піастровъ, съ нѣмъ, чтобы доставить на корабль.

Слѣдующій день употребили мы на посѣщеніе туземныхъ селеній, расположенныхъ около приморья. Два ихъ, *Дорен* и *Куао*, были расположены на сѣверной сторонѣ гавани, а третье на маленькомъ островѣ *Мана-Суари*. Всѣ они были одинаковы. Хижины состояли изъ длинныхъ сараевъ, построенныхъ изъ драницъ и грубо обтесанныхъ кольевъ, и всѣ надъ водою, на сваяхъ, 8-мь и 10 футовъ надъ поверхностью моря; ни одной хижины непоставлено было на берегу. Длинныя бревна, съ зарубинами, служатъ лѣстницами въ такія надводныя убѣжища, и ихъ втаскиваютъ внутрь хижинъ при наступленіи ночи, какъ будто при ожиданіи непріятеля. Обычай здѣшнихъ туземцовъ — строить жилища всегда надъ водою, до сихъ поръ неизъясненъ достаточно. Одни видѣли въ немъ религіозное повѣрье; другіе, просто, желаніе спастись отъ насѣкомыхъ и докучныхъ муравьевъ, изобилующихъ на землѣ; третьи, наконецъ, средство безопасности противъ нападеній непріятельскихъ.

Мы вошли въ одно изъ этихъ надводныхъ строеній. Это была огромная клѣтка, свѣтившаяся со всѣхъ сторонъ. Длинный и узкій проходъ по срединѣ дѣлилъ два ряда келій; въ каждой жило одно семейство. Всю утварь и мебель въ этихъ клѣтушкахъ составляли одна, двѣ рогожки, глиняный горшокъ, одна, или пара фаянсовыхъ чашекъ, да мѣшки съ саговою мукою. Въ клѣткахъ корановъ,

или *капитановъ*, какъ называютъ еще дикари своихъ старшинъ, кромѣ того находились коробки и корзинки, изъ банановыхъ, или пандановыхъ листьевъ, куда кладутся товары и богатства. Въ одной изъ хижинъ, родѣ какого-то гинецея, мы увидѣли множество женщинъ, собравшихся въ общемъ сараѣ и занятыхъ разною работою; иныя плели рогожки, другія мяли глину и дѣлали изъ нея горшки разной величины. Одна изъ дикарокъ пѣла, а остальныя, съ удовольствіемъ, по видимому, прислушивались къ пѣнію. Флажолетъ случайно былъ въ карманѣ у одного изъ нашихъ моряковъ, сопутствовавшихъ нашей прогулкѣ. Онъ вынулъ флажолетъ и заигралъ. Невозможно изобразить, какое дѣйствіе оказала столь неожиданная гармонія. Всѣ дикарки оставили работы свои и столпились вокругъ нашего виртуоза. Потомъ начали онѣ пѣть, и пѣсни ихъ показались мнѣ пріятнѣе и лучше Малайскихъ, вообще весьма однообразныхъ. Мы хотѣли подарить пѣвицамъ разныхъ бездѣлокъ; онѣ покраснѣли, и сначала отказались, но потомъ пошли отыскивать нѣсколько корзинокъ съ бананами и обмѣняли ихъ намъ за наши пронизки. Это значило уже не подарокъ съ нашей стороны, но торговлю. Вмѣсто того, чтобы забрать бананы съ собою, мы раздѣлили ихъ дикаренкамъ, тутъ бывшимъ. Дѣти взяли отъ насъ плоды такъ скромно, учтиво, безъ жадности, безъ нахальства; каждый поднималъ ученки надъ головою, въ знакъ благодарности. Изъ дѣтей, такимъ образомъ воспитываемыхъ, конечно, выйдетъ народъ добрый и

общительный. Во все время, пока мы были между женщинами, дикари оказывали тревожное беспокойство. Знаками просили они насъ идти, и были восхищены, когда мы исполнили ихъ требованіе.

Среди домовъ, выпянутыхъ въ линію вдоль прибрежья, одинъ возбудилъ мое особенное любопытство. Онъ состоялъ изъ одной комнаты, съ треугольною крышею, а полъ въ немъ былъ изъ шести толстыхъ бревенъ, поставленныхъ поперегъ; каждое поддерживалось четырьмя толстыми сваями. Изъ этого выходилъ родъ колоннады въ четыре ряда, и каждая составлялась изъ шести бревенъ. Всѣ онѣ были рѣзныя, представляя человѣческія фигуры, грубыя, правда, но явственныя. Въ фигурахъ этихъ, совершенно нагихъ, половина, въ верхнемъ ряду, была мужескаго пола, а другая, въ нижнемъ ряду, представляла женщинъ. На каждой былъ тюрбанъ, или родъ шако, образуя капители, такъ, что въ соединеніи съ верхними фигурами, изображенія эти представляли какую-то общность правильнаго зодчества. Все, что могли мы узнать отъ нашихъ проводниковъ дикарей, состояло въ томъ, что зданіе имѣло какое-то религіозное назначеніе. Впрочемъ, ни по какому бревну съ зарубинами небыло туда входа.

У здѣшнихъ дикарей есть религія, главная сущность которой состоитъ, кажется, въ почтеніи, воздаваемомъ мертвымъ. Они тщательно заботятся о сохраненіи могилъ, кладутъ на нихъ приношенія и ставятъ уродливыя статуйки. Нѣкоторыя

изъ гробницъ сложной и соразмѣрной формы. Находясь вблизи Малезіи, Филиппинскихъ оспироввъ и Китая, дикари должны были перенять нѣсколько темныхъ понятій объ искусствѣ Азіятскомъ и промышленности Европейской. Такія первыя основанія знаній оказываются у нихъ въ успѣхахъ архитектуры, торговли и постройкѣ лодокъ. Лодки Гвинейцовъ совсѣмъ различны отъ Меланезійскихъ. Онѣ болѣе походятъ на Молукскія *коро-коро*. Одна изъ нихъ особенно поразила меня своею формою и размѣрами. Лучше Малайской барки, она весьма походила на наши большіе рыболовные боты. Проводники сказали намъ, что на этомъ суднѣ, каждые два года, жители Дореи посылаютъ дань свою, состоящую въ невольникахъ, черепахѣ, пшицахъ, миссойной корѣ, султану Тидорскому, котораго признаютъ своимъ властителемъ.

Наканунѣ нашего отъѣзда, одинъ изъ молодыхъ дикарей предложилъ намъ идти съ нимъ на похоронный праздникъ, долженствовавшій совершаться ночью, при свѣтѣ факеловъ. Церемонія происходила на открытой площадкѣ одного изъ домовъ. Сидя вокругъ блюдъ съ жареными свиньями, бананами, иньямами и таро, семейство покойника изъявляло свою горесть тѣмъ, что досыта набивало желудки кушаньями, въ честь умершаго. Болванчики, поставленные вокругъ стола, были передаваемы изъ рукъ въ руки, и каждый изъ присутствовавшихъ говорилъ имъ рѣчи. Двадцать дикарей находилось тутъ, и засѣданіе продолжилось до поздней ночи. Въ девять часовъ воротились мы на

корабль. Домъ, посѣщенный нами, былъ на самомъ краю селенія, и потому насъ хотѣли перевести туда по мостикамъ, по которымъ ходятъ сами дикари. Но мостики эти просто бамбуковыя палки, положенныя отъ одной хижины къ другой — переходъ, довольно похожій на канаты, служащіе для пляски акробатовъ. Дикари ходили по нимъ такъ спокойно, какъ будто по землѣ. Но мы, не получивши уроковъ въ балансерскомъ искуствѣ, принуждены были осѣдлывать каждый мостикъ, и передвигаться кое-какъ для достиженія изъ одного жилища въ другое.

Въ послѣдній день, проведенный нами на берегу, я хотѣлъ было уговорить одного изъ нашихъ проводниковъ вести меня къ Арфакамъ, но всѣ мои убѣжденія остались безполезными. Едва начинали мы говорить объ этомъ нашимъ пріятелямъ, они качали головою и отвѣчали намъ: « Это глупость — идти къ такимъ людямъ — тамъ тотчасъ зарѣжутъ! » Поводовъ къ такому отвращенію отъ сосѣдей, кажется, дикари нехотѣли изъяснить намъ. Далѣе разскажемъ, что думали объ этомъ Форрестъ и Дюрвиль. Принужденный отказаться отъ моего предпріятія, я рѣшился сдѣлать еще прогулку по берегу. Тутъ видѣлъ я прекрасныя насажденія, состоящія главнѣйше въ овощахъ, абрахъ, таро, иньямахъ, молодыхъ гибискахъ, и проч. — Тамъ и здѣсь, между расчищенными пространствами, оставалось еще нѣсколько огромныхъ деревьевъ, на которыхъ перелетывали изумрудные парадизы, украшенные блестящими своими плюма-

жами. Когда возвращался я въ селеніе, слухъ мой пораженъ былъ какимъ-то звукомъ, точно ударами молота; можно было сказать, что гдѣ нибудь вблизи находится кузница, или слѣсарня. Приближась къ этому мѣсту, въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ дикарскую кузницу, подъ открытымъ небомъ, остроумно устроенную и живописную. Дикари превращали тутъ въ украшенія піастры, отъ насъ полученные. Кузница состояла изъ мѣха и камня, вмѣсто наковальни. Мѣхъ, самой первобытной формы, составляли двѣ толстыя бамбуковыя дудки, поставленныя отвѣсно, одна подлѣ другой, какъ будто двѣ насосныя трубы. Горизонтальныя трубки, соединенныя на концѣ въ одну, служатъ для прохода воздуха, который поперемѣнно гонитъ изъ бамбуковинъ дикарь, посредствомъ двухъ палокъ, или помпъ, двигая ихъ, и сидя на вершинѣ дудокъ, на обрубкѣ дерева. Наковальня гранитный камень. Незная средствъ плавить и топить металлъ, дикари довольствуются тѣмъ, что размягчаютъ его, и потомъ даютъ ему потребную форму ковкою. Отъ этого теряется у нихъ много матеріяла, и имъ потребно значительное количество піастровъ для выдѣлки пары запястьевъ. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ по три и по четыре браслета на каждой рукѣ, выдѣлывая такое украшеніе изъ піастровъ, получаемыхъ отъ Бугисовъ, Китайцовъ и Европейцовъ.

Страсть туземцовъ къ пріобрѣтенію піастровъ оказалась въ чрезвычайной силѣ въ день нашего отъѣзда. Узнавши, что мы отправляемся 7-го Ав-

густа, дикари сбѣжались толпами, съ уступкою отдавая своихъ райскихъ птичекъ. Приплыли даже двѣ большія лодки изъ Эмбарбакена, селенія, находящагося на З. отъ Дореи, и гдѣ изумрудныхъ парадизокъ водится больше, нежели гдѣ нибудь. Въ одно утро накупили мы съ сотню, если неболѣе. Надобно прибавить, что ни одна небыла сохранена вполнѣ. Иныя даже полуизъѣдены насѣкомыми, а другія попорчены дурнымъ приготовленіемъ. Дикари обыкновенно отрѣзываютъ у птичекъ ноги, чтобы лучше сохранить ихъ, и это заставило прежнихъ путешественниковъ думать, будто у парадизокъ вовсе нѣтъ ногъ. Вѣроятно, по этому ошибочному мнѣнію, великій Линней назвалъ маленькую изумрудную Райскую птичку *Безногою парадизою* (Paradisæa Apoda).

Оставя гавань Дорейскую, Океанія обогнула мысъ *Маморн*, выдавшуюся почку полуострова, и направилась на З., при весьма слабомъ вѣтрѣ, перемежающихся штиляхъ и удушающемъ зноѣ. Почти только одни теченія двигали насъ по морю. Благодаря имъ, могли мы обплыть Ново-Гвинейскій мысъ Доброй Надежды (Goede-Hoop), замѣтный по горѣ, надъ которою высится пикъ въ видѣ полумѣсяца. Его назвалъ Дюрвиль горою *Дисера* (Diceras). Все это протяженіе береговъ покрыто деревьями до большой высоты, но по малому количеству дымовъ и рѣдкости обработанныхъ мѣстъ можно предположить, что населеніе здѣсь посредственное.

Горы Новой Гвинеи высились еще на небосклонѣ, когда появились передъ нами земли *Вайгіу*. Мед-

ленно плыла Океанія, 12-го и 13 Августа, мимо береговъ этого огромнаго острова. Тутъ мѣста, описанныя капитанами Фрейсине и Дюперреемъ, лѣса Равакскіе и Фофагакскіе. Но все это должно было намъ оставить безъ разсмотрѣнія, и удовольствоваться только взглядомъ съ корабля. Пендлетону хотѣлось еще остановиться на нѣкоторыхъ мѣстахъ Молукскихъ острововъ, до прибытія къ острову Ява. Наступали послѣдніе мѣсяца южнаго муссона, и надобно было ими воспользоваться. Мы удалились отъ Вайгіу и пошли прямо къ островамъ Молукскимъ.

Земли, съ которыми теперь разставались мы, суть послѣднія изъ принадлежащихъ къ Меланезіи-собственно. Онѣ граничатъ съ Малезіею, и по многимъ этнологическимъ отношеніямъ принимаютъ на себя часть ея характера. *Папу*, туземцы здѣшніе, составляютъ переходъ отъ племенъ Малайскихъ къ болѣе или менѣе дикимъ племенамъ Меланезскимъ, кончащимся въ другую сторону на островахъ Вити.

Новая Гвинея, или земля Папу, была открыта, какъ полагаютъ, около 1511 года, Португальцами Антоніо Абреу и Франциско Серрано. Около 1526, Іосія Менезесъ, при переходѣ отъ Малакка къ Молукскимъ островамъ, былъ увлеченъ вѣтрами и теченіями далеко на В. отъ Борнео. Здѣсь, направясь къ ю., онъ достигъ подъ экваторомъ гавани въ Папуской землѣ, названной имъ *Верзиха*, и остановился здѣсь, ожидая попутнаго муссона. Все, что мы знаемъ о пристанищѣ Менезеса, со-

стоитъ въ томъ, что оно находилось подъ экваторомъ, въ землѣ курчаваго народа Папу. Безъ сомнѣнія, можно полагать его недалеко отъ Дореи.

Черезъ два года потомъ, въ 1528 году, Испанскій генералъ, Алваръ Сааведра нечаянно попалъ въ землю Папускую, и провелъ даже мѣсяца два между тамошними дикарями, въ 250 льё отъ Молукскихъ острововъ. Туземцы были Негры, съ коротшкими, курчавыми волосами, ходили нагіе, но имѣли разныя желѣзныя орудія. По страсти тогдашняго времени, назвали землю этихъ Негровъ Islas de Oro—*Золотые острова*. Испанцы вездѣ мечтали о золотѣ. Въ разстояніи ста льё далѣе, дикари напали на корабль Испанскій, и троихъ изъ нападчиковъ Испанцы захватили въ полонъ. Сааведра воротился на Молукскіе острова, а черезъ годъ потомъ (въ 1529 году) пошелъ прежнею дорогою, и обошелъ по прибрежью Папуской земли до того мѣста, гдѣ взялъ прежде трехъ плѣнниковъ. При видѣ родной земли, двое дикарей бросились въ море и доплыли до берега, а третій, бывшій уже христіаниномъ, отправился туда съ согласія Испанцовъ, съ намѣреніемъ обратить въ истинную вѣру земляковъ. Двое убѣжавшихъ прежде его товарищей убили несчастнаго, едва только показался онъ на берегу. Кажется, что Сааведра плылъ около Папуской земли на протяженіи льё пяти-сотъ, и потомъ направился къ С. В.

Въ 1537 году, корабли Испанца Грихальва (Grijalva) посѣтили близъ экватора два острова,

названные *Менсумъ* и *Буфу*, и заселенные Папускимъ племенемъ. «Дикари здѣшніе черны,» говоритъ разсказъ,» курчавы, ѣдятъ человѣческое мясо, большіе мошенники, и дѣлаютъ такія злыя дѣла, что годятся быть чорту товарищами.» Разсказъ говоритъ еще о птицѣ, величиною съ журавля, которая неможетъ летать, но бѣгаетъ чрезвычайно скоро, и перья которой служатъ туземцамъ для украшенія головъ ихъ идоламъ.

Въ 1545 году, Иньиго Ортизъ де-Гатезъ, кажется, также опозналъ большую часть сѣвернаго берега земли Папуской, останавливаясь въ разныхъ мѣстахъ и открывая многіе новые острова. Въ эту экспедицію Испанцы дали обширной землѣ Папуской имя Новой Гвинеи, по сходству, какое находили они между ея жителями и дикарями Африканской Гвинеи.

Такимъ образомъ, уже въ то отдаленное время, какъ легко можно видѣть, хотя изъ смѣшанныхъ и неподробныхъ разсказовъ, земля Папуская была нѣсколько разъ изслѣдована. Всего лучше доказываетъ это, хотя и плохое, описаніе, какое издалъ, въ 1753 году, Николай Струикъ, о сѣверномъ берегѣ Новой Гвинеи, гдѣ является у него для различныхъ мѣстъ Папу множество Португальскихъ названій, которыя трудно однакожъ согласить съ новѣйшими изслѣдованіями Европейскихъ мореплавателей, и особенно Дюрвиля.

Достовѣрно то, что Голландецъ Шутенъ первый исправилъ всѣ прежнія свѣдѣнія о землѣ Папуской.

Онъ присталъ, 7-го Іюля 1616 года, къ *Вулканову* острову, гдѣ горѣлъ тогда дѣятельный волканъ. Дикари явились подлѣ корабля въ пяти, или шести лодкахъ съ перевѣсами, но никто непонялъ ихъ языка, даже Меланезецъ Моисей, за нѣсколько дней до того взятый Шутеномъ на Новой Ирландіи.

Прошедши, 9-го Іюля, острова, получившіе названіе *Шутеновыхъ*, Голландскій мореплаватель остановился передъ островомъ, который въ наше время названъ островомъ *Дюрвиля*. По разсказу Голландцовъ, у дикарей были короткіе, курчавые волосы, кольца въ ноздряхъ и въ ушахъ, перья на рукахъ и на головахъ, ожерелья изъ свиныхъ зубовъ въ носу и огромныя украшенія на груди. Они жевали бетель и были подвержены разнымъ болѣзнямъ и уродствамъ. Жилища ихъ возвышались на 8-мь и на 10-ть футовъ отъ земли. Два селенія замѣчены на берегу; отъ нихъ выплыло къ кораблю нѣсколько лодокъ, но трудно было завести мѣну съ дикарями, находившимися въ лодкахъ. Они имѣли при себѣ нѣсколько кокосовъ, но ставили ихъ въ дорогую цѣну, требуя аршинъ ткани за четыре кокоса. Что касается до свиней, то они ни за что нехотѣли ихъ уступать.

Въ теченіе многихъ дней, Шутенъ плавалъ около береговъ, самъ незная, гдѣ онъ находится; 15-го бросили якорь подлѣ двухъ острововъ, обильныхъ кокосами и отдѣленныхъ отъ большой земли проливомъ, около мили шириною. Капитанъ послалъ къ берегу шлюпки. Дикари спрятались въ лѣсахъ, и оттуда пустили нѣсколько стрѣлъ. Имъ

отвѣчали изъ небольшой пушки, но число дикарей умножилось и надлежало удалиться къ кораблю. Потомъ видѣли два другіе острова, въ 5-ти, или 6 миляхъ отъ берега, называемые *Аримоа*. Недовольствуясь сборкою тупѣ кокосовъ, Голландцы сожгли нѣсколько жилищъ. Хотя разсерженные, и крича отъ ярости, туземцы непосмѣли однакожь напасть на корабли, ядра съ которыхъ прыгали по берегу. Вечеромъ заключили миръ и подтвердили его нѣсколькими кокосами. Дѣло такъ сладилось, что произведены были значительные промѣны. Можно было добыть сколько угодно кокосовъ за пронизки, старые гвоздья и ржавые ножи. Впрочемъ, казалось, что дикари имѣли уже довольно частыя сношенія съ Европейцами. Безъ сомнѣнія, у нихъ была война съ сосѣдями, ибо, когда лодки показались съ В. стороны, они просили стрѣлять по нихъ.

Еще острова появились 21-го ч.; вѣроятно, *острова Злодѣевъ;* обитатели приплыли торговать въ большихъ лодкахъ, наполненныхъ сушеною рыбою, кокосами, бананами и табакомъ. Они приблизились съ робкимъ видомъ, поливая воду на головы, въ знакъ дружбы. Языкъ ихъ различался отъ языка островитянъ Аримоа. Оловянныя кольца висѣли въ ихъ носахъ, а на рукахъ носили они перламутровые браслеты. Прибыла еще лодка, съ другаго острова, имѣя съ собою припасы и Китайскій фарфоръ. Дикари, на ней бывшіе, казались рослѣе и болѣе темнаго цвѣта, нежели прежніе. Имъ полюбились пронизки и желѣзо. Въ ушахъ у нихъ

были серьги изъ разноцвѣтнаго синяго стекла. Оставивъ сей островъ, Шутенъ обогнулъ еще одинъ, весьма высокій, и западную конечность его назвалъ мысомъ Доброй Надежды (Goede-Hoop), что было потомъ присвоено Дампіеромъ болѣе западному мысу. Послѣ столь удачнаго плаванія, Шутенъ обратился къ Молукскимъ островамъ.

Въ 1622 году Роггевеинъ также видѣлъ нѣкоторыя части Новой Гвинеи. Онъ коснулся купы Аримойской, гдѣ двѣсти лодокъ привезли ему запасовъ; перешелъ купу, названную имъ *Тысячаострововъ* (безъ сомнѣнія, острова Злодѣевъ), гдѣ дикари, по извѣстіямъ его, были съ густыми, курчавыми волосами на головахъ, и съ проколотымъ носовымъ хрящемъ, куда вставляли они палочку. Назывались они *Папу*.

Въ 1643 году, Голландецъ Авель Тасманъ опозналъ островъ Вулкана, съ его огнедышащимъ жерломъ; имѣлъ сношенія съ жителями острова *Яма*, и мѣнялся съ ними на запасы; видѣлъ на В. островъ Моа, гдѣ добылъ 6000 кокосовъ и 100 связокъ пизанговъ. Тутъ матрозъ раненъ былъ стрѣлою дикаря, и нападчика выдали Голландцамъ. Кромѣ этой ссоры, всѣ сношенія кончились очень мирно.

Послѣ Тасмана, лѣтъ на шестдесятъ забыли Новую Гвинею. Англичанинъ Дампіеръ, въ 1700 году, первый извлекъ ее изъ забвенія. Онъ видѣлъ часть самаго западнаго ея берега, открылъ небольшой островъ *Пуду-Сабудъ*, передъ заливомъ

Маклуерскимъ, и перешелъ потомъ къ сѣверному прибрежью, гдѣ проплылъ на значительное разстояніе. Онъ видѣлъ еще островъ Шутена и открылъ островъ *Провидѣнія*. Поворотивъ обратно, онъ нашелъ путь по проливу, носящему его имя, утвердилъ дѣленіе двухъ большихъ земель, означилъ маленькую огнедышащую землю въ проливѣ, другіе острова, которые назвалъ *Рычь, Рукъ, о. Вѣнца,* и волканъ острова *Горящаго,* осмотрѣлъ наконецъ острова Шутена, между которыми замѣтилъ лодку на парусахъ. Направляясь еще на З., онъ прошелъ въ высотахъ Мизори и Провидѣнія, и здѣсь оставилъ море Ново-Гвинейское.

Въ 1705 году, небольшой Голландскій корабль Гельвинкъ изслѣдовалъ отчасти большой заливъ, носящій его имя, но по систематической-ли скрытности, или по недостатку свѣдѣній, объ этой экспедиціи неосталось никакихъ документовъ. Флерьё поставилъ даже осмотрѣнный Гельвинкомъ заливъ двѣсти льё восточнѣе настоящаго положенія.—Въ этомъ-же году Англичанинъ Фуннель видѣлъ часть С. З. береговъ Новой Гвинеи, жители которыхъ неоказали желанія идти къ кораблю Фуннеля.

Потомъ прошло опять шестдесятъ лѣтъ, пока Бугенвиль, въ 1768 году, подошелъ къ землѣ Ново-Гвинейской, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Дюрвиль помѣстилъ въ послѣдствіи заливъ Гумбольдта, и отсюда прошелъ онъ на значительное разстояніе. — Кукъ тоже учинилъ по южному берегу, въ 1770 году, достигнувъ до окрестностей мыса Вельша.

Онъ покушался даже выйдти на берегъ за сборкою запасовъ, но дикари засѣли въ засаду, бросали въ Англичанъ дрошики, и кромѣ того многіе изъ нихъ пускали, изъ какого-то орудія, пустой дудки, огонь. Какъ это дѣлалось, узнать немогли, но только въ нѣкоторомъ разстоянiи, это метаніе огня совершенно походило на выстрѣлы огнестрѣльнаго оружія, исключая, что звука отъ него небыло. Дикари, по замѣчанію Кука, уподоблялись Ново-Голландцамъ, кромѣ того, что казались цвѣта нестоль темнаго. Англійскій мореплаватель первый передалъ намъ нѣсколько достовѣрныхъ подробностей объ южной части Новой Гвинеи, хотя, по его собственному признанію, сіи мѣста были посѣщены въ предшествовавшихъ временахъ Испанцами, Голландцами и Португальцами, сохранившими молчаніе о своихъ открытіяхъ.

Въ 1774 году, капитанъ Форрестъ приходилъ на Малайской лодкѣ (коро-коро), взять нѣсколько мушкатныхъ растеній на западномъ берегу Новой Гвинеи. Онъ вошелъ въ портъ Дорейскій и первый собралъ достовѣрныя извѣстія о землѣ Папуйской.—Въ 1790 и 1791 годахъ, Маклуеръ, кажется, совершилъ важныя изслѣдованія на западномъ прибрежьи земли Папуской. Извѣстно, что онъ открылъ весьма глубокій заливъ, образующій изъ З. части сей великой земли полуостровъ, почти отдѣленный отъ остальнаго пространства. Но сіе изслѣдованіе, впрочемъ мало вѣдомое, кажется, сопровождалось большою неточностью.—Въ 1792 году, Дантркасто опозналъ около 40-ка льё по бере-

гамъ Ново-Гвинейскимъ, въ окрестностяхъ залива Гуона, на Ю. В. приморьи, и почти столько-же въ окружности мыса Доброй Надежды. Но въ своихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ на ходу, Французы неимѣли никакихъ сношеній съ туземцами.

Въ 1823 году, капитанъ Дюперрей удовольствовался обозрѣніемъ острововъ Шутена. Въ 15-ти, или 20-ти льё разстояніемъ видѣлъ онъ пики нѣкоторыхъ изъ горъ большой земли, но на слѣдующій годъ было проведено имъ пятнадцать дней въ гавани Дорейской, и снято прибрежье на 20, или 30 льё къ З. отъ этой гавани. Во время сей стоянки, изысканія и труды естествоиспытателей пояснили произведенія земли во всѣхъ родахъ. Описаніе путешествія Дюперреева еще неиздано, но мы имѣемъ у себя журналъ Дюрвиля, бывшаго лейтенантомъ при экспедиціи, и изъ него можемъ почерпнуть нѣсколько подробностей. Вотъ разсказъ о пребываніи въ Дореи и прогулкахъ по окрестностямъ залива:

« Вопросы, какіе дѣлалъ я на Малайскомъ языкѣ нѣсколькимъ дикарямъ, заставили меня думать, что большую часть припасовъ своихъ, какъ-то напитки, табакъ, таро, получали они отъ Гарфуровъ, и разсказъ Форреста еще болѣе утвердилъ меня въ этомъ мнѣніи. Невозможно было сему мореплавателю имѣть никакихъ сношеній съ Гарфурами; Папу противились этому, и казались даже весьма недовольны желаніемъ, если кто нибудь хотѣлъ пройдти къ Гарфурамъ.

« Такъ поступили они и со мною, истощивъ всякія средства, чтобы заставить меня отказаться отъ моего намѣренія посѣтить Гарфуровъ. Такое предположеніе имъ особенно неправилось. Одни вовсе нехотѣли меня слушать; другіе казались непонимающими моихъ рѣчей, и самые учтивые истощили всю свою риторику, стараясь отговорить меня отъ прогулки. Наконецъ, приманкою *компана* (піастра) и добраго ножа успѣлъ я уговорить одного молодаго Папу, съ смышленою физіогноміею лица, провожать меня до Гарфурскихъ селеній. Незнаю, пересказалъ-ли онъ кому нибудь изъ своихъ о нашемъ договорѣ, или самъ вдругъ перемѣнилъ рѣшеніе, но едва только сѣлъ со мною въ лодку, страхъ овладѣлъ имъ, и для своего извиненія истощилъ онъ всѣ возможныя отговорки, голодъ, жажду, говорилъ даже, что ему тошнится.

« Когда мы переправились къ селенію, изъявленія робости его удвоились. Онъ схватилъ свой лукъ и стрѣлы, увѣряя, что Арфаки самые злые люди, и поминутно убьютъ насъ, если мы неприготовимъ ружей. Но я нехотѣлъ взять ни одного ружья, чтобы непотревожить новыхъ нашихъ знакомцовъ, которыхъ хотѣлъ посѣтить, и взялъ только маленькій заступъ, чтобы вырывать имъ растенія. Провожалъ меня одинъ человѣкъ, также безъ оружія, неся только съ собою корзинку для травъ.

« Неслушая моего указателя, я пустился по первой тропинкѣ, какая мнѣ представилась, и казалось вела во внутренность земли. По случайности, довольно странной, въ послѣдствіи узналъ

я, что это была единственная изъ многихъ, долженствовавшая довести меня до моей цѣли, къ большому моему счастію, ибо въ томъ расположеніи, въ какомъ былъ мой руководитель, если-бы я ошибся, почти за достовѣрное можно сказать, что онъ невывелъ-бы меня на настоящую дорогу. Мы перешли опушку прибрежья, довольно узкую, и состоящую изъ кустарника весьма красиваго вида, и только кое-гдѣ уставленную большими деревьями. Мой дикарь неоставлялъ хныканья и усилій, чтобы заставить меня воротиться, или по крайней мѣрѣ, идти побочными дорожками. Жалобы его мнѣ надоѣли, и я сурово далъ ему знать, что мнѣ нѣтъ въ немъ надобности, и что я хорошо и одинъ дойду до Гарфуровъ. Надобно было рѣшиться—онъ вздыхалъ, но пошелъ впередъ, безъ сомнѣнія, боясь потерять плату, о которой мы условились.

Почти черезъ четверть часа ходьбы, когда мы оставляли прибрежный перелѣсокъ, чтобы взойдти на холмъ, за нимъ находящійся, увидѣлъ я большую загородку, наполненную бананами и таро, весьма зелеными и густыми, но довольно плохо содержимыми; все это было окружено крѣпкимъ палисадомъ. Я остановился поглядѣть; мой дикарь внезапно подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ, что жены Арфаки были тутъ спрятаны, и отнюдь недолжно сюда идти, если я нехочу быть зарѣзаннымъ. Такимъ угрозамъ я почти неповѣрилъ, но глядя кругомъ, замѣтилъ на возвышеніи долины обширное зданіе, поставленное на высокихъ обрубкахъ, и походив-

шее на редушъ. Пока обозрѣвалъ я странный видъ этого строенія, мой Папу началъ кричать, и отвѣтомъ ему были смѣшанные клики, въ которыхъ различилъ я женскіе голоса.

« Дикарь возобновилъ свои убѣжденія, заставляя меня удалиться, но тутъ я началъ понимать настоящую причину всѣхъ его ухищреній. Невозможно было, чтобы люди, съ которыми такъ дружески онъ перекликался, были страшные Арфаки, самую встрѣчу съ коими представляли намъ чѣмъ-то опаснымъ. Все говорило, напротивъ, что здѣсь долженствовало быть мѣсто, куда удалились жены Папу съ ихъ дѣтьми, чтобы непоказаться Французамъ. Наканунѣ, мы съ Дюперре посѣтили селеніе дикарей, и удивились, найдя большую часть хижинъ пустыми. Женщины ни одной небыло. Вѣроятно, дикари, видя прибытіе новаго корабля съ неизвѣстнымъ дотолѣ флагомъ, стали подозрѣвать намѣреніе незнакомыхъ пришлецовъ, и положили, что всего вѣрнѣе было спрятать женъ и дѣтей отъ гостей незваныхъ, изъ опасенія, чтобы они ихъ непохитили. Случай завелъ меня въ мѣсто убѣжища, и конечно, это было причиною всѣхъ опасеній, безпокойствъ и изворотовъ моего проводника.

« Тутъ я изъяснилъ моему провожатому, какъ умѣлъ, что во мнѣ нѣтъ ни малѣйшей охоты видѣть женщинъ, запертыхъ въ этой загородкѣ, но непремѣнно хочу я посѣтить Гарфуровъ. Все это было еще не то, чего ему хотѣлось, но мое объясненіе немного успокоило его, и мы начали взби-

раться далѣе на возвышенность земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, она довольно крута, и водные потоки, текущіе по граниту, дѣлаютъ дорогу весьма скользскою. Индѣ пересѣкаютъ ее разсѣлины и рытвины, черезъ которыя должно пробираться по колодамъ деревъ, служащимъ мостиками. Едва начали мы подыматься, десятка полтора дикарей, вооруженныхъ ножами, луками и стрѣлами, явились передо мною. Они изъявляли живое безпокойство, но негрозили, непоказывали непріязни. Я посмотрѣлъ на моего Папу; онъ казался смѣшавшимся, но нисколько неиспугался, и я заключилъ, что опасности никакой небыло. Подойдши къ новымъ незнакомцамъ, предложилъ имъ нѣсколько подарковъ, постарался дать имъ выразумѣть, что на женъ ихъ я неимѣю никакихъ замысловъ — все это было мною сдѣлано. Дикари слушали, глядя на меня съ удивленіемъ. Явно видно было, что они ничего непонимаютъ, изъ всего, что старался я имъ вразумить, но однакожъ они смирно посторонились и дали мнѣ дорогу. Одинъ изъ нихъ даже предложилъ въ отплату за мои подарки райскую птичку, изъ рода *Superbe*, довольно хорошо сбереженную, и живаго кангуру. Птичку взялъ я себѣ, а звѣрка отослалъ на корабль.

« Видя, что я продолжаю мой путь, товарищъ мой казался немного разувѣрившимся, говорилъ мнѣ о дикаряхъ, попавшихся на встрѣчу, что это нешакіе Папу, какъ онъ, но животные, скоты, неумѣющіе ни говорить, ни понимать *Малайо*. Всѣ выраженія его на счетъ ихъ были ознаменованы изъ-

явленіемъ полнаго презрѣнія. Наконецъ дошли мы до обширной загородки, окружавшей большую хижину на вершинѣ холма. Безъ препятствій вошелъ я въ нее, и изъявилъ двумъ, или тремъ дикарямъ желаніе осмотрѣть ихъ жилище. Они согласились, безъ всякаго видимаго противорѣчія, и провожали меня при осмотрѣ. Толстое, наклоненное бревно, съ большими зарубинами, служило лѣстницею. Зданіе состояло изъ огромнаго сарая, около 100 футовъ длины, поддерживаясь на высотѣ почти 20 футовъ, на сложныхъ подставкахъ. Внутренность составлялъ во всю длину корридоръ, съ комнатками по обѣимъ сторонамъ. По обоимъ концамъ были устроены площадки. Словомъ, расположеніе этого дома было совершенно похоже на строенія, какія воздвигаютъ Папу надъ водою. Женщинъ и дѣтей тутъ небыло. Хозяева предложили мнѣ поѣсть хлѣба, сагу, таро и другихъ кушаньевъ, и были въ этомъ случаѣ вѣжливѣе и гостепріимнѣе Папу, никогда непредлагавшихъ мнѣ ѣствъ. Когда вышли мы изъ хижины, мой путеводитель, и нѣкоторые изъ присоединившихся къ нему товарищей, покушались снова уговаривать меня воротиться. Но я продолжалъ слѣдовать по торной дорожкѣ, перешелъ черезъ красивый ручеекъ прѣсной воды, и потомъ вступилъ на возвышенность далѣе. Тутъ увидѣли мы еще жилище, похожее на осмотрѣнное нами и кругомъ огороженное. Несмотря на возраженія моихъ сопутниковъ, дошелъ я до самаго зданія, но нерѣшился входить въ него. Вокругъ бродили тутъ маленькія свиньи, го-

раздо красивѣе Европейскихъ, съ щетиною совершенно рыжаго цвѣта (fauve) и съ хвостомъ болѣе длиннымъ. Замѣтилъ я также нѣсколько куриць. Вторая эта хижина была туазахъ въ 120-ти выше морскаго уровня, и въ полу-льё отъ приморья.

«Дикари мои, и особенно проводникъ, болѣе прежняго стали требовать, чтобы я воротился. Рѣшительно объявилъ я имъ, что хочу видѣть Арфаковъ и говорить съ ними. Папусцы казались сначала въ замѣшательствѣ отъ этого, а потомъ путеводитель мой признался, что оба строенія принадлежали Арфакамъ, и только на приморьи были селенія Папусцовъ. Все это объяснялъ онъ мнѣ такъ, что казалось будто нехотѣлъ уже меня обманывать. Хозяева хижинъ, своими пѣлодвиженіями, по видимому, подтверждали справедливость его словъ. Тутъ объявилъ я, что хочу видѣть *Гарфуросъ*, и всѣ начали меня увѣрять, что такого народа здѣсь вовсе нѣтъ. Въ семъ отношеніи надлежало мнѣ остаться въ совершенномъ невѣдѣніи. Названіе «Гарфуръ» должно-ли прилагать къ Арфаки, или относить къ горнымъ обитателямъ? Совершенно-ли неизвѣстно оно въ Дореи, или обозначаютъ имъ племена, находящіяся далѣе внутрь земли? Для рѣшенія такихъ вопросовъ надлежало лучше знать языкъ Папускій.

«Еще на милю, или на двѣ продолжилъ я далѣе мою прогулку, но ничего невидалъ, кромѣ мрачныхъ, величественныхъ лѣсовъ, тамъ и сямъ представлявшихъ нѣкоторые перелѣски; эти мѣста, гдѣ

деревья были отчасти выжжены, отчасти срублены, по видимому, предназначались для насажденій. Впрочемъ, жилищъ и слѣда небыло видно. Наконецъ погода начала перемѣняться; дикари непереставали тревожить меня просьбами воротиться назадъ. Если-бы я вывелъ ихъ совершенно изъ терпѣнія, ручаться было нельзя, что легко могли отправить въ меня нѣсколько стрѣлъ, такъ, что я и непонялъ-бы откуда онѣ прилетѣли, а на кораблѣ и догадаться-бы немогли гдѣ я остался. Все это заставило меня повернуть къ берегу, тѣмъ болѣе, что я успѣлъ составить порядочный запасъ растеній и насѣкомыхъ. Жесткокрылыхъ особенно отыскалъ я много новыхъ родовъ, около травъ, росшихъ кругомъ хижинъ; напрасно было-бы искать ихъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ около залива. Въ два часа былъ уже я на кораблѣ.

«Проводникъ дошелъ со мною до прибрежныхъ жилищъ, и я упрекалъ его за безпрерывные обманы и лукавство, какіе видѣлъ съ его стороны во все время прогулки. Бѣднякъ казался тронутымъ моими укоризнами, и такъ смѣшался, что мнѣ наконецъ жаль его стало. Въ своемъ упорномъ отнѣкиваньи, вѣроятно, слѣдовалъ онъ приказамъ своего начальника. Потому, я расплатился съ нимъ хорошо, далъ ему ножикъ, ожерелье и зеркальцо, и эта щедрость тѣмъ болѣе его обрадовала, что онъ, какъ казалось, уже потерялъ всю надежду на вознагражденіе труда.»

Несмотря на всѣ исчисленныя мною путешествія, Новая Гвинея за восемь лѣтъ прежде была еще не-

совершенно извѣстна. Незнали очерковъ земель ея, неровностей ея береговъ и положенія обширныхъ, прорѣзывающихъ ее заливовъ. *Астролябія*, подъ начальствомъ Дюмонъ-Дюрвиля, долженствовало совершить этотъ огромный географическій трудъ, хотя потери, понесенныя ею при Тонга-Табу, дѣлали такое предпріятіе весьма труднымъ. Перешедши 2-го Августа 1827 года, проливъ Дампіера, Дюрвиль началъ тщательное изслѣдованіе береговъ, на протяженіи 350 льё, съ точностью методы самой строгой.

Астролябія опознала такимъ образомъ островъ Вулкана въ проливѣ, и нашла кратеръ его потухшимъ; острова Рукъ, Тюпинье, Лотшенъ, Длинный, Вѣнца, Ричъ, дотолѣ едва очеркнутые на картахъ; назначила направленіе безмѣрной цѣпи горъ Финистерре; первая нашла заливъ Астролябіи; еще разъ осмотрѣла острова Дампіера, Вулкана, прошла всѣ острова Шутена, сняла другіе, прежде неизвѣстные острова подлѣ береговъ, открыла заливъ Гумбольдта, обставленный съ обѣихъ сторонъ огромными пиками горъ Бугенвиля и Циклоповъ. Безъ предшествовавшей потери якорей, что дѣлало для него стоянки трудными и опасными, Дюрвиль повѣрилъ-бы внутренній очеркъ упомянутаго важнаго залива.

Льё въ десяти на В. отсюда, Астролябію увлекло къ берегу тишью и теченіемъ; дикари явились въ лодкахъ, и казалось, хотѣли напасть, но пушечный и ружейный выстрѣлы избавили Французовъ

отъ скучной ссоры. Впрочемъ, это было единственное приключеніе въ такомъ родѣ. Дюрвиль продолжалъ путь свой, прошелъ между материкомъ и островами Аримойскими, пересѣкъ полосу безцвѣтныхъ водъ, на С. отъ мыса, получившаго его имя, и подозрѣвалъ, что значительная рѣка должна впадать въ море съ этой высоты берега. Вступивши потомъ въ заливъ *Jobie*, прежде неизслѣдованный никѣмъ, узнали положеніе острововъ Jobie, Mysory, Bultig, Longue (Длиннаго), и наконецъ, 25-го, стали въ гавани Дорейской, гдѣ и провели десять дней.

Едва корверта бросила якорь, какъ ее окружили дикарскія лодки, и начали торговать съ матрозами. Довѣріе такъ хорошо утвердилось прежнимъ пребываніемъ *Раковины*, что даже и дикарки недумали оставлять жилищъ своихъ. Прибытіе Французовъ нисколько неизмѣнило образа жизни дикарей. Явилась только удвоенная торговая дѣятельность. Сошедши на берегъ, Дюрвиль желалъ продолжить, послѣ четырехъ-лѣтняго промежутка, свои изслѣдованія въ селеніяхъ Арфаковъ, все еще надѣясь имѣть подробнѣе свѣдѣнія объ этомъ таинственномъ племени. Мы приведемъ здѣсь собственное описаніе капитана:

«Четыре молодые Папу, которымъ обѣщалъ я въ награду разныхъ бездѣлокъ, должны были препроводить меня къ тому мѣсту, гдѣ наиболѣе находится райскихъ птичекъ. Минутъ десять шли мы черезъ пріятную долину, расположенную по прибрежью, и прибыли къ увалу, довольно крутому, но

мало возвышенному, и вообще покрытому большими деревьями. Дожди сдѣлали здѣсь тропинки весьма скользскими и трудными для всхода. Достигнувъ высоты около 100 футовъ, мы очутились на ровной долинѣ, которую занимаютъ и обрабатываютъ Арфаки, друзья приморскихъ Папу. Но взаимное недовѣріе гнѣздится однакожъ между сими племенами. Во время пребыванія тутъ Раковины, когда въ первый разъ открылъ я тутъ мѣсто жилья Арфаковъ, прибрежные Папу употребляли всѣ возможные способы, чтобы воспрепятствовать мнѣ имѣть какое нибудь сообщеніе съ ихъ сосѣдями, но увѣряя, что Арфаки убьютъ меня и отрѣжутъ мнѣ голову, но говоря, что они скоты, подобные животнымъ, неспособные понимать, ни моего, ни ихъ разговора, и заслуживающіе всякое презрѣніе. Явно было, что Папу хотѣли сохранишь себѣ монополію торговли, и имъ досадно было видѣть Арфаковъ, раздѣляющихъ выгоды, какія пріобрѣтались отъ сношеній съ нами.

«Тогда цѣлое поколѣніе Арфаковъ, человѣкъ, думаю, съ полтораста, обитали въ двухъ обширныхъ деревянныхъ зданіяхъ, поставленныхъ на сваи, въ 30-40 футовъ вышиною, куда взлѣзали по бревну съ зарубинами. Бревно это убиралось внутрь жилья съ наступленіемъ ночи, или при появленіи непріятеля. Каждое семейство жило тутъ въ отдѣльной комнаткѣ, и каждое изъ обоихъ строеній содержало въ себѣ до двадцати такихъ комнатъ. Арфаки приняли меня тогда съ большою вѣжливостью, и будучи гостепріимнѣе Папуевъ, подчивали

даже меня разными ѣствами, чего никогда недѣлали Папу.

«Въ прежнихъ положеніяхъ этихъ зданій, на краю глубокой рытвины, съ площадокъ, какими они оканчивались, видъ былъ восхитительный. Общность Дорейской гавани, веселые острова Мана-Суари и Масмапи, весь берегъ, убѣгающій къ югу за предѣлы зрѣнія, и надъ всѣмъ этимъ величественныя громады Арфакскихъ горъ, составляли картину, по истинѣ, удивительную. Это дикая природа во всей своей роскоши, въ полной угрюмости! Съ удивленіемъ видитъ мореплаватель подъ огнемъ экватора эту мощь произрастанія, это преизобиліе соковъ, покрывающее деревьями, папоротями и дикими растеніями земли, по видимому самыя неблагодарныя и каменистыя. Нигдѣ въ свѣтѣ незамѣчалъ я растеній величины столь безмѣрной. Обыкновенные размѣры въ этихъ лѣсахъ превосходятъ все, что только видалъ я въ этомъ родѣ.

«Теперь оба обширныя строенія Арфаковъ оставлены и разваливаются. Дикари поселились въ пяти, или шести хижинахъ гораздо менѣе, построенныхъ въ родѣ прежнихъ, но нестоль высокихъ, и въ 200—300 шагахъ далѣе. Жилища ихъ окружаютъ прекрасныя насажденія таро, куржей (тыквъ), маиса, калаванзовъ, банановъ, и проч. — Дружески пошли дикари ко мнѣ на встрѣчу, и предложили мнѣ разныхъ ѣствъ, но я поблагодарилъ ихъ и отправился далѣе.

«Вскорѣ очутились мы среди обширныхъ, мрачныхъ лѣсовъ. Провожатые стали увѣрять меня, что здѣсь наиболѣе живутъ птицы, которыхъ я искалъ. По причинѣ-ли дождя, шедшаго всю ночь, или почему либо другому, невидалъ я однакожь ни одной изъ этихъ блестящихъ пернатыхъ, и неслыхалъ даже ихъ обыкновеннаго крика: *куа, куа,* столь рѣзкаго и столь замѣтнаго между другими птичьими голосами. Въ лѣсахъ этихъ, потому, что мало мѣлкихъ деревъ, ходить очень удобно, и прогулка можетъ быть весьма пріятною, въ самое жаркое время дня, подъ огромными и непроницаемыми куполами зелени.

«Проходивши довольно скоро болѣе двухъ часовъ, черезъ нѣсколько овраговъ и густыхъ кустарниковъ, безъ всякой замѣчательной встрѣчи, мы сошли по покатости болѣе отлогой, нежели та, гдѣ мы взошли, и очутились на приморьи, подлѣ входа въ проливъ Дорейскій, между мысомъ Вакало и оконечностью Амбла.

«Весь участокъ берега, отъ этого мѣста до селеній, образуетъ долину, около мили въ ширину по приморью, занятую насажденіями разнаго рода. Хотя и плохо содержимыя, сіи плантаціи представляютъ, по крайней мѣрѣ, землю болѣе открытую и болѣе удобную для ходьбы, нежели всѣ другія окрестности Дорейской гавани. Узкія тропинки даютъ Европейцу возможность гулять здѣсь безъ утомленія; я замѣтилъ также, что различные роды насѣкомыхъ здѣсь разнообразнѣе и многочисленнѣе, нежели въ мѣстахъ оставленныхъ ди-

кой природѣ. На немногихъ деревьяхъ, сохраненныхъ среди плантацій, мы видѣли перелетающихъ изумрудныхъ парадизокъ, но невозможно было ни къ одной подойдти на ружейный выстрѣлъ.

« Я пустился по тропинкѣ, слѣдующей направленію берега, и достигъ селеній Дореи и Куао. При нашемъ приближеніи, дикарки изъявили еще нѣкоторую робость, но мужчины и дѣти совершенно ознакомились съ нами, и безъ труда провожали насъ всюду, куда только хотѣли мы идти. Побесѣдовавши съ ними нѣсколько времени, подъ тѣнью прекраснаго автокарпа, къ тремъ часамъ возвратился я на корабль. Самый любопытный результатъ моей охоты составлялъ красивый *майнатъ*, птица, которую, года за три прежде, видѣлъ я въ Сурабаіа у полковника Боннелля; ее можно пріучить къ домашнему быту, какъ у насъ пріучаютъ скворца и дрозда. »

Доброе согласіе между Папуйцами и экипажемъ Астролябіи чуть было неразрушилось по непредвидѣнному приключенію, которое осталось-бы неизъяснимо, безъ замѣчаній, какія могъ собрать Дюрвиль о характерѣ Папуйцовъ, даже прежде ссоры. Наканунѣ ошбытія, въ одного матроза, занятаго наливаніемъ воды на берегу, нечаянно и безъ всякаго предварительнаго неудовольствія, ударили стрѣлою изъ чащи лѣса. Товарищи его почли это знакомъ нападенія, подняли крикъ, и Дюрвиль почелъ необходимостью выстрѣлить изъ пушки, какъ для острастки дикарей, такъ и для вѣсти морякамъ, находившимся въ разныхъ мѣстахъ по бере-

гу, и особливо партіи охотниковъ, состоявшей изъ четырехъ офицеровъ и четырехъ матрозовъ.

« При первомъ знакѣ тревоги, » говоритъ Дюрвиль, « дикаренки, бывшіе у насъ на кораблѣ, поспѣшно бросились въ лодки, пораженные ужасомъ, и со страхомъ крича: *Арфаки, Арфаки!* Вскорѣ появилась наша шлюпка отъ берега, и воротилась къ кораблю съ большою лодкою; въ ней былъ Белланже, матрозъ, жестоко раненый стрѣлою. Она состояла изъ тростины, съ концомъ весьма остpымъ, вошла въ спину, глубоко проникла въ тѣло, и выпала потомъ, когда Белланже бросился бѣжать.

« Опомнившись отъ страха, матрозы Кемене и Виньо разсказывали, что оба они были заняты съ Белланже наливаньемъ воды, когда вдругъ увидѣли его упавшаго отъ удара стрѣлою. Въ тоже мгновеніе, два дикаря бросились къ нимъ, чтобы схватить бывшее у нихъ ведро. Всѣ наши кинулись поспѣшно къ шлюпкѣ, а дикари съ своей стороны убѣжали въ лѣсъ. Люди, посланные мною на большую лодку ничего немогли открыть, и только принесли убійственную стрѣлу, которую спряталъ я у себя.

« По всѣмъ разсказамъ казалось правдоподобнымъ, что непріязненный этотъ поступокъ надлежало приписать Арфакамъ, обитателямъ внутреннихъ высотъ. Крикъ дикаренковъ, когда побѣжали они съ корабля, и постоянно дружеское обхожденіе Папуевъ, давали достовѣрность такому мнѣнію.

« Но чтобы непренебречь никакой осторожности необходимой въ подобныхъ случаяхъ, и обезопасить возвращеніе нашихъ охотниковъ, я отправилъ къ Дорейскому селенію шлюпку, хорошо вооруженную, подъ начальствомъ г-дъ Грессьена и Пари. Имъ приказано было держаться въ порядочномъ разстояніи отъ берега и тщательно наблюдать движенія дикарей; если-бы они оказались явно враждебны, посланнымъ надлежало немедленно воротиться къ кораблю, а въ противномъ случаѣ неоказывать ничего непріязненнаго, быть осторожнымъ, и спокойно ждать возвращенія на корабль нашихъ охотниковъ. Въ такомъ случаѣ, когда дикари стали-бы дѣйствовать непріятельски, я рѣшался немедленно подвинуть корабль къ берегу, и — уничтожить ихъ жестоко. Быстрое только и строгое наказаніе могло остановить ихъ дальнѣйшую дерзость.

« Но минутъ черезъ двадцать послѣ моей посылки, двое нашихъ охотниковъ явились, одинъ за другимъ, на прибрежьи Нину-Камонди. Каждаго изъ нихъ сопровождали Папуйцы, по видимому съ изъявленіемъ прежнихъ чувствъ пріязни и дружества, и это отчасти успокоило меня на счетъ другихъ.

« Вскорѣ явился къ намъ г-нъ Бертранъ, трепеща отъ страха, въ небольшой лодкѣ, правимой *капитаномъ* Укема, единственнымъ Папу, который во время происшедшей тревоги рѣшился плыть къ кораблю. Добрый этотъ капитанъ былъ на рыбной ловлѣ, и едва услышалъ пушечный выстрѣлъ, и звукъ раковинной трубы, раздавшійся между ди-

карями, какъ приблизился къ берегу, взялъ г-на Бертрана въ свою лодку, и со всякою ласковостью поплылъ съ нимъ къ кораблю. Г-нъ Бертранъ разсказалъ, что видѣлъ обитателей обоихъ селеній уже готовыхъ бѣжать въ лѣса; мужчины схватили все свое оружіе, а женщины и дѣти забрали что могли изъ домашнихъ утварей. Казалось, что бѣдные дикари боялись въ одно время нападенія Арфаковъ и мщенія нашего.

« Наконецъ, около $11\frac{1}{2}$ часовъ, воротилась наша шлюпка къ кораблю, и привезла, живыхъ и здоровыхъ, трехъ остальныхъ нашихъ охотниковъ, г-дъ Куа, Гильберта и Дюдемена. Они незамѣтили ничего, чтобы могло подать поводъ подозрѣвать вѣроломство дикарей. Разсѣявшись въ чащѣ лѣса услышали они пушечный выстрѣлъ. При такомъ сигналѣ, они думали, что у насъ началась драка съ дикарями, и можно вообразить, каково было ихъ беспокойство, потому что они совершенно находились во власти туземцовъ! Но съ прибытіемъ къ селенію, страхъ ихъ разсѣялся. Дикари помышляли о томъ только, какъ-бы самимъ спасаться поспѣшнымъ бѣгствомъ, и почти необращали никакого вниманія на Французовъ, такъ, что наши охотники безъ труда добрались до шлюпки.

« Тутъ добрый Укема опять, половину на Малайскомъ языкѣ, которымъ говорилъ кое-какъ, а половину движеніями, старался убѣдить меня, что только Арфаки могли учинить нападеніе на насъ. Эти непримиримые враги ходятъ по лѣсамъ, просиживаютъ тамъ въ засадахъ, цѣлые дни подсте-

регая какого нибудь Папу. Чуть увидятъ они возможность, то убиваютъ несчастнаго стрѣлами, бросаются на трупъ, рубятъ ему голову, и съ торжествомъ несутъ ее повѣсить передъ своими жилищами. Папуйцы сами дѣлаютъ тоже, и головы, которыя замѣчали мы передъ ихъ жилищами и на могилахъ суть добычи взаимной вражды обоихъ племенъ.

« Впрочемъ, добрый капитанъ увѣрялъ насъ, что ни Папу, ни Арфаки неѣдятъ людей, а напротивъ Гарфуры, обитатели внутреннихъ областей, причастны этому ужасному обычаю. Они добываютъ райскихъ птичекъ и продаютъ ихъ Папуйцамъ за топоры, ножи, пкани, и главное мѣсто сей торговли, по видимому, въ Эмбарбакенѣ. Арфаки райскими птичками не промышляютъ, но разводятъ много табаку.

« Въ свою очередь, я употребилъ все возможное краснорѣчіе увѣрить Укема, что Папу во все нѣчего насъ опасаться, а въ доказательство моего добраго расположенія, я подарилъ ему два платка, и бронзовую медаль, изъяснивъ ему ея назначеніе. Онъ повѣсилъ медаль себѣ на шею, а оба платка обвязалъ около головы, въ видѣ чалмы, и просилъ у меня позволенія идти и похвастать передъ земляками.

« Черезъ часъ послѣ того, лодки явились у насъ подлѣ корабля, еще многочисленнѣе прежняго, и дикари начали свою торговлю, съ такою-же довѣренностью и спокойствіемъ, какъ и прежде. »

На слѣдующій день Астролябія двинулась изъ порта Дорейскаго, и дикари приплыли толпами въ своихъ лодкахъ, чтобы еще успѣть что нибудь промѣнять. Боясь, что посѣтители затѣсняютъ и помѣшаютъ въ маневрахъ корабля, Дюрвиль допустилъ къ себѣ только одного Укема. Обманутые въ своихъ надеждахъ, бѣдные Папу печально осмотрѣли, какъ серебряная полоса означала движеніе корабля по волнамъ залива.

Дюрвиль продолжилъ обозрѣніе вдоль прибрежья Новой Гвинеи, до двухъ маленькихъ острововъ *Миспалю* за мысомъ Доброй Надежды, и потомъ оставилъ онъ эту обширную землю, совершивши одно изъ важнѣйшихъ, какія только были сдѣланы надъ нею, географическихъ изслѣдованій. На слѣдующій годъ надѣялся онъ исполнить тоже по южному берегу, но пагубное пребываніе на Ваникоро и болѣзни экипажа принудили его дать другое направленіе своему кораблю. Познаніе южнаго берега Новой Гвинеи принадлежитъ еще къ будущимъ трудамъ мореплавателей, и отъ Франціи можно ожидать этого подвига, если мы обязаны уже ей обозрѣніемъ сѣвернаго прибрежья.

Новая Гвинея простирается на 400 льё въ длину, отъ В. 10. В. къ З. 10. З., при ширинѣ весьма различной, но которую среднимъ числомъ можно положить до 70 льё. Предѣлы по широтѣ 0° 19′ — 10° 2′ ю., долгота 128° 23′ — 146° 15′ в.— Рукавъ Маклуера и заливъ Гельвинскій образуютъ въ западной части два, почти отдѣленные полуострова, и мы незнаемъ еще, и восточная сторо-

на, за заливомъ Гуономъ, образуетъ-ли плотный материкъ, или она есть соединеніе острововъ, подобно Лузіядѣ. Донынѣ мысъ Родней почитается самою В. оконечностью. На сѣверной сторонѣ, во все протяженіе, неподалеку отъ берега тянется цѣпь высокихъ горъ, самыми возвышенными мѣстами коихъ полагаютъ В. и З. оконечности, то есть, на В. заливъ Астролябіи, а на З. заливъ Гельвинкъ. Вся цѣпь понижается къ мысу Дюрвиля, или, покрайней мѣрѣ, удаляется внутрь земли. Острова по сѣверному прибрежью вообще высоки, удобны къ восхожденію на нихъ, и безъ мѣлей, какъ равно и прибрежья главнаго материка. Но не таковы острова по южному берегу, особливо по протяженію пролива Торреса. Большая часть ихъ суть низкія земли, связанные неисходимою сѣткою (lacis) коралловыхъ мѣлей.

Вся Новая Гвинея, какъ равно большіе и малые острова, къ ней принадлежащіе, кажется, совершенно заняты Меланезцами, вообще суровыми и необщительными, что подтверждаютъ разсказы почти всѣхъ мореплавателей. Дорейскіе Папу и ближніе къ нимъ дикари составляютъ замѣчательное отличіе этого обширнаго семейства племенъ, если только они не инороднаго происхожденія, какъ думаютъ нѣкоторые изъ географовъ, полагающіе ихъ потомками Борнейскихъ Біаджу. Впрочемъ, эти Папуйцы Дорейскіе суть единственные обитатели Новой Гвинеи, которыхъ могли наблюдать достовѣрно и послѣдовательно. Къ нимъ только и относятся этнологическія изслѣдованія

о Ново-Гвинейцахъ, основанныя большею частью на личномъ обозрѣніи капитана Дюрвиля, въ 1824 и 1827 годахъ.

Ничто такъ не различно, какъ типъ этихъ дикарей, между которыми Дюрвиль отличаетъ три главные рода: *Папу* собственно, *Гарфуровъ*, жителей внутренней земли, и *Метисовъ*, болѣе или менѣе переходящихъ въ породу Малайскую. Папу вообще слабосѣлы, средняго роста, тонки и съ безсильными членами. Окладъ лица ихъ довольно правиленъ; скулы не очень выдались, и губы не очень толсты, ротъ небольшой и носъ красивый. Кожа, гладкая и мягкая, темна, но несовсѣмъ черная. Борода короткая и жидкая. Волосы на головѣ курчавые, и нестолько отъ природы, сколько потому, что дикари безпрестанно завиваютъ ихъ. Здѣсь наиболѣе существуетъ обычай располагать прическу круглою гривою, или холмомъ, величины преужасной. Въ Дореи это племя дикарей является робкимъ и маловоинственнымъ. Туземцы тупошніе почти неотходятъ отъ прибрежья, и постоянно строятъ свои жилища на сваяхъ, надъ самыми волнами моря. Названіе: *Папу*, по общему изъясненію, значитъ *Негръ*, или *Черный*, въ противоположность Бугійцамъ и другимъ мѣдноцвѣтнымъ жителямъ Малайскихъ острововъ.

Гарфуры, въ число которыхъ Дюрвиль включаетъ Дорейскихъ Арфаковъ, суть народы ловкіе, малорослые и могутнѣе своихъ сосѣдей. Они отличаются по своимъ болѣе свирѣпымъ чертамъ ли-

ца, болѣе похожему на цвѣтъ сажи цвѣту ихъ кожи, болѣе грубой и шероховатой, и по обыкновенной ихъ худощавости, напоминающей типъ Меланезійскій, наиболѣе распространенный въ сей части Тихаго моря. Они употребляютъ рубчатый татуажъ. Ходятъ обыкновенно нагіе, или прикрывшись только поясомъ. Волосы ихъ развѣваются свободно; они завиваютъ только маленькія косички. Впрочемъ, кажется, это племя составляло настоящихъ первородцовъ здѣшнихъ острововъ, и безъ сомнѣнія, оно донынѣ заселяетъ неизвѣстныя внутреннія области Новой Гвинеи. Названія: *Арфуръ, Алфуру, Гарафора*, по сказаніямъ всѣхъ путешественниковъ, на всѣхъ Молукскихъ островахъ значатъ «дикарей, обитающихъ внутрь земли,» каковы-бы ни были различія цвѣта и сложенія ихъ. Прогнанные съ прибрежья Папуйцами, Гарфуры удалились въ средніе области земли, гдѣ обработываютъ они нѣкоторые участки полей, и живутъ въ хижинахъ, построенныхъ на сваяхъ. Всѣ Арфаки, или Гарфуры Дорейскіе, за исключеніемъ одного небольшаго племени, находятся въ войнѣ съ Папу, обитателями прибрежья. Папу пользуются очевидною монополіею въ произведеніяхъ земли, хотя и нестоль тирански, какъ увѣрялъ капитанъ Форрестъ. Если вѣрить его разсказу, Гарфуры обязаны доставлять Папуйцамъ плоды и овощи, неполучая за то ничего въ обмѣнъ. Напротивъ, если Папу далъ Гарфуру топоръ, ножъ, или другое какое орудіе, земля получившаго подарокъ навѣки уже дѣлается подчиненною подарившему. Отъ времени до вре-

мени, Гарфуръ обязанъ отнести что нибудь Папу. Если Гарфуръ потеряетъ данное ему орудіе, онъ неизбавляется отъ отвѣтственности, но если орудіе изломается, или испортится, Папу обязанъ доставить другое, а безъ того обазанность между имъ и Гарфуромъ прекращается. Изъясненіемъ такихъ странныхъ условій можетъ послужить дорогая цѣна, какую придаютъ Гарфуры желѣзнымъ издѣльямъ, и невозможность добывать ихъ безъ содѣйствія Папуйцовъ, властителей прибрежья. Впрочемъ, вопреки такой причинѣ, трудно повѣрить большому рабству Гарфуровъ, видя ужасъ, какой изъявляютъ Папуйцы, приближаясь къ жилищамъ Гарфурскимъ.

Метисы образуютъ третье смуземное отдѣленіе, народа малорослаго, плотнаго, съ костистымъ, квадратнымъ, плоскимъ лицомъ, съ выдавшимися скулами, большимъ ртомъ, толстыми губами, широкимъ, но иногда и острымъ носомъ. Они перемѣшаны съ Папуйцами и живутъ за одно. Но покожѣ несколь темной, по волосамъ болѣе гладкимъ, по головной уборкѣ въ родѣ чалмы, можно угадать въ нихъ Малайское происхожденіе. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Дюрвиля, который видитъ въ нихъ, болѣе или менѣе древнее, смѣшеніе Малайцовъ съ Папуйцами. Къ этому отдѣленію принадлежатъ Кораны, Капитаны, Раджи, и вообще всѣ имѣющіе, повидимому, нѣкоторую власть надъ дикарями. Многіе изъ нихъ, болѣе или менѣе, но хорошо говорятъ по-Малайски.

Въ окрестностяхъ гавани Дорейской, и въ окруж-

ныхъ около нея селеніяхъ, нельзя положить болѣе 1500 душь жителей. Оружіе дикарей—стрѣлы, пики, долгій и узкій щитъ, стальной ножъ, служащій также и для домашнихъ работъ, и именуемый *парангъ*. Пищу ихъ составляютъ саговый хлѣбъ, мясо черепахъ, рыба, ракушки, плоды, овощи, коренья. Пану незнаютъ земляныхъ печей, какъ Полинезійцы, но кладутъ печи на открытомъ воздухѣ, прикрывая ихъ бамбуковою рѣшешкою, на которой жарятъ себѣ пищу. Особливо употребляется это для черепахъ и рыбы.

Кава здѣсь неизвѣстна, но бетель употребителенъ. Дикари пестрятъ себя накалываніемъ тату-ажа, хотя рисунки его худо видны на черной кожѣ ихъ. Большая часть ходятъ совсѣмъ нагіе; только старшины носятъ рогожки изъ банановыхъ листьевъ, окрашенныя яркими цвѣтами, и отороченныя бахрамою, вырѣзанною столь искусно, что ее можно-бы почесть за узорное кружево. Любимыя украшенія браслеты, кольцы, гребни, странно втыкаемые въ волосы, и серьги изъ ракушекъ, черепахи, или еще болѣе изъ серебра, если дикарь успѣетъ добыть его. Множество выдѣлываютъ еще дикари коробочекъ всякихъ формъ, изъ банана, или пандана. Музыкальные инструменты суть: *тамтамъ*, съ одной стороны украшенный кожею ящерицы, *гимбардъ*, изъ бамбука, Панова свирѣль, морская труба, изъ большой продырявленной раковины (murex).

Племена, обитающія около Дорейской гавани, мало водятъ птицы и свиней. За то въ окрест-

ныхъ лѣсахъ есть много того и другаго въ дикомъ состояніи. По замѣчанію Дюрвиля, дикая свинья самое огромное изъ извѣстныхъ Папуйцамъ животныхъ; другія животныя суть: собаки, *кангуру* Аруская, *фалангеръ*, и особый родъ *перамели*. Казуаръ встрѣчали въ разныхъ мѣстахъ.

Языкъ Папу есть одно изъ нарѣчій, какими говорятъ отъ Вайгіу до Дореи, и столько-же различенъ онъ отъ Малайскаго, какъ и отъ Гарфурскихъ языковъ. Изъ немногаго, что мы знаемъ, онъ неимѣетъ ничего грубаго и непріятнаго въ произношеніи, и даже пріятенъ и благозвученъ въ устахъ женщинъ. Рѣдко услышите здѣсь нестройный и рѣзкій крикъ, знаменующій дикія племена.

Встревоженные Англійскими колоніями по берегамъ Австралійскимъ, и страшась для Молукскихъ острововъ сосѣдства этихъ предпріимчивыхъ мореплавателей, Голландцы пытались, въ 1828 году, предупредить ихъ въ Новой Гвинеи, и утвердиться около мыса Вальша. Тутъ построили они крѣпость на берегу значительной рѣки, получившую названіе *Дурга*. Въ путешествіи Кольфуса находимъ мы очеркъ ея. Но съ тѣхъ поръ извѣстно объ этомъ заведеніи одно, что нездоровый климатъ губилъ колонистовъ. Крѣпость, вѣроятно, еще уцѣлѣла и теперь, но гарнизонъ значительно уменьшился.

Лузіяда, на В. отъ Новой Гвинеи, есть купа острововъ, значительныхъ, высокихъ и населенныхъ дикимъ, свирѣпымъ и курчавымъ народомъ, похожимъ на Ново-Британцовъ и Ново-Ирландцовъ.

Бугенвиль первый узналъ эти острова, въ 1768 году. Плывши близко подлѣ южнаго прибрежья, почти на 100 льё, до большаго, открытаго залива, который наименовалъ Cul-de-sac de l'Orangerie, онъ воротился, обогнулъ мысъ *Избавленія*, и поплылъ къ Соломоновымъ островамъ. Съ туземцами небыло никакихъ сношеній. Видѣли только множество лодокъ, плававшихъ около берега, на которомъ были зажжены большіе огни. Вотъ какъ характеризовалъ Бугенвиль землю, начиная съ Cul-de-sac de l'Orangerie: «Мало видалъ я земель, столь прелестныхъ на взглядъ. Низкое, разрѣзанное долинами и рощами, прибрежье простирается около моря, подымаясь потомъ амфитеатромъ до горъ, вершины коихъ теряются въ облакахъ. Ихъ различали мы три яруса, и самый возвышенный былъ далѣе 25 льё во внутренность земли. Печальное положеніе, въ какомъ мы находились, непозволило намъ пожертвовать нѣсколько времени на посѣщеніе этой великолѣпной земли, гдѣ все возвѣщало плодородіе и богатство.»

Дантркасто, въ 1793 году, изслѣдовалъ сѣверную часть архипелага Лузіядскаго, и подвергался большимъ опасностямъ въ здѣшнихъ моряхъ, усѣянныхъ утесами. Между островами *Бонвулуаромъ* и *Сентъ-Эньямомъ* къ кораблю подошла лодка, съ дикарями, робкими, средняго роста, слабаго сложенія, курчавыми и вымазавшими черною краскою лица. Ихъ дарили, но едва могли получить отъ нихъ въ обмѣнъ нѣсколько иньямовъ, пататовъ и банановъ. Оружія у нихъ небыло, и каменнаго топора нехо-

шѣли они уступить за желѣзныя орудія, которыми, повидимому, неуважали. Лодка отличалась двумя мачтами и перевѣсомъ, съ обширною рѣшеткою. Впрочемъ, она была хорошо отдѣлана и раскрашена разными красками.—Берегъ около мыса *Персона* представлялъ мѣста восхитительныя. «Это былъ,« говоритъ Дантркасто, « одинъ изъ самыхъ прелестныхъ ландшафтовъ, какіе только встрѣчались намъ. Зелень являлась свѣжею и разнообразною. Горы казались въ обрѣзахъ нестоль однообразныхъ, какъ по берегу на В. отъ мыса Персона. Кокосы, видимые даже на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, возвѣщали кажется, что земля обильна и можетъ пропитать многочисленное народонаселеніе. Мы видѣли множество небольшихъ селеній, обитатели которыхъ собирались по берегу любоваться зрѣлищемъ, какое представлялъ имъ видъ одного изъ нашихъ кораблей. Домы въ этихъ селеніяхъ были различной формы, и разнообразили ландшафтъ весьма живописнымъ образомъ.»

Въ лодкахъ, приблизившихся къ кораблямъ, находились дикари, похожіе на тѣхъ, которыхъ видѣли прежде. Они произвели нѣсколько промѣновъ, а потомъ, за неимѣніемъ другаго оружія, пустили въ корабль тучу каменьевъ, на что отвѣчали имъ ружейными выстрѣлами.—Немного подалѣе, передъ островомъ *Велль,* двѣ лодки дикарей, пустившіяся одна на другую съ разныхъ сторонъ, представили мореплавателямъ зрѣлище морскаго сраженія. Другіе дикари, остававшіеся только зрителями битвы, растолковали Европейцамъ, что лодки идутъ

сражаться, и что побѣдители съѣдятъ побѣжденныхъ. Такое изъясненіе передано было съ внѣшними знаками удовольствія, и съ такими изъявленіями радости человѣкоядцовъ, что отвратительно было смотрѣть. Сражающіеся завязали жаркій бой. Дикари стояли на перевѣсахъ лодокъ, держа въ одной рукѣ камень, въ другой щитъ, которымъ отражали удары. Каменья летѣли такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ, съ быстротою и ловкостью изумительными. Но, или окончаніе боя отложили, или помирились бойцы, но только обѣ лодки вдругъ прервали битву, и каждая поплыла обратно по тому направленію, какимъ прибыла на мѣсто боя.

Эти боевыя лодки были большаго размѣра, въ сравненіи со всѣми, которыя до того времени были замѣчены при берегахъ Лузіядскихъ. Одна изъ нихъ, футовъ 50-ти въ длину, казалась отличною на ходу. Дикари, всегда недовѣрчивые, нехотѣли всходить на корабль, но приглашали Французовъ идти на берегъ, и вѣроятно, не съ добрыми намѣреніями. Они показывали вещицы, сдѣланныя изъ человѣческихъ костей. Желѣзо необольщало ихъ; имъ нравились только красныя шкани, блестящимъ цвѣтомъ своимъ обольщавшія ихъ зрѣніе. Почти нагіе, только средину тѣла прикрывали они поясомъ. Вообще эти люди казались злаго и свирѣпаго характера. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ лекаря корабля Надежда, особенно смотрѣвшаго на лодки, и тотчасъ направилъ было въ него свой *загай;* къ счастью, это увидѣли и приложились въ дерзскаго

ружьемъ, чего оказалось достаточно остановить покушеніе.

Лузіяда занимаетъ около 120 льё пространства, отъ В. Ю. В. къ З. С. З., то есть, отъ мыса *Избавленія* до острововъ *Люзансай* и Cul-de-sac de l'Orangerie. Къ востоку ширина невелика, но къ западу будетъ неменѣе 40 льё. Острова, составляющіе ее, неопредѣленно означены на картахъ; даже на лучшихъ и новѣйшихъ неочерчены берега, и потому надобно ограничиться исчисленіемъ острововъ: «Россель, Сентъ-Эньянъ, Данпркасто, Тробріанъ, Люзансай,» какъ замѣчательнѣйшихъ. Извѣстные предѣлы сего архипелага суть, въ широту (южную) 8° 19′ — 11° 43′, въ долготу (восточную) 151° 56′ — 147° 10′. — Должно замѣтить, что очеркъ къ З. вовсе неизвѣстенъ.

Ошдѣльно отъ Лузіяды, въ 45 льё отъ острова Росселя, находится купа изъ восьми, маленькихъ, низкихъ, лѣсистыхъ и необитаемыхъ острововъ, открытыхъ, въ 1812 году, капитаномъ Лауланомъ (Laughlan), на кораблѣ Марія, и названныхъ его именемъ. Въ 1827 году, Дюрвиль осмотрѣлъ ихъ, и въ девяти миляхъ на З. открылъ еще небольшой, болѣе возвышенный утесъ, который назвалъ *Каннакъ*. Купа Лауланова имѣетъ неболѣе 5-ти миль поперечника во всѣ стороны, но островки, ее составляющіе, покрыты деревьями, особливо прекрасными кокосами, и потому представляютъ весьма пріятный видъ. Ихъ можно назвать садикомъ, брошеннымъ среди грустнаго и однообразнаго Океана.

Мимоходомъ упомянемъ объ островахъ, разсѣянныхъ между мѣлями пролива Торресова, и главные изъ коихъ суть: Муррай, Вармваксъ (Warmwax), Бристовъ (Bristow) Дальримиль, Реннель, Ретуръ (Retour), Корнваллисъ, Тальботъ и Избавленія (Delivrance). Самые большіе мили по три, по четыре пространства. Мало возвышенные, они населены однакожь Меланезійскими дикарями, похожими на Ново-Гвинейцовъ, и вооруженными луками и стрѣлами, свирѣпыми, жестокими и вѣроломными. Въ разныя времена, нѣсколько купеческихъ кораблей попадалось къ этимъ варварамъ, между прочимъ корабли Честерфильдъ и Гормузъ-еръ, остановившіеся между островами Вармваксъ и Муррай. Нѣсколько человѣкъ, сошедшихъ на землю, были захвачены и перерѣзаны.

Земли, прилежащія къ восточному берегу Новой Гвинеи были уже нами исчислены, и намъ остается только осмотрѣть ея западныя принадлежности, крайній предѣлъ Меланезіи. За нимъ начинаются Малайскіе острова.

Здѣсь первый островъ *Салаватти*, земля возвышенная, населенная, около 80 миль въ окружности, отдѣленная отъ Новой Гвинеи неширокимъ, извивистнымъ и усѣяннымъ мѣлкими островками проливомъ, въ первый разъ открытымъ, въ 1764 году, капитаномъ Ватсономъ. Географическое положеніе острова: 1° 8′ шир. южной, 128° 35′ долг. В. (средина). Онъ заселенъ поколѣніемъ Папу, многочисленнымъ, свирѣпымъ, и управляемымъ независи-

мымъ раджею. Дикари питаются рыбою, черепахами и сагу. Прежде соединялись они съ жителями окрестныхъ острововъ и производили ужасныя опустошенія на Молукскихъ земляхъ, занимаемыхъ Голландскими конторами.

Форрестъ разсказываетъ, что въ Мартѣ и Апрѣлѣ Папу Новой Гвинеи и Салаватти собрались однажды въ большомъ количествѣ, и рѣшились воевать Гилоло, Церамъ, Амбоинъ, и идти даже до Ксулла-Бесси. Они опустошили Амблу, близъ Буру, и увели много жителей.

«Въ 1770 году,» прибавляетъ Форрестъ, «сто лодокъ, съ островитянами Папуйскаго племени, Новой Гвинеи, острововъ Арру, Салаватти, Мизоля, собрались около времени весенняго равноденствія, когда моря бываютъ тихи, и пришли въ заливъ Терпѣнія, раздѣляющій Бачіанъ отъ Гилоло. Они не враждовали, но Голландская Компанія, страшась ихъ, послала къ нимъ депутатовъ, и одарила начальниковъ тканями, и проч., послѣ чего флотъ дикарей разсѣялся, и дикари воротились во свояси, послѣ охоты въ лѣсахъ и рыбной ловли. Раджа Салаваттскій неосторожно отсталъ отъ союзниковъ, можетъ быть, потому ничего неопасаясь, что ни онъ, ни товарищи его непроизводили никакихъ грабительствъ на этотъ разъ.

«Голландцы рѣшились захватить его, и придумали слѣдующую хитрость: посланный отъ Голландцовъ принесъ Раджѣ бумагу, подписанную и съ печатью Тернатскаго Губернатора, говоря ему,

что это означаетъ прощеніе вины, какую учинилъ онъ, явясь вооруженный въ Голландскія владѣнія, и что онъ счастливѣе теперь другихъ Папуйскихъ начальниковъ, которые отправились домой безъ подобныхъ бумагъ. Тогда-же пригласили его посѣтить Тернатъ, увѣряя, что Губернаторъ воздастъ тамъ ему всѣ почести, приличныя его сану, и онъ можетъ купить въ магазинахъ Компаніи, что ему за благоразсудится. Приглашеніе сопровождалось мѣшкомъ долларовъ. Раджа поддался обольщенію, понимая, что доллары будутъ ему безполезны въ его землѣ, слыша притомъ о прекрасныхъ вещахъ, какія находятся у Голландцовъ на Тернатѣ, и не въ состояніи противиться желанію употребить съ пользою деньги, доставшіяся ему столь неожиданнымъ образомъ. Онъ послѣдовалъ за Голландскимъ посланнымъ, съ 10-ю, или 12-ю своими подданными, явился въ крѣпости и отправился къ Губернатору, который оказалъ ему всякую вѣжливость и почтеніе.

«Обезопасивъ себя отъ стражи Салаватскаго властителя, Губернаторъ такъ былъ увѣренъ въ легкости добычи, что незаперъ даже дверей. Когда Раджѣ объявили, что онъ плѣнникъ, тихо сказалъ онъ своимъ дикарямъ, готовымъ на *мангамо* и на всякій *мокъ* для спасенія своего властителя и убіенія нѣсколькихъ Голландцовъ прежде погибели, ничего не предпринимать въ его защиту, но только спасаться самимъ. Дикари предались бѣгству, пока Раджа отдавалъ свой кри, и едва только были внѣ крѣпости, то бросились въ

свою, коро-коро и уплыли. Можетъ быть, Голландцы и нехотѣли останавливать бѣглецовъ. Раджа перевезенъ былъ въ Капъ, и тамъ содержали его въ тѣсномъ заключеніи. »

Разумѣется, что такое вѣроломство немогло помирить Голландцовъ съ дикарями Салаваттн и другихъ Папуйскихъ земель. Напротивъ, какъ будто въ возмездіе, дикари продолжили свои набѣги и опустошенія. Незадолго еще до прохода Дюрвилева, въ 1824 году, мимо острова Буру, Папу напали на этотъ островъ. Потому Малайцы говорятъ о Папуйцахъ, какъ о тиграхъ, ненасытныхъ кровью. Ничто въ свѣтѣ такъ не страшно для нихъ, какъ это дикое населеніе Меланезіи, и они не могли понять, какъ Французы могли дружески посѣщать земли этихъ чудовищъ.

Проливъ Питта, или Саггевеина, отдѣляетъ Саллаватти отъ *Баттанта*, высокой земли, 26 миль въ длину и 6-ть въ ширину. Западная конечность его есть мысъ *Мабо,* славный въ разсказахъ первыхъ мореплавателей, принимавшихъ его за предѣлъ Новой Гвинеи. Подлѣ этого мыса есть заливъ, гдѣ можно запастись дровами и водою, только съ осторожностью противъ свирѣпаго племени Папуевъ. Положеніе : 0° 50′ ш. ю. и 128° 20′ д. в. (средина).

Проливъ Гамена, или Дампіеровъ, найденный симъ мореплавателемъ въ 1700 году, и усѣянный множествомъ острововъ, отдѣляетъ Баттанта отъ острова *Вайгіу*. Этимъ проливомъ проходятъ ко-

рабли, переходя въ Китай при контръ-муссонахъ. Переходъ опасный, особливо при тамошнихъ сильныхъ теченіяхъ.

Островъ *Вайгіу*, болѣе всѣхъ предшествовавшихъ значительный и извѣстный, кажется, былъ открытъ первыми Европейскими мореплавателями, утвердившимися на Молукахъ. Первый однакожъ Дампіеръ, въ 1700 году, утвердилъ раздѣленіе Вайгіу отъ Новой Гвинеи. Бугенвиль, въ 1768 году, осмотрѣлъ его южное прибрежье, а Форрестъ въ 1774-мъ, Данпркасто въ 1793-мъ, Фрейсине въ 1818-мъ, Дюперрей въ 1823 и 1825-мъ, и наконецъ Дюрвиль въ 1827-мъ годахъ, продолжали изслѣдованіе, и собрали множество извѣстій о Вайгіу. Форрестъ посѣтилъ заливы: Фофагакъ, Равакъ, Піаписъ, вездѣ находя добрыя стоянки, и всюду добывая рыбу, саго, и множество черепахъ. По словамъ туземцовъ, все народочисліе на островѣ можно положить во 100,000 человѣкъ, подчиненныхъ разнымъ начальникамъ, изъ коихъ самый сильный принимаетъ титулъ Раджи Вайгіускаго, и живетъ на осшровкѣ около южнаго прибрежья.

Спутники Данпркасто останавливались здѣсь въ заливѣ Бони, и провели 12-ть дней. Ихъ сношенія съ Папуйцами были весьма дружескія; каждый день привозили къ кораблямъ рыбу, куриць, черепахъ, свиней, овощи и плоды разныхъ родовъ. Дикари оказывали большую робость при имени Голландцовъ. Корабль посѣтили разные старшины, и Равакскій ужиналъ и ночевалъ на кораблѣ Надежда. Но когда хотѣли поднимать якорь, онъ

бросился въ воду, боясь, чтобы неувезли его. Впрочемъ, такой страхъ достаточно оправдывался похищеніями, какія дѣлали Голландцы, еще незадолго захватившіе, посреди пира, даннаго на ихъ кораблѣ, брата Раджи. Это насиліе повело за собою войну, неокончанную при посѣщеніи Данпркасто. Собравшись подъ начальствомъ самаго сильнаго султана островскаго, и сговорившись съ жителями Церама, Вайгіусцы хотѣли подстеречь проѣздъ Амбоинскаго губернатора, который долженъ былъ плыть мимо, совершивъ осмотръ земель Молукскихъ. Не пускаясь еще на свое предпріятіе, дикари скрыли въ безопасныхъ мѣстахъ своихъ женъ и дѣтей, отъ чего прибрежье казалось опустѣлымъ.

Въ концѣ 1818 года, Фрейсине также провелъ три недѣли въ небольшомъ заливѣ Равакскомъ, гдѣ Папуйцы Бони и Кабареи пріѣзжали торговаться съ Французами. Они казались столь-же робки, сколько слыли предпріимчивыми и воинственными. Сруанъ, начальникъ острова Бони, убѣжденный подарками, сдѣлался другомъ и собесѣдникомъ капитана. Офицеры, естествоиспытатели свободно осматривали островъ его, и г-нъ Куа могъ изобразить довольно полную картину шамонней мѣстности.

«Съ началомъ дня,» говоритъ онъ, «отправились мы къ Бони, гдѣ на канунѣ замѣтили довольно много хижинъ. Прибывши къ заливу, около котораго онѣ построены, мы увидѣли, что цѣпь при-

боевъ недопускаетъ подплыть къ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ усилій пробраться черезъ эту преграду, и даже чуть было неподвергнувшись опасности при нашемъ покушеніи, мы положили плыть къ южной сторонѣ острова, гдѣ море, болѣе спокойное, обѣщало намъ доступъ менѣе опасный. Но деревья, растущія по утесамъ, такъ сближались здѣсь къ морю, что составляли ограду, почти непроницаемую. Маленькая бухта показалась намъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ могли мы выйдти на берегъ. Повсюду удивляла насъ мощь и прелесть произрастанія. Попугаи, самыхъ живыхъ цвѣтовъ, оживляли и украшали его въ одно время; какаду, бѣлизны ослѣпительной, рисовались вдали на темной зелени листьевъ, и мы видѣли ихъ нѣсколько совершенно черныхъ, что довольно рѣдко въ этой породѣ пернатыхъ болтуновъ.

« Мы продолжили плаванье около береговъ острова, и устье небольшой рѣчки, которою море проникаетъ внутрь земли, дало намъ мысль войдти въ него. Мы такъ и сдѣлали, съ трудомъ пробираясь подъ вѣтвями мангліеровъ; корни ихъ безпрерывно заграждали ходъ нашей лодкѣ, и кончилось тѣмъ, что они совсѣмъ загородили намъ дорогу. По счастью, могли мы выйдти пѣшъ на утесъ, и собрали здѣсь нѣсколько предметовъ для нашей минералогической коллекціи. Черезъ немного времени появилась лодка, плывшая прямо на насъ: это былъ нашъ пріятель Сруанъ, начальникъ Бони, замѣтившій насъ, когда мы искали прохода

сквозь прибой, и поспѣшившій на встрѣчу къ намъ. Мы просили его проводить насъ къ селенію, гдѣ онъ живетъ, и онъ неотказалъ намъ рѣшительно, но медлилъ исполненіемъ просьбы. Видъ его казался столь беспокойнымъ, что мы немогли не взять нѣкотораго сомнѣнія. То плылъ онъ сзади насъ, то подлѣ насъ, но не шелъ впереди. Онъ остановился даже, сошелъ наберегъ и привелъ съ собою третьяго товарища. Опять поплыли мы. Наконецъ, слѣдовавши почти тою-же дорогою, какою приплыли мы къ рѣкѣ, дикарь вдругъ пустился въ море, и приближась къ прибоямъ, гдѣ были мы прежде, онъ нырнулъ между ними узкимъ проходомъ. Мы шли за нимъ, но невполнѣ безопасные, ибо легко могло случиться, что переходя прибой наша шлюпка погибла-бы въ этомъ переходѣ черезъ мѣли, который для лодки дикарской, болѣе легкой, былъ безопасенъ, да и кто знаетъ—говорили мы потихоньку между собою — не ведетъ-ли насъ пріятель нашъ въ западню, чтобы потомъ воспользоваться нашимъ бѣдствіемъ? Но, слава Богу, подозрѣнія наши оказались несправедливы. Сруанъ былъ нашимъ добрымъ лоцманомъ, и перейдя опасные прибои, шлюпка наша плыла по безопасной, хотя и неглубокой водѣ. Мы чрезвычайно удивились, когда приставши къ берегу увидѣли, что двадцать хижинъ, изъ коихъ состояло селеніе Бони, были свѣжо оставлены, и всѣ жители ихъ убѣжали въ лѣса. Явно увидѣли мы тогда причину медленности Сруана; онъ хотѣлъ предупредить своихъ

дикарей, и дать имъ время, особливо женщинамъ, укрыться.

« Раджа отдалъ нѣкоторымъ образомъ въ распоряженіе наше всю опустѣлую деревню свою. Онъ показалъ намъ всѣ хижины, исключая одной, которую потому почли мы родомъ капища. Всѣ домы были построены на сваяхъ , надъ водою и по берегу. Г-нъ Дюперрей приказалъ отнюдь непрогать ничего, что оставалось отъ дикарей , и это было тщательно исполнено. Сруанъ побылъ съ нами нѣсколько времени, позавтракалъ, выпилъ вина , похвалилъ его и оставилъ насъ , отправясь на рыбную ловлю.

« Видя невозможность сойдтиться съ дикарями, положили мы нездать возвращенія нашего пріятеля , и плыть обратно черезъ проходъ въ прибояхъ , имъ указанный. Не безъ труда исполнивъ это, тотчасъ пустились мы въ глубь залива, желая посѣтить рѣку , служившую нѣкогда агвадою адмиралу Дантркасто. Она узка , извивиста, течетъ по кремнямъ. Берега ея обставлены деревьями, величины безмѣрной, что образуетъ прелестный видъ и очаровательную тѣнь. Солнце закатывалось и мы дышали сладостною прохладою. Вдругъ три райскія птички прилетѣли оживить эту великолѣпную картину. Одна изъ нихъ полетѣла черезъ рѣку , означая своимъ великолѣпнымъ хвостомъ радужную змѣйку, но на половинѣ пути ринулась она къ верху, вѣроятно , ловя какую нибудь добычу, и это дало намъ возможность долѣе любоваться ею. Я выстрѣлилъ, но разстояніе было

слишкомъ велико; выстрѣлъ немогъ достать, и вспорхнувши ошъ его грома, прелестныя пернатыя удалились и неявлялись болѣе.

« Почти на милю плыли мы въ верхъ по рѣкѣ, но шумъ шлюпка наша, забирая много воды, была осшановлена большими грудами голышей, шиста и кремня, что загораживая русло рѣки заставляло ее нѣсколько изогнушься.

« На оба берега выливаешся здѣсь вода, и образуешъ болота, чрезвычайно обширныя, гдѣ расшешъ множесшво шравъ и деревьевъ. На маленькихъ осшровкахъ видѣли мы развалины хижинъ, по видимому, съ давняго времени опусшѣлыхъ, и нѣсколько брошенныхъ лодокъ. Мы немогли рѣшишь, чему надобно было приписашь это запусшѣніе : нездоровосши мѣсша, или опусшошеніямъ войны?

« Невидя никакого приличнаго мѣсша для ночлега, мы ворошились на вчерашнее наше сшановье, и нашли еще шамъ огонекъ, пріяшный даже и подъ экваторомъ, ибо ночи здѣсь свѣжи и чрезвычайно сыры. Ходя по окресшносшямъ, я видѣлъ пророины, похожія на рышье дикихъ свиней, и полагаю, что онѣ шочно шо означали, ибо эши звѣри здѣсь весьма обыкновенны. Но, можешъ бышь шакже, что это слѣды бабируссы, котораго неудивительно всшрѣшишь здѣсь, какъ и на Вайгіу. »

Во время пребыванія Фрейсине на Равакѣ, *кималага*, или морской начальникъ Гебе, прибылъ для посѣщенія его въ своей вооруженной коро-коро. При появленіи Гебейцовъ, всѣ Папу, окружавшіе

Уранію, тотчасъ изчезли. Легко было видѣть, что сіи посѣтители причиняли имъ большой страхъ, и изъ этого могли заключить, что кималага и его воины деспотически правили бѣдными жителями Вайгіу.

Дюперрей посѣтилъ здѣшнія земли въ 1823 году, и остановился въ Фофагакѣ. Подобно своему предшественнику, онъ имѣлъ съ жителями только мирныя и тихія сношенія. Но обитатели прибрежья продолжали однакожъ прятать женъ своихъ отъ взоровъ посѣтителей. Всегда робкіе и недовѣрчивые, они оказывались однакожъ ловкими торгашами. Нѣсколько этнологическихъ и географическихъ замѣчаній означили пребываніе Дюперрея, о которомъ, за недостаткомъ повѣствованія самого начальника, еще неизданнаго, мы приведемъ здѣсь неизвѣстныя донынѣ отрывки изъ записокъ Дюрвиля.

« Два дня прошло, и дикари непоказывались еще близъ нашего корабля; въ прежнихъ выходахъ моихъ немогъ я сблизиться съ ними, какъ равно и другіе офицеры нашей корветты. Между тѣмъ хотѣлось мнѣ сдѣлать наблюденія надъ здѣшними островитянами, о которыхъ такъ различно отзывались разные мореплаватели. Одни описывали ихъ дикарями свирѣпыми и кровожадными, ищущими только случая захватить иноземца, зарѣзать его и отрубить ему голову. Другіе находили въ нихъ людей кроткихъ, боязливыхъ и миролюбивыхъ. Кромѣ того желалось мнѣ повѣрить разсказъ Форреста, что узкій только пере-

шеекъ отдѣляетъ портъ Фофагакскій отъ большаго южнаго залива.

«Въ шесть часовъ утра отправился я, съ г-ми Лессономъ и Ролландомъ, въ большой лодкѣ, съ семью вооруженными матрозами. Между ними былъ Англичанинъ Вилліамсъ, и на его преданность, благонамѣренность и неустрашимость можно было особенно положишься. Мы проплыли передъ высокимъ полуостровомъ, увѣнчаннымъ возвышенною горою, странныя формы которой образуютъ фигуру Фригійскаго калпака, и передъ маленькимъ островомъ Гробницъ, примыкающимъ къ полуострову отмѣлью, покрытою только немногими футами во время низкаго прилива. На берегу острова находилось съ дюжину дикарей, подлѣ своихъ лодокъ, и беспокойно глядѣли они на насъ, готовясь, по видимому, тотчасъ броситься въ лодки свои и уплыть. Пріобрѣтенныя уже мною познанія о характерѣ дикарей вразумили меня, что если хотѣть войдти съ ними въ сношенія, то всего хуже пускаться прямо на нихъ, когда они васъ боятся. Напротивъ, показывайте видъ, будто вы вовсе незамѣчаете ихъ и незаботитесь объ нихъ. Тогда, мало по малу, недовѣрчивость ихъ уменьшится. Впрочемъ, нетакъ-ли должно приближаться къ тому, что похоже на дикаго звѣря?

«Я совѣтовалъ спутникамъ моимъ показывать именно такой видъ, будто мы во все дикарей незамѣчаемъ. Мы продолжили путь нашъ, и пристали въ южной части залива, гдѣ берегъ весьма крутъ, и непредставляетъ ниодного мѣстечка, гдѣ можно-

бы сдѣлать причалъ. Кромѣ того, онъ покрытъ деревьями средней величины, между которыми наиболѣе видите казуарину. При отбытіи нашемъ съ корабля, небо закрылось тучами, но я полагалъ еще доплыть до берега прежде дождя. Около семи часовъ, облака, собравшіяся надъ нами, разразились ливнемъ и покрыли насъ потоками воды, такъ, что въ нѣсколько минутъ неосталось на насъ сухой нитки. Всего досаднѣе было мнѣ, что дождь мѣшалъ совершенно нашимъ ботаническимъ и энтомологическимъ изысканіямъ.

« Около $7\frac{1}{2}$ часовъ достигли мы до края залива, которымъ оканчивается западный рукавъ гавани Фофагакской; это было около льё отъ мѣста нашей стоянки. Взглядъ на берегъ насъ весьма опечалилъ: вмѣсто свободнаго прибрежья, доступнаго и даже обитаемаго, какое мы надѣялись найдти, берегъ представлялъ намъ грязное болото, покрытое огромными мангліерами, изъ рода *bruguiera;* корни ихъ, путаясь, кривясь, переплетаясь во всѣхъ направленіяхъ, составляли какъ будто сѣтку безконечную, по всему пространству болотному. Ничего небыло труднѣе и тягостнѣе ходьбы по такому мѣсту; переступая по этимъ корнямъ, надобно было подвергаться безпрерывной опасности соскользнуть и переломить себѣ шею. Мы остались въ шлюпкѣ, управиться съ скромнымъ нашимъ завтракомъ, въ надеждѣ, что дождь перестанетъ. Но онъ шелъ весьма сильно. Нѣчего было дѣлать—въ восемь часовъ рѣшился я пуститься на обозрѣніе прибрежья, сколько возможно далѣе,

несмотря на всѣ препятствія мѣстности и погоды.

«Я отправился, сопровождаемый Ролландомъ, Вилліамсомъ и еще двумя моряками. Г-нъ Лессонъ предпочелъ остаться подлѣ нашей шлюпки. Мы нашли на берегу двѣ лодки, по видимому, недавно выпащенныя, и изъ этого естественно можно было заключить, что здѣшнія мѣста посѣщаются дикарями, и что мы могли увидѣть идальнѣйшіе слѣды ихъ дорогою. Пройдя около ста шаговъ по руслу довольно глубокаго протока, мы увидѣли хижину, которая образомъ постройки и матеріялами для нея показывала, что это былъ только притонъ для защиты отъ непогодъ. Подлѣ нея находились два строенія значительнѣе. Все кругомъ было тутъ покрыто мангліерами, латаньерами, пандапами и другими большими деревьями. Большая часть изъ нихъ обросли, на огромную высоту, громадными *потосами* (pothos), и нѣкоторыя изъ этихъ растеній являли прелестныя вѣнички въ концахъ (spadix terminaux). Отъ хижины начиналась дорожка, довольно хорошо проложенная, и по ней можно было проходить сквозь это перепутанное сплетеніе разныхъ прозябеній. Много разъ перешедши черезъ потокъ весьма холодной воды, мы очутились наконецъ при подошвѣ возвышенія. Дороги стали удобнѣе, земля суше и крѣпче, и я собралъ много новыхъ для меня растеній, изъ коихъ упомяну только о самомъ любопытномъ nepenthes mirabilis, съ цвѣткомъ всегда наполненнымъ водою, что видѣлъ я въ первый разъ.

По несчастью, безпрестанно шелъ проливной дождь, и экземпляры мои немогли быть хорошо сохранены.

« По мѣрѣ того, какъ мы возвышались, тропинка становилась круче, а глинистая почва была столь склизка, что мы конечно потеряли-бы напрасно всѣ усилія въ ходьбѣ, безъ углубленій, вырытыхъ туземцами и служившихъ намъ вмѣсто ступеней. Но безпрерывно однакожь ноги у насъ скользили, и въ одинъ разъ покачнившись назадъ, мы вдругъ губили плоды долгихъ стараній подняться выше. Утѣшая себя при такой неудачѣ громкимъ смѣхомъ, наконецъ стали мы на вершинѣ перешейка, котораго высоту можно было положить около 100 туазовъ. Тутъ былъ тотчасъ рѣшенъ вопросъ, завлекшій меня сюда. Въ направленіи къ заливу Фофагаку, деревья скрывали отъ насъ море, и мы могли различить только зубчатый, высокій хребетъ, но съ противной стороны, то есть въ направленіи къ Ю. Ю. В., съ радостью увидѣлъ я безмѣрный бассеинъ моря, по видимому, простиравшійся отъ Ю. Ю. В. къ С. С. З., хотя и нельзя было различить его входа, и только на поверхности его разглядѣлъ я нѣсколько, болѣе или менѣе значительныхъ, острововъ. Такое открытіе придало мнѣ бодрости, и я рѣшился докончить мое обозрѣніе.

« Дорожка оказывалась хорошо пробитою, и мы начали по ней сходить. Скатъ былъ сюда еще круче, нежели на другую сторону, но туземцы утвер-

дили здѣсь толстыя вѣтьви деревьевъ поперегъ, въ видѣ лѣстницы, для поддержанія ногъ. Такая предосторожность показывала довольно постоянное сообщеніе между двумя заливами. Кромѣ того, мы хорошо различили въ грязи свѣжіе слѣды людей. Менѣе нежели въ полчаса достигли мы береговъ небольшаго пролива, или рѣчки, подлѣ которой находился сарай, похожій на видѣнный нами съ той стороны горы. Кругомъ земля была покрыта грудой ракушекъ. Надобно замѣтить мимоходомъ, что на всемъ протяженіи открытой нами дороги, то есть, почти на цѣлую лье, земля усыпана была ракушками разныхъ родовъ, особливо изъ рода arches, занесенными, вѣроятно, отъ дикарей. Должно полагать, что они всегда ходятъ здѣсь съ запасомъ ракушекъ, и ѣдятъ ихъ дорогою, отъ чего вся она, такъ сказать, вымостилась черепками раковинъ. Мнѣ пришло въ голову, что Вольтеръ, безъ сомнѣнія, торжествовалъ-бы, если-бы могъ видѣть и указать на такое обстоятельство, пригодное для поддержки его системы, касательно нахожденія раковинъ на вершинахъ горъ.

«У сарая, о которомъ я упомянулъ, дорожка прекращалась; далѣе земля была покрыта мангліерами, съ перепутанными кореньями, которые море покрываетъ во время большаго прилива. Сначала покусился я идти по руслу рѣки, но вскорѣ сталъ въ водѣ по горло и долженъ былъ отказаться. Потомъ началъ переступать по мангліеровымъ корнямъ, но два, или три непріятныя паденія

принудили меня отказаться и отъ этого средства перехода. Около часа употребивши на такія прудныя и безполезныя испытанія, рѣшился я воротиться къ сараю съ Ролландомъ, и тутъ ждать Вилліамса, пустившагося къ берегу моря. Его долговременное пребываніе между дикими народами пріучило его ко всѣмъ родамъ ихъ дѣлъ и упражненій, и онъ преспокойно ходилъ по извивистому переплетенію корней, когда я съ трудомъ могъ держаться на нихъ. Бродя около сарая нашелъ я изломанный пагай, собралъ нѣсколько новыхъ растеній, и когда проглянуло на ту пору солнце, бабочки прелестныхъ цвѣтовъ начали порхать кругомъ, и мнѣ страхъ досадно было, что я забылъ сѣточку мою въ лодкѣ. Вилліамсъ воротился и сказалъ мнѣ, что прошедши по корнямъ около полумили, очутился онъ на берегу небольшой бухты, окруженной болотами, имѣющей входъ къ югу, и содержащей въ себѣ два маленькіе острова. Впрочемъ, берегъ показался ему во все непроходимымъ, и это заставило меня думать, что дикари только въ лодкахъ, во время прилива, достигаютъ до строенія, находящагося при подошвѣ перешейка. Было уже 10 часовъ, и такъ какъ безъ помощи дикарей невозможно было ничего предпринять, то мы и повернули обратно къ лодкамъ.

«На высотѣ перешейка вскарабкался я на высокое дерево, чтобы лучше осмотрѣть заливъ къ югу. Тутъ могъ я убѣдиться, что часть моря, видѣнная Вилліамсомъ, была только бухта отъ большаго залива, продолжавшагося въ одну сторону

далеко на З., а въ другую на Ю. Ю. В. — На островѣ, довольно большомъ, показывались по прибрежью три большія хижины, окруженныя насажденіями, и я предполагалъ, что это должествовало быть мѣсто пребыванія Раджи, о которомъ говоритъ Форрестъ. Кромѣ того убѣдился я, что дорожка, открытая мною, была единственнымъ средствомъ сообщенія между двумя заливами; направо и налѣво земля поднималась значительно и была еще менѣе доступна. Во время пути, Ролландъ поймалъ фалангера, оставленаго матерью. Мы вернулись къ шлюпкѣ въ половинѣ втораго часа, и я отправился къ бухтѣ, накануѣ видѣнной нашими офицерами, къ югу отъ острова Гробницъ. Купа изъ 12, или 15 кокосовъ, окружающихъ небольшую хижину на сваяхъ, обѣщала намъ прохладительный сокъ плодовъ своихъ, и возможность прогуляться немного подъ ихъ тѣнью, ибо вездѣ, гдѣ только есть кокосовыя деревья, земля обыкновенно проходима. Море было на отливѣ, и едва оставалось къ прибрежью фута на два воды, такъ, что съ невѣроятнымъ только усиліемъ могли мы дотащить шлюпку нашу до хижины. Вскорѣ увидѣли мы, что это была большая бамбуковая плетушка, покрытая латаньеровыми листьями и поддержанная четырьмя столбами, въ 4, или 5 футахъ надъ поверхностью моря, какъ всѣ обиталища Папуйскія. Во внутренности нашли мы пять небольшихъ квадратныхъ комнатокъ, съ маленькими подмостками по угламъ, корзину и нѣсколько сушеныхъ трипанговъ.

« Ничего теперь не хотѣлось намъ такъ видѣть, какъ то, что были-ль взяты дикарями ножи, наканунѣ оставленные г-мъ Бераромъ, въ замѣну кокосовъ, которые сорвалъ онъ здѣсь? Еще недостигнувши берега примѣтилъ я сквозь мангліеры молодаго дикаря, который, по видимому, прятался, чтобы подсмотрѣть, что̀ станемъ мы дѣлать. Я показалъ видъ, будто ничего невижу, и запретилъ матрозамъ подходить въ эту сторону. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины, на площадкѣ, куда пошелъ я ловить бабочекъ, мнѣ представилось съ дюжину, или съ 15-ть кокосовъ, свѣжихъ, связанныхъ по-парно, и при нихъ два изъ ножей, оставленныхъ здѣсь наканунѣ. Такая вѣжливость отъ невидимки дикаря показалась мнѣ добрымъ началомъ, и мы видѣли въ ней дружеское расположеніе. Надобно было ею воспользоваться. Мы раскрыли кокосы и съ наслажденіемъ пили сокъ ихъ, потому, что настала тогда страшная жара и у насъ небыло нисколько свѣжей воды, чтобы уполить нашу жажду. Безъ сомнѣнія, довольный тѣмъ, что мы поняли его гостепріимство, молодой дикарь подошелъ къ намъ, одинъ и безъ оружія. Довѣрчиво подалъ онъ намъ руку, говоря *бангусъ* (хорошо), и показывая знаками, что это онъ положилъ тутъ кокосы для употребленія нашего.

« Такъ какъ это былъ первый дикарь, осмѣлившійся подойдти къ намъ, то и показалъ я ему полное дружество, подарилъ серьги и красивое ожерелье. Такая щедрость, конечно неожиданная имъ,

казалась совершенно восхитившею его, и онъ далъ намъ понять, что предоставляетъ всѣ кокосы къ нашимъ услугамъ. Тутъ позволилъ я матрозамъ рвать ихъ, но строго запрещая только портить деревья, и если придутъ еще дикари, то приказывая обходиться съ ними ласковѣе. Часа съ два бродилъ я по лѣсу, который съ этой стороны довольно проходимъ, и собралъ много прекрасныхъ жесткокрылыхъ. Особенно порадовала меня поимка нѣсколькихъ красивыхъ бабочекъ изъ рода urania orontes; онѣ садятся на листья мангліеровъ какъ наши phalènes lichenées, и перелетываютъ точно прыжками по воздуху; особливо великолѣпная эта порода обилуетъ въ мѣстахъ болотистыхъ.

« Я отправился наконецъ къ нашей шлюпкѣ. Пора была думать объ обѣдѣ, и съ радостью увидѣлъ я съ десятокъ, или съ дюжину Папуйцовъ; они ѣли и играли съ нашими матрозами, будто старые знакомые. Тотчасъ окружили они меня, повторяя: «Капитанъ Бангусъ, собатъ,» и проч., и оказывая мнѣ всякія ласки. Вообще, народъ этотъ былъ малорослый, слабаго, хилаго сложенія, и подверженный проказѣ. Но черты лицъ дикарей были однакожь не безобразны, голоса ихъ пріятны, видъ важный и учтивый, и даже запечатлѣнный какою-то задумчивостью, обыкновенною между ними, но отличительною.

« Въ четыре часа оставили мы мѣсто нашего пристанища и отправились къ кораблю. Плывя

около острова Гробницъ, шли мы близко берега, но непоказывали вида, что хотимъ пристать къ нему. На сей разъ одинъ изъ дикарей вошелъ въ воду съ большимъ голубемъ въ рукахъ, и далъ мнѣ знакъ приблизиться. Тотчасъ были мы среди толпы ихъ, и съ любопытствомъ осматривали ихъ помѣщеніе. На большомъ огнѣ жарился тутъ у нихъ превеликій кусокъ черепахи; маленькій шалашикъ, изъ пальмовыхъ вѣтвей, фута на три отъ поверхности земли, былъ сгороженъ для тѣхъ, которые казались начальниками, и они беспечно валялись подъ нимъ на рогожкахъ, положивъ головы на деревянную, рѣзную подушку. Обмѣнявшись съ ними нѣсколькими Малайскими словами, я далъ имъ разумѣть, что если они принесутъ къ намъ на корабль припасовъ, либо своихъ издѣльевъ, то получатъ въ замѣну разныхъ Европейскихъ произведеній; они обѣщали явиться на другой день. Было уже слишкомъ пять часовъ; я распрощался съ нашими пріятелями, и вернулся на корабль при захожденіи солнца, весьма довольный своею поѣздкою.»

Дикари сдержали свое слово. На другой день явились они къ кораблю, и непереставали посѣщать Французовъ до самаго отъѣзда ихъ отъ острова, торгуясь весьма честно, и ведя себя самымъ благоприличнымъ образомъ. Черезъ два дни послѣ прогулки Дюрвиля, кадетъ Блоссевиль продолжалъ обозрѣніе мѣстности съ Вилліамсомъ, до самаго жилища Раджи на островѣ, въ южномъ заливѣ, гдѣ нашелъ онъ жителей кроткихъ, робкихъ, похожихъ на тѣхъ дикарей, какіе приплыва-

ли къ кораблю. Явился наконецъ на корабль и самъ Раджа, поднося капитану Дюперре двухъ прекрасныхъ райскихъ птичекъ, но онъ просилъ ружье за корзинку изъ довольно красивой черепахи; на это несогласились, и Раджа увезъ ее обратно.

Жители Вайгіу вообще такъ мало различаются отъ Дорейцовъ, что къ нимъ можно отнести все говоренное нами о жителяхъ Дореи. Надобно только прибавить, что офицеры Раковины нашли въ селеніи, лежащемъ на В. отъ залива, родъ молельни, украшенной множествомъ странныхъ болванчиковъ, размазанныхъ разными красками, убранныхъ перьями и рогожками, и разставленныхъ въ симметрическомъ порядкѣ. Это былъ храмъ шуземцовъ, а болванчики деревянные изображенія боговъ. Впрочемъ, ничего болѣе немогли узнать о религіозныхъ повѣрьяхъ здѣшнихъ дикарей.

Весьма высокій во внутренней области, гористый и почти сплошь лѣсистый, островъ Вайгіу простирается около 66 миль отъ В. къ З. въ длину, и миль на 30-ть, отъ С. къ Ю., въ ширину. Большой заливъ съ юга, врѣзываясь почти до С. берега, какъ будто дѣлитъ землю на двѣ части. Южная половина почти нисколько не вѣдома Европейцамъ. Предѣлы Вайгіу суть: 0° 24′ и 0° 0′ ш. ю. и 127° 49′ — 128° 57′ д. в. —

Къ сѣверу отъ Вайгіу разбросано множество небольшихъ острововъ: *Бони, Равакъ, Манауаранъ,* острова *Энъ* и цѣпь острововъ *Вайагъ*, занимающая протяженіе на 11-ть миль, отъ В. Ю. В. къ

З. С. З., каменистыхъ, лѣсистыхъ и необитаемыхъ. Должно отдѣльно упомянуть объ островѣ *Рунбѣ*, миль 12-ти въ окружности, съ величественнымъ конусомъ горы, которую видите за 15-20 льё разстояніемъ, что даетъ примѣту драгоцѣнную для мореплавателей въ здѣшнихъ моряхъ. Гора эта подъ 0° 2′ ш. ю. и 127° 45′ д. в. (вершина).

На С. отъ Вайгіу, миляхъ въ 20-ти отъ его В. части, является куна *Айу*, маленькіе островки, обложенные мѣлью, миль въ 50-ть окружностью. Форрестъ открылъ эту купу. Онъ посѣтилъ многіе изъ ея острововъ въ 1775 году, и по его разсказу, они заняты Папуйцами, которые питаются рыбою и черепахами. Отъ времени до времени являются они на Вайгіу для добыванія сагу, необходимаго имъ для пищи при другихъ припасахъ. Они привозятъ съ собою женъ и семейства, производя притомъ небольшой торгъ черепахой и салангановыми гнѣздами съ Тернатскими и Амбоинскими Китайцами.

Айу-Баба самый значительный и самый южный островъ изъ всей купы, около 5 миль въ окружности, и до 500 футовъ возвышенія. Форрестъ отличилъ здѣсь трехъ главныхъ спартинъ титулами *Модо, Синаги, Кималага*. У перваго изъ нихъ было много женъ, изъ коихъ двѣ Малайки, похищенныя съ острова Амблу, что близъ Амбоины. Форрестъ изъявилъ удивленіе, что осмѣливаются держать здѣсь въ неволѣ Голландскихъ подданныхъ.

Модо отвѣчалъ, что на своемъ островѣ мало заботится онъ о Голландцахъ, потому что они далеко, и что притомъ у него есть множество средствъ увернуться отъ Голландскаго мщенія. Если-бы, напримѣръ, Голландцы потребовали даже самой головы его—что за бѣда? Имъ пошлютъ голову какого нибудь невольника, который легко можетъ обойдтись безъ нея.

Абду и *Конибаръ*, два важнѣйшіе острова послѣ Айу-Баба, каждый неболѣе 3-хъ миль въ окружности и около 200 футовъ возвышенія. На послѣднемъ есть, какъ говорятъ, насажденія иньямовъ, пататовъ, сахарныхъ тростей и другихъ между тропиковыхъ произведеній природы.

Во время пребыванія Фрейсине на Равакѣ, въ 1818 году, начальникъ Айубабскій прибылъ посѣтить его. Фрейсине означилъ этого старшину въ своемъ описаніи именемъ Моро — вѣроятно, измѣненіе имени Модо.

«Папуйцы, съ которыми имѣли мы сообщеніе — говоритъ Фрейсине — показались намъ вообще смышлеными и умными, но никто изъ нихъ не являлся въ обоихъ отношеніяхъ превосходнѣе Моро, одного изъ начальниковъ острововъ Айу-Баба, прибывшаго на мѣсто нашей стоянки. Онъ легко говорилъ по-Малайски, дѣлалъ намъ тысячи вопросовъ и требовалъ изъясненія на все, что казалось ему у насъ необыкновенно. Убѣдительно просилъ онъ меня уступить ему термометръ. Незнаю, понялъ-ли онъ его употребленіе, но онъ дол-

го говорилъ объ немъ съ товарищами, и какъ будто объяснялъ имъ пользу инструмента.

« Моро ходилъ нагой, только съ простыми лангути изъ фиговой коры; онъ былъ плотенъ и съ прегустыми волосами, какъ всѣ земляки его. Живой и весельчакъ, онъ умѣлъ весьма ловко льстить, когда добирался до какой нибудь вещи, и давалъ мнѣ выразумѣть, что если мы хотимъ видѣть его въ нашемъ обществѣ, то надобно намъ одѣть его благопристойнѣе; въ слѣдствіе сего помаленьку выпросилъ онъ у насъ панталоны, потомъ рубашку, потомъ платокъ повязать на голову, и проч.—Гордясь новымъ своимъ уборомъ, отправился онъ въ заливъ Кабареи, безъ сомнѣнія, хвастать своимъ богатыхъ нарядомъ.

« На другой день возвратился онъ очень рано, съ двумя черепахами, которыя продалъ мнѣ. Съ этихъ поръ сдѣлался онъ нашимъ всегдашнимъ запрапезникомъ, до того, что даже и ночевалъ на кораблѣ. Легко и ловко, такъ что мы изумлялись, изучивалъ онъ наши манеры, и за столомъ употреблялъ ножикъ и вилку, столь-же искусно, какъ мы сами. Правда, что сквозь эту импровизацію образованности, отъ времени до времени, проскакивали остатки его настоящаго состоянія, но при замѣчаніи нашемъ, онъ первый и отъ чистаго сердца начиналъ смѣяться надъ собою. Однажды вздумалось ему выпрокинуть за-разъ цѣлую перечницу въ горсть себѣ и проглотить весь перецъ. Мы думали, что онъ задохнется, но ничего небы-

вало: онъ только похваливалъ потомъ превосходство такой конфетки, повторяя — «Багусъ, багусъ (хорошо, хорошо)!» Съ такимъ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на все, что только было на столѣ, что для удовольствія его согласился я позволить взять ему стаканъ, бутылку, тарелку, и проч., что онъ употреблялъ съ нами. Радость его была полная, когда я подарилъ ему корзиночку, чтобы уклать всѣ его новыя сокровища. Онъ изъявилъ мнѣ свою благодарность подаркомъ нѣсколькихъ жемчужинъ, и самой прелестной изъ привезенныхъ мною изъ здѣшней стороны, райской птички. Недовольствуясь этимъ, оказывалъ онъ намъ значительныя услуги. Насъ безпрестанно окружало множество лодокъ, и онъ сдѣлался нашимъ полицмейстеромъ и нашимъ маклеромъ. Заключая съ дикарями торги, онъ думалъ о нашей пользѣ—правда, выгадывая барыши и себѣ. Если, напримѣръ, мы соглашались дать девять ножей за извѣстное количество припасовъ, онъ говорилъ мнѣ, что довольно пяти, а отдавалъ продавцу только четыре, чѣмъ тотъ оставался доволенъ, мы въ выгодѣ, а пятой ножъ шелъ маклеру нашему. Онъ старался потомъ увѣрять меня, что дѣйствовать такимъ образомъ намъ всего выгоднѣе, и я согласился охотно, смѣясь ловкой хитрости.»

Дюрвиль, въ 1828 году, также занимался географіею купы Айу. Лодки подходили къ кораблю его, но безпокоимый болѣзнями экипажа, онъ нехотѣлъ остановиться въ здѣшнихъ моряхъ. Изъ его наблюденій вышло, что географическіе предѣлы

купы суть: 0° 19′ — 0° 41′ с. ш. и 128° 21′—128° 45′ д. в.

Въ 16 ти миляхъ на С. С. В. отъ острововъ Айу, находится маленькая купа острововъ *Азія*, открытыхъ въ 1805 году военнымъ кораблемъ сего имени. Капитанъ Маккензи видѣлъ ихъ въ 1823 году, а Дюрвиль осмотрѣлъ въ 1828 году. Это три маленькіе, низкіе, лѣсистые острова. Неизвѣстно населены-ли они. Сѣв. широта ихъ 0° 58′, а долг. восточная 128° 48′. —

ГЛАВА LXXXVI.

МАЛЕЗІЯ.—ЦЕЛЕБЕСЪ.

Августа 13-го наша Океанія была на высотахъ острова Вайгіу. Въ слѣдовавшіе затѣмъ дни, Пендлетонъ пустился обходить съ С. островъ *Морти*, одинъ изъ Молукскихъ, чтобы потомъ устремиться къ острову Целебесу. Хотя вѣтеръ довольно постоянно дулъ отъ ю. ю. з., но море было гладко, какъ стекло. Можно было подумать, что мы идемъ по заливу—такъ защита огромныхъ земель дѣлала различнымъ зрѣлище здѣшняго моря отъ Южнаго Океана. Вечеромъ 14-го, мы замѣтили мысъ *Салавай* на остр. *Гилоло*; 15-го обойденъ былъ Морти; 17-го явился передъ нами *Целебесъ*. Впереди корабля выставлялся мысъ *Коффинъ*, кончащій островъ собою на С. В., и маленькіе острова *Банка*, коими онъ обставленъ. За вдавшимся въ море угломъ его, во внутренней области, поднималась гора *Коблатъ*, и другая, *Двѣ Сестры*. Коблатъ образуетъ правильный конусъ, въ ясное вре-

мя видимый изъ чрезвычайной отдаленности. Двѣ Сестры суть два пика, въ половину ниже, но весьма отличительные для приплывающихъ съ этой стороны. Въ трехъ миляхъ на С. В., сѣвернѣе этихъ пиковъ, лежитъ третья гора, на которой видна пустота съ острыми краями, показывающими, что это потухшій волканъ; потомъ еще возвышенность на В., конусовидная, черная, совершенно голая, со всѣми признаками огнедышащей горы. Первую изъ этихъ горъ Дюрвиль назвалъ *Волканомъ*. Вся сія сторона была, кажется, въ прежнее время изрыта подземными огнями, и нельзя почесть невѣроятнымъ, что они и теперь тутъ дымятся гдѣ нибудь.

Августа 18-го, вечеромъ, захваченная штилемъ, Океанія все еще была близъ мыса Коффина. Передъ нами развивался Банкскій проливъ, куда вступили мы на слѣдующій день. Берегъ былъ утесистъ. Мы въ полумилѣ прошли мимо мыса Коффина, четыреграннoй, лѣсистой и невысокой вершины; потомъ, одинъ за другимъ, обогнули острова пролива — Банка, Ганга, Салисъ, Кабруканъ; прошли передъ небольшимъ селеніемъ Ликупангъ, гдѣ видѣли развѣвающійся флагъ Голландскій; обогнули потомъ, въ 200—300 брассахъ, разстоянія С. мысъ Целебеса; увидѣли конусъ Туа-Манадо и маленькіе острова Найнъ, Мантрау, Сіандіенъ и Бунакинъ, а наконецъ спали передъ обширнымъ заливомъ Манадо, величины безмѣрной, но открытымъ и малонадежнымъ, при трудности стать на якорь, ибо глубина про-

спираешся отъ 60-ти до 80 брассовъ въ полукабельтовѣ отъ берега.

Океанія развернула свой флагъ при входѣ въ гавань, и хотѣла уже идти далѣе, когда Нидерландская шлюпка подошла къ намъ. Въ ней были офицеръ и три морскіе солдата, требуя переговора съ капитаномъ нашимъ. Пендлетонъ повелъ посланника въ свою каюту, гдѣ около получаса продолжался родъ совѣта. Слѣдствіемъ его оказалось то, что «поелику» гавань Манадская привиллегированная для Батавскихъ кораблей, то чужеземныя суда обязаны въ ней дорого платить за якорное убѣжище, ограничивая кромѣ того малымъ числомъ дней время стоянки.

Мой Американецъ былъ не такой человѣкъ, чтобы легко поддался на подобныя условія. Онъ вышелъ на палубу взбѣшонный. «Ахъ! Жиды проклятые!» ворчалъ онъ—«да, еслибы они могли продавать воздухъ, которымъ позволяютъ здѣсь дышать, такъ и его подвели-бы подъ таксу! Нѣтъ—моя Океанія непоплатится съ ними ни однимъ піастромъ! Они еще незнаютъ съ кѣмъ имѣютъ дѣло!» — Тутъ оборотился онъ къ офицеру. «М. Г.,» сказалъ онъ ему—«я хотѣлъ было запастись у васъ водою и припасами, но по счету, какой вы изволили мнѣ представить, это будетъ для меня слишкомъ дорого. Я отправляюсь въ Манила.» — Немедленно Океанія легла въ дрейфъ, чтобы нейдти далѣе въ заливъ.

Мы уже положили съ Пендлетономъ, что я останусь въ Манадо. Послѣдняя экспедиція моего

капитана была такъ неудачна, что прежде поворота въ Нью-Іоркъ, онъ хотѣлъ отправиться отсюда къ С. З. берегамъ Америки. Такой планъ для меня вовсе негодился. Часть Малайскихъ земель и великія Австральныя земли были еще мнѣ неизвѣстны. Изученіе ихъ обѣщало мнѣ много важнаго и любопытнаго. Онѣ долженствовали составить одну изъ драгоцѣнныхъ частей моего странническаго журнала. Слѣдовательно, колебаться тутъ было нѣчего. Мнѣ надобно было разстаться съ добрымъ другомъ моимъ, почтеннымъ капитаномъ Океаніи. Чуть незаплакалъ я обнимая его. Онъ былъ также растроганъ.« Мы еще увидимся—говорилъ мнѣ Пендлетонъ—непремѣнно увидимся! Бродяги, намъ подобные, сойдутся, хоть разбросайте ихъ на два конца міра. Гдѣ-бы нибыли, говорите, что вы съ корабля Океаніи — это такая морская рыба, что ее знаютъ по всѣмъ морямъ!» — Пожитки мои снесли въ Нидерландскую шлюпку, которая взялась довезти меня до берега. Я торопился потомъ поскорѣе сойдти съ нашей Океаніи, желая прекратить проводины и « лишнія слезы, » какъ говоритъ пословица. Голландскіе гребцы повлекли меня въ одну сторону; Океанія двинулась въ другую. Нѣсколько минутъ еще видѣлъ я Пендлетона, махавшаго мнѣ своимъ рупоромъ, на что отвѣчалъ я платкомъ. Долго смотрѣлъ я на его красивый корабль, бывшій жилищемъ моимъ чуть не два года сряду, и къ которому я такъ было привыкъ. Но красавица Океанія чуть мелькала уже вдали своими бѣлыми парусами — она уходила,

оставляла меня одного на чужой сторонѣ, и вскорѣ совсѣмъ скрылась изъ виду.

Ласковость Нидерландскаго офицера утѣшила меня немного за грусть такого быстраго разлученія. На половинѣ пути къ берегу, насъ встрѣтила лодка. Въ ней были два Европейца, одѣтые въ бѣлое, на манеръ креольскій, съ преогромными соломенными шляпами на головахъ. Это были два Француза, издавна поселившіеяся въ Манадо, г-да Барбье и Марпенъ. Одинъ изъ нихъ, старый офицеръ Императорскаго флота, былъ въ Индійской экспедиціи на кораблѣ Sémillante; исключенный изъслужбы въ 1815 году, онъ завелъ себѣ маленькую гоелетту, сдѣлался купеческимъ шкиперомъ и производилъ торговлю по Молукскимъ островамъ.

Такая нежданная встрѣча, и ласки, какія оказывали мнѣ земляки мои и Манадскій Резидентъ во время моей кратковременной бытности на Целебесѣ, заставляли меня сожалѣть, что я немогъ удѣлить нѣсколько болѣе времени на опознаніе здѣшней мѣстности. Барбье располагалъ идти къ Амбоину развѣ недѣли черезъ три, и мнѣ, можетъ быть, надлежало-бы оставаться на все это время, хотя первое дѣло мое по прибытіи была забота, какъ выбраться изъ здѣшней Голландской засады на Малайскихъ моряхъ. Вдругъ узналъ я, что военный Голландскій бригъ *Сива*, опредѣленный къ порту Манадскому, получилъ повелѣніе тотчасъ готовиться въ путь, для какихъ-то важныхъ распоряженій въ разныхъ мѣстахъ. Чего-же было ждать и упускать этотъ столь благопріятный случай!

Резидентъ, г-нъ Питермантъ, самъ благосклонно предложилъ мнѣ мѣстечко на бригѣ; я сердечно благодарилъ его. Отправиться надлежало 23-го.

И вотъ только два дня осталось мнѣ для обозрѣнія Целебеса. Благодаря пособію г-на Барбье, я могъ употребить ихъ съ пользою. Нашъ лихой морякъ зарекомендовалъ меня Резиденшу и доставилъ мнѣ отъ него самый ласковый пріемъ. Меня тотчасъ допустили во всѣ здѣшнія забавы, во всѣ общества. На другой день предполагалась поѣздка къ озеру Тондано, полу-ученая, полу-живописная; этимъ хотѣли угостить нѣсколькихъ почетныхъ Голландцовъ, путешественниковъ, подобно мнѣ. По праву странника и меня пригласили на веселую прогулку. Съ благодарностію согласился я. Однѣ сутки предоставлялись мнѣ взглянуть на Манадское прибрежье — я спѣшилъ наглядѣться и замѣтить, что могъ успѣть.

Если смотрѣть съ пристани, Манадо представляется кучею низенькихъ, съ покатыми крышками, хижинъ, надъ которыми возвышается двухъ-этажный домъ, жилище Резидента. Стѣна съ нѣсколькими пушками единственная защита замка, на которомъ развѣвается флагъ Голландскій. Находясь на морскомъ прибрежьи, справа заселеніе прикрыто волнистою цѣпью горъ, отдѣленіе коихъ кончится къ морскому берегу, въ одной, или двухъ льё; направо высится Коблатъ. Въ обѣ стороны тянутся домы особеннаго рода архитектуры, свойственнаго Целебесу, поставленные на четыре-

гранныхъ сваяхъ, построенные изъ досокъ, нерѣдко съ украшенными рѣзьбою окошками. Домы начальниковъ особенно замѣтны по четыресторонному перистилю съ фасада, и по острой кровлѣ, покрытой соломою. Утвердясь здѣсь, Голландцы постарались вводить другаго рода построекъ. Населеніе Манадо, хотя очевидно Малайское, неотличается однакожъ четыреугольнымъ и скуластымъ лицомъ, которымъ ознаменованы народы этого племени на другихъ купахъ. Цвѣтъ кожи здѣшнихъ жителей свѣтлѣе, лицо болѣе кругло, дородность несколь замѣтна. Между внутренними племенами Целебеса такое отличіе должно выражаться еще болѣе.

Августа 21-го, приготовивъ все съ вечера для нашей поѣздки къ озеру Тондано, мы пустились въ дорогу въ $6\frac{1}{2}$ часовъ, въ многочисленномъ обществѣ. Желая почтить гостей своихъ, самъ Резидентъ присоединился къ нашему каравану. Превосходныя лошади, смирныя, но бодрыя, ожидали насъ на дворѣ его жилища. Полтораста служителей, пѣшихъ и конныхъ, долженствовали сопровождать насъ, или нести наши запасы и вещи. Это было княжеское великолѣпіе. Нѣсколько паланкиновъ, съ подставочными по дорогѣ, были предоставлены тѣмъ, кто пожелалъ-бы избрать такой родъ экипажей.

Окрестности Манадо, усѣянныя красивыми домиками, окруженными палисадами изъ саговыхъ деревъ, показались мнѣ восхитительными, при началѣ прекраснаго дня и среди торжественнаго шествія

нашего каравана. Дорога, широкая и удобная, сначала шла по землѣ слегка взволнованной и покрытой безмѣрными лѣсами. Но вскорѣ началась цѣпь высокихъ лѣсистыхъ холмовъ, пересѣкаемыхъ глубокими рытвинами. Привыкшія всходить и сходить по крутизнамъ, обдѣланнымъ въ видѣ лѣстницъ, наши лошади неспотыкались на этихъ остроконечныхъ пикахъ, соединяемыхъ черезъ овраги деревянными мостиками, покрытыми на подобіе Китайскихъ. Представьте себѣ длинный нашъ поѣздъ, человѣкъ изъ полутораста, движущійся по дорогѣ, идущей площадками черезъ выси лѣсистыхъ боковъ крутой горы, гдѣ всадники, бывшіе впереди, уже скакали черезъ мостикъ, а другіе едва только появлялись на шемѣ горы, и между ними растягивались остальные—и вы будете имѣть понятіе о живописномъ разгульѣ нашемъ. Малайцы, приставленные для услуги, неоставляли намъ даже времени пожелать чего нибудь. Во всемъ они предупреждали насъ. Число ихъ было такъ велико, что инымъ даже нѣчего было дѣлать. Тотъ несъ только птичье гнѣздо; другой только бутылку вина, и на каждаго Европейца приходилось къ услугамъ по цѣлой дюжинѣ Малайцовъ.

Такъ перебрались мы черезъ Таванганъ, красивое селеніе Дарескаго кантона, миляхъ въ пяти отъ Манадо. Его капала-балакъ (начальникъ) ѣхалъ съ нами. Потомъ, оставивши за собою высокій пикъ горы Коблата, мы прибыли въ Пассанъ-Гулангъ, гдѣ ожидалъ насъ роскошный завтракъ. Десятка три или четыре туземцовъ, одѣтыхъ въ бѣлое,

вытянувшись въ два ряда, долженствовали составлять нашу почетную стражу. За этими рядами воиновъ являлось нѣсколько здѣшнихъ женщинъ, робѣя, едва смѣя показаться. Хотя молодыя и довольно нарядныя, женщины эти неимѣли ничего привлекательнаго. Ротъ далеко отставленный отъ носа, маленькій, расплюснутый носъ, лицо сжатое отъ верха къ низу — таковъ характеръ кретинизма, выражаемый всѣми этими физіогноміями. Впрочемъ, женщины на здѣшнемъ островѣ, кажется, находятся въ весьма замѣтной степени униженія. Умственное состояніе ихъ непревышаетъ внѣшняго выраженія лицъ. Онѣ больше невольницы, нежели жены, и мужчинамъ позволяется брать ихъ столько, сколько они могутъ прокормить.

За Паунъ-Неренгомъ, почти въ десяти миляхъ отъ Манадо, начинаются мрачные лѣса, высокіе, могущіе, непроницаемые нигдѣ, кромѣ дороги, недавно пробитой попеченіемъ Голландцовъ. Сіи лѣса напоминаютъ Ново-Гвинейскіе, и своими произведеніями, и животными, какія въ нихъ водятся. Только птицы, по видимому, подъ этими величественными сводами болѣе рѣдки и нестоль разнообразны, какъ въ землѣ Папуской, но за то, напротивъ, млекопитающія представляютъ уже большія породы, которыхъ нѣтъ въ Меланезіи. Сюда принадлежатъ бабирусса и сапіутангъ.

Бабирусса въ одно время свинья и кабанъ, ручной, подобно первой, и съ клыками, подобно второму. Комасъ называлъ его *свинья-олень*, а Валентинъ и Зеба представили его изображенія. Формы

его вообще не такъ грубы, какъ у сородныхъ ему животныхъ; цвѣтъ его обыкновенно пепельный-рыжеватый, шерсть коротка и волниста, а кожа мягка и гладка. Бабирусса никогда не мѣшается съ дикими кабанами. Если его преслѣдуютъ, онъ бросается въ море и ныряетъ весьма хорошо. Валентинъ сказываетъ, что онъ не роетъ земли, но питается травами и листьями. — *Сапіутангъ* еще любопытнѣе; онъ походитъ на теленка, или небольшую корову, что показываетъ и самое Малайское имя его (sapi — корова, outang — лѣсная). У него коровье рыло, копыты и общій видъ, и толстые рога, немного загнутые назадъ, вѣсъ его бываетъ до 200 и 300 фунтовъ, и тучность его шѣмъ замѣчательнѣе, что его относятъ къ роду сернъ, подъ именемъ Antilopa depressicornis.

Среди населенія столь замѣчательныхъ животныхъ, изъ растительнаго царства любопытны: *гомуту*, или *саговая пальма* (Румфіусово, saguerus gomutus), великолѣпное дерево, съ иглами только на вершинѣ и между листьевъ, похожее на сагу, съ высокимъ стволомъ въ 30-40 футовъ, голое, гладкое, чрезвычайно прямое, и, подобно финиковой пальмѣ, на вершинѣ прикрытое пукомъ зелени; величественный *арекъ*, восходящій иногда на 80 футовъ вышины; *лингоа*, или pterocarpus, весьма здѣсь обыкновенный; *варинги*, родъ фигъ (ficus), священное дерево Яванцовъ. О геологическомъ составѣ земли можно замѣтить, что оно состоитъ вообще изъ трахита, или разложившагося базальта, покрытаго слоемъ земли растительной, кото-

рый индѣ простирается отъ 15-ти до 20 футовъ. Поверхность рѣдко бываетъ камениста, а песчаной вовсе нѣтъ.

Мы были теперь въ самомъ живописномъ мѣстѣ нашей дороги. Овраги сдѣлались изрытѣе и глубже; ежеминутно надлежало сходить съ лошади; пѣнистые водопротоки, и въ числѣ ихъ Манадскій, безпрерывно перебивали путь. Но перебравшись за эту неровную полосу, мы вступили на Тондаскую плоскость, прелестную площадь, гдѣ зеленѣющіе засѣвы сарачинскаго пшена волновались подъ дуновеніемъ прохладнаго вѣтерка здѣшнихъ высотъ. Тутъ, проѣхавши селеніе Тонсеа-Лама, гдѣ находятся гробницы изъ базальтовыхъ глыбъ, покрытыхъ гіероглифическими фигурами, прибыли мы къ водопаду Манадскому, уже и здѣсь значительному, хотя онъ только что выходитъ изъ озера Тондано. Въ этомъ мѣстѣ, загражденый базальтовымъ утесомъ, потокъ воды грызетъ по немногу свою преграду, такъ, что пробиваетъ ложбину, похожую на каналъ воды къ колесу мѣльницы. Сжатый въ началѣ, онъ усиливается въ паденіи, развивается къ низу сноповъ, и падаетъ съ шумомъ, наполняющимъ всю окрестность, въ бассеинъ, наполненный пѣнистыми отшибами. Стѣны этого бассеина образуютъ черныя скалы, голыя въ ихъ основаніи, но къ верху одѣтыя ковромъ двадцати различныхъ папоротей. Надъ бездною, и въ ея скалистыхъ утесахъ, летаютъ салангановыя ласточки, атласно-голубыя, съ брюшкомъ металлическаго цвѣта. Желая дать зрителю полное наслажденіе

этою сценою природы, одинъ изъ прежнихъ Резиденшовъ построилъ на острой вершинѣ горы, надъ пропастью, какъ будто птичье гнѣздо, прилѣпленное къ уступу, маленькую бесѣдку изъ коры и саговыхъ вѣтвей.

Съ приближеніемъ къ Тондано дорога расширяется, жилища становятся огромнѣе, насажденія значительнѣе. Для нашего почета, съ обѣихъ сторонъ пути стояли ряды воиновъ, съ щитами и деревянными саблями. Многочисленный отрядъ капала-балаковъ, высшихъ начальниковъ, и гоккумовъ, низшихъ старшинъ, ждалъ насъ при въѣздѣ въ маленькій городокъ, красивый, опрятный, щеголеватый, съ обширными и прочными домами, выстянутыми по обоимъ берегамъ рѣки Тондано. Ея теченіе дѣлитъ на двѣ равныя части городъ и окрестности, изъ чего выходитъ дѣленіе на два округа; каждый управляется своимъ капала-балакомъ. Въ 2000 человѣкъ полагаютъ все населеніе Тондано. Одинъ округъ именуется Тондано-Тули-Ангъ, а другой Тондано-Тули-Мамбо. Родовое имя *Тондано*, кажется, происходитъ отъ словъ: *тонъ*-человѣкъ, и *дано*-вода (*водяной человѣкъ*) можетъ быть потому, что большая часть домовъ построена была прежде на сваяхъ. Теперь значительная часть Тондано находится уже на твердой землѣ, но легко распознать по остаткамъ свай, что прежде, дѣйствительно, надъ самыми водами озера лежало все селеніе. Это уничтожилось съ тѣхъ поръ, когда частное возмущеніе принудило Голландцовъ употребить пушки противъ Тонданскихъ

Гарфуровъ, и съ тѣхъ поръ запрещено строиться гдѣ нибудь кромѣ твердаго берега. Позволяютъ только этому народу рыбаковъ приближаться къ водѣ такъ близко, какъ только имъ угодно. Всѣ домы Тонданскіе, съ ихъ загнутыми рогами на крышахъ, на манеръ Китайскій, весьма живописны, отражаясь въ водахъ рѣки и озера.

Мы остановились въ Тондано передъ домомъ Резиденціи, находящемся на островѣ, который составляютъ два рукава Манадо. Это прелестное жилье, обмазанное известкою, построенное, какъ всѣ домы Гарфуровъ, на огромныхъ сваяхъ, возвышающихъ нижній этажъ надъ землею, такъ, что подъ самымъ домомъ образуется обширная галлерея. Едва расположились мы здѣсь, явились туземные старшины отдать намъ почтеніе, то есть, дотронуться до руки, кланяясь, потомъ выпить рюмку араку и удалились. Исполнивши оффиціяльныя вѣжливости, мы приступили къ славному обѣду, изъ озерной рыбы, вкусныхъ раковъ, ловимыхъ въ прѣсной водѣ, и пальмовой капусты вкуса превосходнаго.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, мы были уже на озерѣ, предположивши объѣхать его въ маленькихъ лодкахъ, надъ которыми были устроены листвяные навѣсы. Къ городу, передъ озеромъ, идетъ сначала родъ болота, покрытаго циперами (cypéracées) и высокими злаками, изъ рода arundo, или saccharum, между коими, тамъ и здѣсь, являются блестящіе колокольчики convolvulus, или алые колосья polygonum. За болотомъ разстилает-

ся великолѣпный бассеинъ воды, въ 5-шь или 6 миль, отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В., при двухъ миляхъ средней ширины. Берега, исключая лежащій къ Тондано, срѣзаны, и въ иныхъ мѣстахъ даже крутыя. Цѣпь горъ высится надъ ними, и изъ лежащихъ къ югу, почти сплошь волканическихъ, нѣкоторыя дымятся. Надобно-ли изъ этого заключить, что озеро занимаетъ мѣсто древняго кратера?

Въ сѣверной сторонѣ, около Тондано, озеро неглубже трехъ, или четырехъ брассовъ, но во всѣхъ другихъ мѣстахъ глубина простирается отъ 12-ти до 14-ти, съ замѣчательною ровностью. Еслибы высушить его, образовалась-бы гладкая долина. Вокругъ, по берегамъ, разбросано пять, шесть селеній, обитаемыхъ рыбаками, ладьи которыхъ безпрерывно скользятъ по водной поверхности. Одно изъ этихъ селеній, *Пассунъ*, находясь на удаленномъ прибрежьи, довольно ничтожно на видъ. Вышедши здѣсь, мы увидѣли два огромныя и длинныя бревна, въ которыхъ сдѣланы были многія круглыя углубленія, такъ расположенныя, что пять, шесть человѣкъ съ пестиками могутъ толочь въ нихъ вмѣстѣ сарачинское пшено. Одна изъ сихъ толчей, предназначаемая, какъ говорили намъ, для торжественныхъ случаевъ, была украшена по концамъ двумя болванами, мужчиною и женщиною, весьма отличительными, въ родѣ того ваянія, которое видѣлъ я потомъ въ Новой Зеландіи. Окружности всѣхъ приозерныхъ селеній были покрыты полями съ сарачинскимъ пшеномъ и

богатыми кофейными насажденіями, сборъ съ которыхъ принадлежитъ Голландскому правительству.

Взглянувши на поля и селенія, мы возвратились въ Тондано въ нашихъ лодкахъ, охотясь и рыболовствуя дорогою. Рыбы добыли мы немного, и то посредственной, но въ замѣнъ того настрѣляли множество птицъ, утокъ, султанскихъ и водяныхъ куриць, и особливо цаплей, бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ.

Какъ ни хотѣлось мнѣ продолжить пребываніе среди земли столь прекрасной и въ атмосферѣ столь здоровой, время отъѣзда изъ Манадо приближалось и надлежало оставить Тондано. Возвращаясь по другой дорогѣ, мы проѣзжали богатыми кофейными плантаціями и безконечными загородками съ сарачинскимъ пшеномъ. Первое селеніе на пути нашемъ было Койа; потомъ увидѣли мы большой городъ Томогонъ, населенный Гарфурами. Предувѣдомленные о нашемъ проѣздѣ, жители Томогона приготовили для насъ самыя великолѣпныя свои празднества.

И вотъ, едва только заняли мы мѣста подъ галлереей дома здѣшняго капала-балака, вся арена дѣйствія праздничнаго покрылась народомъ. Поочередно происходили пляски, пантомимы и игры. Первую пляску произвели восемнадцать человѣкъ, одѣтыхъ въ старинный національный костюмъ Гарфурскій. Онъ состоялъ изъ щегольской, шелковой, вышитой золотомъ понявы, которая перевязывалась по поясу, и падала спереди, какъ бахрама

шарфа. На головѣ родъ тюрбана съ райскою птичкою; на шеѣ ожерелья изъ пронизокъ; у колѣнъ подвязки съ погремушками; копье съ плюмажами и рѣзной щитъ. Все это дѣлало Гарфуровъ чѣмъ-то похожимъ на театральныхъ дикихъ, какіе выходятъ на сцену нашихъ спектаклей. Противоположность этой одежды была тѣмъ разительнѣе, что подлѣ находились другіе Гарфуры, гвардейцы губернатора, одѣтые по-Европейски.

Послѣ перваго начался другой танецъ, гораздо живописнѣе и общее. Полтораста, или почти двѣсти молодыхъ Гарфуровъ, въ пестрыхъ саронгахъ (родъ блузы Малайской), съ платками въ видѣ тюрбановъ, съ райскими птичками вмѣсто плюмажей, вдругъ зашевелились, при хлопаньи петардъ, звукѣ гумъ-гумовъ, тамтамовъ и металлическихъ цымбаловъ. Они начали пляскою съ щитами и копьями, исполняя многіе, весьма сложные маневры, по знаку одного въ родѣ главнаго хореграфа — подражали битвѣ, вытягивались цѣпью, змѣились зигзаками, то свивались, то развивались. Послѣ многоразличныхъ переходовъ, сцена кончилась круговою пляскою, сопровождаемая тихимъ, однообразнымъ пѣніемъ. Положивъ правыя руки на плеча своихъ сосѣдей, а въ лѣвыхъ держа щиты, долго продолжали намъ Гарфуры этотъ родъ пляски, соразмѣрной и красивой. Это былъ праздникъ точно во вкусѣ Востока.

Гарфурскій городъ далъ мнѣ случай лучше изучить нравы этого особеннаго народа.

Явно, это отличное поколѣніе отъ племенъ чисто-Малайскихъ, съ кожею болѣе бѣлою, съ лицомъ болѣе круглымъ. Эти два признака замѣтны въ каждомъ Гарфурѣ. Глаза овальные, прямо расположенные, но не узкіе, какъ у Китайцовъ. Волосы черны, прямы, длинны, особливо у мужчинъ. Бороды маленькія. Впрочемъ, цвѣтъ кожи переходитъ, смотря по климату и мѣстности, гдѣ живутъ Гарфуры, въ разные оттѣнки, болѣе темные по берегамъ, и гораздо болѣе свѣтлые внутрь земли. Туземцы, происшедшіе отъ смѣси Гарфуровъ съ Европейцами, имѣютъ формы и фигуру пріятныя. Малорослые, но весьма складные, Гарфуры почти всѣ одѣты по Восточному, хотя немногіе изъ нихъ приняли Исламизмъ. Всѣ женщины одѣваются вполнѣ, и только мужчины-простолюдины ходятъ почти нагіе, просто въ рубашкѣ, или въ передникѣ, закрывающемъ ихъ только съ пояса до колѣнъ. Вообще Гарфуры здѣшніе кротки, добры, гостепріимны, и нисколько неявляютъ той свирѣпости, въ которой упрекаютъ ихъ Молукскихъ и Ново-Гвинейскихъ собратій. Подчиненные Голландцамъ, они повинуются Резиденту, какъ будто полубогу, и когда онъ объѣзжаетъ внутреннія области, праздникамъ конца нѣтъ. Въ нашей прогулкѣ, мы могли видѣть маленькій этому образчикъ.

Религію Гарфуровъ изъяснить довольно трудно. У нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни идоловъ, ни жрецовъ. Вѣра ихъ кажется похожею на Манихеизмъ, подобный Тонгскому. Вѣрятъ они бытію злыхъ духовъ, и для закляпія ихъ налагаютъ на себя произволь-

ные обѣты, напоминающіе иногда строгость Полинезійскихъ табу. Злые духи ихъ имѣютъ множество сходства съ атуа Ново-Зеландскими и готуа Тонгскими. У Гарфуровъ есть особый родъ жрецовъ, или колдуновъ, которые, подобно Римскимъ Аугурамъ, гадаютъ по пѣнію и полету птицъ, и по движенію внутренностей зарѣзанныхъ жертвъ. Часто шарлатанство гадателей до того доходитъ, что они погружаютъ лицо въ парной еще желудокъ жертвы, и показывая потомъ его все окровавленное, предвѣщаютъ будущее мѣрнымъ языкомъ.

До покоренія Голландцами, племена Гарфуровъ, соединенные въ Манадо союзомъ, управлялись начальниками, которые собирались на совѣтъ при дѣлахъ общественныхъ. Овладѣвши землею, Голландцы оставили въ ней старые обычаи. Они подчинили только подтвержденію губернатора назначеніе главныхъ старшинъ (капала-балаковъ), которые въ свою очередь съ позволенія только Резидентовъ утверждаютъ гоккумовъ, или старшинъ по селеніямъ. Множество ограниченій дѣлаютъ то, что туземная власть шѣхъ и другихъ никогда не можетъ сдѣлаться ни грозною, ни опасною для Голландцовъ. Ни одна изъ властей непаслѣдственная, и всѣ капала-балаки подчинены Резиденту, который при первой винѣ можетъ посадить ихъ въ тюрьму. Такимъ образомъ, сіи начальники остаются въ повиновеніи безграничномъ. Никакой невольникъ не могъ-бы быть кротче и послушливѣе. Голландецъ, какой-бы онъ ни былъ, является

чѣмъ-то освященнымъ, и піонерь, посланный съ палкою Губернатора, есть власть державная. Одного этого символа Голландскаго владычества достаточно для внушенія почтительности и немедленнаго исполненія приказовъ.

Послѣ всѣхъ такихъ занимательныхъ наблюденій, мы оставили Томогонъ, и гостепріимный домъ тамошняго капала-балака, одно изъ самыхъ прекрасныхъ, какія только я видалъ, жилищъ, хорошо построенное, хорошо меблированное, съ канапе, современными завоеванію Голландцовъ, и съ серебряною посудою Европейскаго издѣлія. Все пространство земель, видѣнное мною, волканическаго начала, съ грудами базальта, тамъ и сямъ разбросанными, и съ черными огарками по оврагамъ. Но потоковъ лавы нигдѣ не замѣтно. Главные предметы обработки здѣсь суть кофе и сарачинское пшено. Переѣхавши волнистыя плоскости, мы достигли вершины *Гунонгъ-Эмпонгъ* (горы духовъ), прислоненной къ Локонгу, и возвышающейся на 3500 футовъ надъ поверхностью моря. Отсюда явилось передъ нами зрѣлище удивительное. Заливъ Манадскій, его острова, окрестные материки, до самой горы Коблапъ — все было на виду, какъ на ладони. Съ Эмпонга спустились мы къ Лота, гдѣ ожидали насъ угощенія, праздники, пляски. Мѣстечко Лота красиво; широкая и опрятная улица его обставлена съ двухъ сторонъ домами, поставленными на сваи, изъ коихъ нѣкоторыя весьма хорошо вырѣзаны. Тутъ между изваяніями видите Европейцовъ въ калпакахъ и шляпахъ. —

Отсюда въ нѣсколько часовъ, уже весьма поздно, караванъ нашъ достигъ Манадо. Мнѣ едва оставалось время распрощаться съ новыми пріятелями. Опредѣлено было, что Сива съ разсвѣтомъ пустится въ море, и я отправился ночевать на корабль.

Целебесъ обширный островъ, около 200 льё въ длину, продолжаясь отъ самаго экватора почти до 6° широты южной, и составляя такимъ образомъ пространство почти въ 16,000 квадратныхъ льё. Геологически дѣлится онъ на четыре огромныя окраины, образующія четыре полуострова. Политически и по управленію можно раздѣлить его на двѣ части: владѣнія Голландцовъ-собственно и зависящія отъ нихъ земли.

Между первыми должно упомянуть: округи *Манадо* и *Горонтало*, часть которыхъ мы уже видѣли. Манадо управляется прямо Голландцами, а Горонтало правитъ Султанъ, подчиненный Манадскому Резиденту. Оба округа, образуя С. В. полуостровъ Целебеса, богаты произведеніями земли, народонаселеніемъ, и находятся въ состояніи преуспѣвающаго благосостоянія; тутъ собираютъ много кофе, сарачинскаго пшена, добываютъ золото и дѣлаютъ превосходные канаты изъ волокнъ *гумути*. Три главные города обоихъ округовъ суть: Манадо, Горонтало, Кема. — Къ губерніи *Макассарской* причислены многія окружныя области, кромѣ небольшаго округа Макассара, съ его тремя городами, Кампонгъ-Бару, Малайо и Бугисъ. Сверхъ того слѣдуютъ Южные округи, резиденція Бонтенъ (Bonthain), и резиденція Маросъ·

Округъ Макассарскій, прежде сполъ важный, что именемъ его названъ проливъ, и теперь еще главное мѣсто Нидерландскаго владычества на Целебесѣ. Но между шѣмъ это небольшая частица земли, въ 8-мь квадр. льё, съ 15,000 народонаселенія, включая сюда и три острова, лежащіе противъ здѣшняго обширнѣйшаго и безопаснаго залива. Любопытно еще, что нѣтъ никакого города, который назывался-бы Макассаръ. Главный здѣшній городъ, именовавшійся по-Малайски Уджонгъ-Пидангъ, давно уже не существуетъ; на мѣстѣ его крѣпость Роттердамъ и городъ Ваардингенъ, населенный 800 Европейцовъ, чиновниковъ и купцовъ, и гарнизономъ, изъ 300 или 400 человѣкъ. Гражданскую власть составляетъ здѣсь губернаторъ, имѣющій подъ начальствомъ пятерыхъ резидентовъ, живущихъ въ округѣ сѣверномъ, южномъ, въ Булекомба, Бонтенѣ, и на островахъ Самбова и Салайеръ. — *Южные округи* (Zuiderdistricten) образуютъ резиденцію изъ 200 квадр. льё, раздѣленную на 12 управленій (régences) и заключающую въ себѣ до 75,000 жителей. — Округи *Булекомба* и *Бонтенъ*, на пространствѣ 200 квадр. миль, съ 25,000 жителей. — Округъ *Марось* есть превосходная резиденція сего имени, раздѣленная на управленія, изъ коихъ нѣкоторыя были присоединены во время послѣдней войны Англичанъ съ Голландцами къ владѣніямъ Танетитскому и Бонскому, но потомъ опять завоеваны Голландцами и присовокуплены къ ихъ владѣніямъ. Пространство этого округа 230 льё квадр., а число жителей до 100,000.

Зависящія отъ Голландцовъ земли занимаютъ великую часть Целебеса. Можно-бы справедливо даже назвать эту часть вовсе независимою, ибо государи, ею управляющіе, признаютъ владычество Голландское собственно только по формѣ. Вся она дѣлится на множество мѣлкихъ владѣній, безпрерывно еще болѣе раздробляющихся, въ слѣдствіе дѣленія по наслѣдствамъ. Всѣ эти маленькіе царики живутъ между собою довольно согласно, и образуютъ родъ союза, въ которомъ Голландскій Генералъ-Губернаторъ считается «главнымъ союзникомъ.» Права, какія имѣетъ онъ по сему пиштулу, заключаются въ посредничествѣ при спорахъ одного царика съ другимъ. Онъ принимаетъ отъ нихъ присягу въ вѣрности, и при упразднившемся мѣстѣ, выборъ новаго властителя подвергается его подтвержденію; на мореходство туземцовъ выдаетъ онъ пашпорты, и все это больше хлопотливыя, нежели прибыльныя обязанности, болѣе приносящія убытка, нежели пользы.

Непринадлежащія собственно Голландцамъ владѣнія суть:

Манфаръ, раздѣленный между семью союзными между собою властителями. — Владѣнія *Сидеренгъ*. — Царство *Танетть*, на западной сторонѣ острова. — Владѣнія: *Лугу*, *Вадіо* и *Сопенгъ*, на С. отъ залива Бони. Первое, находясь на восточномъ берегу острова, одно изъ самыхъ сильныхъ. Оно занимаетъ почти четверть всего пространства, но числа жителей его опредѣлить невозможно. Что касается до Вадіо и Сопенга, то на простран-

сивъ 200 льё квадратныхъ, они вмѣщаютъ въ себѣ почти 40,000 обитателей. Это самая воздѣланная часть острова. Всѣ сіи царства населены Бугійцами, племенемъ торговымъ и промышленнымъ, которое доставляетъ лучшихъ матрозовъ на Малайскія про и видно повсюду въ моряхъ здѣшнихъ архипелаговъ. — Владѣнія царя *Бонскаго*, весьма населенныя, но бѣдныя, могутъ поставить, по оффиціяльному отчету 1824 года, 40,000 войска; слѣдовательно, здѣсь, на 600 кв. льё, можно положить до 200,000 жителей. Такая сила внушила было властителю Бони желаніе захватить окрестныя владѣнія и произвела войны, которыя прекратились недавно. Безъ вмѣшательства Голландцовъ, завоеватель конечно исполнилъ-бы свои честолюбивыя предпріятія; несмотря на то, кажется, что владѣтели полуострова Баланта (восточнаго), и даже Ю. В., принуждены были признать власть его. Столица Бонскаго властителя, *Байа* содержитъ въ себѣ до 8000 жителей. — Напротивъ, сила царя *Макассарскаго* весьма упала, особливо въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда это царство было однимъ изъ важнѣйшихъ во всей Малезіи. Всѣ путешественники XVII-го вѣка говорили о Макассарцахъ и государѣ ихъ — теперь едва остались слѣды древняго морскаго могущества Макассарскаго. На 300 кв. льё, царство Макассаръ едва-ли имѣетъ 65,000 жителей. Царь живетъ въ городѣ Гоа, или Гоакъ, стѣны котораго были разрушены въ 1778 году. — Область *Телло*, управляется теперь царицею, подвластною царю

Бонскому. — Царство *Турапть* раздѣлено между тремя князьями, прежними вассалами Бони, приобрѣтшими независимость во время войны Англичанъ противъ Бони, въ 1814 году.

Нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ острововъ географически принадлежатъ къ Целебесу. Въ числѣ ихъ должно упомянуть купу *Салайеръ*, раздѣленную между нѣсколькими туземными князьями, признающими власть Голландцовъ; острова *Бутонь*, которыми обладаетъ одинъ султанъ, живущій въ небольшомъ городкѣ Калла-Сузонгъ; островъ *Сангуръ*, на С. оконечности полуострова Манадо; островъ *Ciao*, менѣе предыдущаго, и лежащій отъ него къ югу; островъ *Банка*, весьма небольшой, но изобильный; купу острововъ *Ксулла*, изъ коей Ксулла-Мангала, кажется, самый большой, а Ксулла-Бесси самый малый. На послѣднемъ находится постъ Голландскій.

Почти весь гористый, Целебесъ обиленъ однакожь во всѣхъ частяхъ его. Пока Голландцы, въ слѣдствіе неловкаго разсчета своихъ монополистовъ, неистребили лѣса пряностей, они покрывали всѣ здѣшніе берега. Мушкатныя, гвоздичныя деревья давали богатую сборку. Нынѣ туземныя произведенія ограничены насажденіемъ превосходнаго сорта кофе и разработкою золотыхъ рудниковъ, довольно изобильныхъ. Въ Макассарѣ находятся, кромѣ того, рудники мѣди и олова. Въ лѣсахъ, покрывающихъ островъ, замѣтны строительныя дерева—кедръ, дубъ, кленъ, гебенъ, *фустетъ*,

калембакъ и сандалъ. Растетъ еще здѣсь родъ бамбука, возвышающійся до 40 футовъ, и отъ одного до 3-хъ толщины. Отъ одного мѣста до другаго стволъ его покрытъ узлами, изъ коихъ выходитъ множество вѣтвей, съ листьями, похожими на тростниковые, и съ длинными и твердыми иглами. Изъ молодыхъ вѣтокъ этого дерева дѣлаютъ рагу, а стволъ его служитъ для постройки домовъ. Всѣ плодовыя деревья тропиковъ, пальмовое, хлѣбное, мангіеровое, померанцевое, банановое, орѣховое, растутъ здѣсь лучшихъ породъ. Между полезными деревами и растеніями надобно замѣтить хлопчатую бумагу, кофе, сахарную трость, сарачинское пшено, суходольное и растущее на влажныхъ поляхъ, перецъ, бетель, арекъ; въ огородахъ, подлѣ цикорія, портулака, капусты, рѣдечныхъ Европейскихъ растеній, растутъ папаны и иньямы. Находятся также здѣсь кукуруза, маніокъ, соль, сахарное аренговое дерево, бензуй, табакъ. Прибрежья рыбны, и черепаха составляетъ предметъ значительной торговли.

Покрытый пастбищами, Целебесъ питаетъ множество четвероногихъ. Лошади Макассарскія славны во всей Индіи ихъ красотою, огнемъ и силою; ихъ вывозятъ въ Ява, Калькутту, Кантонъ, иногда даже въ Иль-де-Франсъ, и на всякомъ рынкѣ находятъ имъ скорый и прибыльной сбытъ. Батавскій Генералъ Губернаторъ, нѣсколько лѣтъ тому, вывезъ довольно большое число Целебесскихъ кобылъ для Ганьярскаго завода, и кажется, что отъ смѣси ихъ съ Яванскими лошадьми образова-

лась порода отличная. Другія домашнія животныя здѣсь суть быкъ, корова, коза, овца и свинья. Въ поляхъ множество оленей, кабановъ, бабируссъ, сапіушанговъ, зайцовъ. Обезьянъ обиліе, и онѣ препакостливыя; безъ непрерывной войны съ боа, онѣ выжили-бы людей. Целебесскія боа огромнѣйшія пресмыкающіяся, и нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ до 25 футовъ въ длину и 9 дюймовъ въ толщину, но у нихъ нѣтъ ни зубовъ, ни жала и онѣ не ядовиты. Гибкій языкъ у нихъ въ видѣ вилочки. Спина черными кольцами, съ золотымъ отливомъ, а брюхо бѣло-серебристое. Другія змѣи также безпрестанно воюютъ съ обезьянами, и между прочимъ одна чрезвычайно проворная, подражающая крику дрозда. Есть здѣсь и еще змѣи (serpens devins, удавы), величиною съ боа, преслѣдующія крысъ, мышей и кроповъ, а также и очковая змѣя (cobra di capello), ужасная неменѣе Цейланскихъ, съ сѣро-темною, усѣянною пятнами спиною, пепельнымъ брюхомъ, огненнаго цвѣта глазами, плоскою, покрытою гребнемъ головою, какъ будто какимъ-нибудь шлемомъ, вида отвратительнаго. Породы птицъ здѣшнихъ разнообразны и блестящихъ цвѣтовъ. Орелъ и коршунъ носятся надъ горами. Большія Европейскія вороны покрываютъ весь островъ своими черными стаями. Горлицы, фазаны, утки, водяныя курицы, бѣлыя цапли доставляютъ превосходную дичину. Голубей и куръ неменѣе. Въ лѣсахъ также безконечное различіе попугаевъ — бѣлыхъ какаду, съ діадемою изъ желтыхъ перьевъ, которую сжимаютъ и распускаютъ

они, какъ будто вѣеръ; лори, почти совершенно красныхъ, съ черно-багрянымъ зобомъ; наконецъ зеленыхъ попугаевъ, самыхъ обыкновенныхъ изъ всѣхъ. Другая уважаемая птица есть *теренгулонъ*, величиною едва съ воробья, но съ блестящихъ цвѣтовъ перьями — спиною зеленаго, ярко-изумруднаго цвѣта, брюшкомъ желто-золотымъ, хвостикомъ лазоревымъ, ножками и лапками алыми.

Племена, населяющія Целебесъ, безъ сомнѣнія, различны, хотя мы знаемъ объ нихъ не многое. Надобно опредѣлить прежде всего два главныя различія, прибрежныхъ *Малайцовъ* и внутреннихъ *Гарфуровъ;* первые темнѣе цвѣтомъ и некрасивѣе вторыхъ, лукавѣе, непокорнѣе и беспокойнѣе. Такія противоположности мы уже замѣтили въ Манадо. Но это слишкомъ общее раздѣленіе недостаточно, ибо, не говоря о дальнѣйшихъ частностяхъ, намъ извѣстны на Целебесѣ два прибрежные народа, совершенно различные между собою нравами, обычаями, законами, вѣрою — это *Макассарцы* и *Бугійцы.*

Макассарцы сильны и рослы, любятъ работу и легко переносятъ труды. Черты лица были-бы у нихъ довольно правильны, если-бы, по обычаю, довольно общему на Малайскихъ островахъ, они не придавливали носа дѣтямъ. *Аггуи,* или Музульманскіе священники, занимаются у нихъ воспитаніемъ дѣтей и религіозными обрядами. Мужчины веселаго нрава, ревнивы, хотя и общительны. Женщины скромны и цѣломудренны. Макассарцы любятъ во-

енныя упражненія, военныя пляски при звукахъ гумъ-гумовъ и шамъ-шамовъ, превосходные наѣздники, славно спрѣляютъ изъ лука и ловко управляютъ саблею и кри — почти всегда отравленнымъ.

Пищу Макассарцовъ составляютъ мясо, рыба, вареныя, жареныя, осыпанныя пряностями; они ѣдятъ два раза въ день, въ 9-ть часовъ утра и при захожденіи солнца. Между ѣдою жуютъ бетель и арекъ, куряшъ, пьютъ шербетъ, ароматическій лимонадъ, съ гвоздикою и мушкатомъ. Пальмовка обыкновенное питье за ѣдою. Одежда состоитъ изъ длиннаго камзола, или жилета, который идетъ до колѣнъ, и изъ шароваровъ легкой ткани. Богатые люди носятъ парчевое платье; среднія званія простые передники изъ гинеи. Иногда маленькій плащъ накидывается, сверхъ камзола. На головѣ бываетъ, или шелковый, вышитый калпакъ, или повязка изъ ткани, похожая на Турецкую чалму. Знатные и простолюдины брѣются, но запускаютъ волосы на головѣ. Подобно многимъ племенамъ Малайскимъ, Макассарцы подпиливаютъ и красятъ зубы. Это дѣлается на 12-мъ году. Впрочемъ, весьма опрятные, они употребляютъ бани, какъ всѣ Мугаммедане, и натираютъ себѣ тѣло пахучими мастями. Женщины носятъ кисейныя, съ коротки-ми и узкими рукавами рубашки, которыя застегиваются съ боку, шелковыя шаровары, идущіе до пятокъ, и сверхъ нихъ еще кисейные шаровары. Искусно завиваютъ и заплетаютъ онѣ себѣ волосы; изъ всего можно видѣть, что у Макассарцовъ и одежда и роскошь Востока.

Браки заключаются у нихъ въ 15-ть и 16 лѣтъ. Между людьми богатыми въ обычаѣ, что отецъ жениха строитъ особый домъ для новобрачныхъ. Утромъ въ день свадьбы, женихъ, одѣтый въ лучшее свое платье, и въ сопровожденіи свидѣтеля, идетъ въ мечеть, откуда посылаетъ невѣстѣ подарки. Послѣ исполненія такого обряда, аггуи ведетъ молодаго Макассарца въ храмъ, поучаетъ его обязанностямъ супружества, и спрашиваетъ его: хочетъ-ли онъ взять *такую-то* дѣвушку себѣ женою? Послѣ утвердительнаго отвѣта, беретъ онъ его за руку, а другую протягиваетъ къ свидѣтелю и ведетъ ихъ обоихъ къ невѣстѣ. Ей возобновляется вопросъ: хочешъ-ли имѣть *такого-то* своимъ мужемъ? » Если она скажетъ *да*, аггуи соединяетъ руки ея и жениха, и невѣста даетъ жениху золотое кольцо. Потомъ садятся за столъ, по окончаніи коего запираютъ новобрачныхъ на три дня въ темную комнату, освѣщенную одною лампою. Старая невольница подаетъ имъ ежедневно пищу. По окончаніи срока такого испытанія, молодые могутъ идти жить въ своемъ домѣ, гдѣ большимъ пиромъ оканчивается празднество.

Царство Макассарское, какъ я уже говорилъ, было нѣкогда сильнѣйшимъ въ странахъ Малайскихъ. Процвѣтая въ XVI вѣкѣ, оно имѣло колоніи на многихъ окружныхъ островахъ, многочисленное войско, флоты, сокровища, которыя теперь кажутся изчезнувшими. Есть *царь* Макассарскій, но *царства* уже нѣтъ болѣе. Этотъ властитель простой членъ Целебесскаго союза, бѣдный вассалъ Гол-

ландіи. Войску, состоящему изъ 15,000, платятъ жалованье только въ военное время. Государственное знамя состоитъ изъ бѣлаго съ краснымъ, усѣянныхъ полумѣсяцами, листьями, и золотомъ вышитыми птицами.

Въ половинѣ XVI-го вѣка, Макассарцы были еще идолопоклонниками. Около этого времени, Евангеліе было проповѣдуемо здѣсь Тернатскими купцами, и царь и его подданные, какъ говорятъ, приняли крещеніе отъ Португальцовъ; но черезъ полъстолѣтія потомъ, Исламизмъ проникъ въ здѣшнюю страну, въ слѣдствіе сообщеній Макассарцовъ съ Сумапрскими Ахемами, и съ тѣхъ поръ сдѣлались они изувѣрными поклонниками Магаммеда.

Бугп также Магаммедане, хотя гораздо менѣе въ нихъ нетерпимой ревности, въ сравненіи съ ихъ сосѣдями. Вся морская и промышленная дѣятельность острова кажется сосредоточенною въ рукахъ Бугійцовъ, народа дѣятельнаго и мореходнаго. Они вырабатываютъ безчисленное множество бумажныхъ тканей, синихъ, бѣлыхъ, разныхъ другихъ цвѣтовъ, тканей изъ шелку сырцу, понявъ и дорогихъ рогожекъ. Рыболовство и каботажъ составляютъ самыя главныя занятія Бугійцовъ. Не только плаваютъ они по всѣмъ окрестнымъ купамъ острововъ, въ Молукскія земли, Сумапра, Борнео, Ява, Филиппинскіе острова, но достигаютъ Индійскаго материка, посѣщаютъ Макао, Кантонъ, Мадрасъ, Калькутту, Сурагъ и Бомбай, и про ихъ простираютъ плаваніе даже по Чермному морю. Также Бугійскіе, смѣлые и ловкіе

ловцы ходятъ къ берегамъ Австраліи, и особливо въ заливъ Карпентарскій, ловить трипанговъ, одинъ изъ самыхъ выгоднѣйшихъ предметовъ по торговлѣ съ Китаемъ.

Целебесъ принадлежалъ сначала Португальцамъ, которые утвердились здѣсь съ 1525 года, и поддержались даже послѣ изгнанія ихъ съ Молукскихъ острововъ. Голландцы явились здѣсь не прежде 1660 года, и сохраняли власть свою не столько изъ барышей, какіе получали отъ владѣнія Целебесомъ, сколько боясь, чтобы незахватила этого острова какая нибудь другая морская держава. Во всѣ времена, издержки владычества здѣсь Голландцовъ превышали доходы. Надѣются однакожъ, что реформа, произведенная въ управленіи барономъ Фанъдеръ-Капелленомъ, поставитъ дѣла на лучшую степень. Нелѣпое владычество монополій губило на Целебесѣ всѣ богатства прекраснѣйшей земли; но свободная торговля и промышленность должны отдать ей всѣ выгоды, какія удѣлила ей природа. Впрочемъ, мы обратимся еще къ этому вопросу, когда надобно намъ будетъ бросить общій и заключительный взглядъ на систему управленія, какой столь долгое время были подчинены, такъ называвшіеся прежде, *острова Пряностей*.

До Голландцовъ, въ мѣстной исторіи немного найдется такого, что было-бы достойно вниманія. Народы здѣшнихъ земель, которыхъ вообще называли *Буги*, считали годы по царствованіямъ своихъ государей. Слѣдуя имъ, по исторической хронологіи, какой они донынѣ держатся, 39-ть царей

было въ Гоа-Макассарѣ, съ начала нынѣшней династіи до 1809 года. Слѣдственно, полагая круглымъ числомъ по 13-ти лѣтъ на каждое царствованіе, Макассарское царство имѣло бытія неболѣе 509 лѣтъ, и началось въ XIII-мъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія. Въ 1610 году, сдѣлавшись Мугаммеданами и оживленные духомъ завоеваній, Макассарцы принудили народовъ Бони и Ваджу принять ихъ вѣрованіе. Въ 1640 году, Ламадерама, царь Бонскій, преслѣдуя своихъ подданныхъ стараніями обратить, заставилъ ихъ призвать на помощь Макассарцовъ, которые побѣдили царя Бонскаго и удержали его владѣнія подъ своею зависимостью. Продолжая послѣ сего побѣды свои, Макассарцы покорили Сумбава въ 1650 году, Ксулла и Бутонъ въ 1655 году, и раззорили на семъ островѣ заведенія Голландцовъ. Успѣхи ихъ продолжались до нѣхъ поръ, пока адмиралъ Спельманъ истребилъ флотъ ихъ, состоявшій изъ 600 кораблей, съ 20,000 войска, и уничтожилъ его. Съ того времени утвердилось здѣсь могущество Голландцовъ. Оно восходитъ къ 1672 году, или царствованію раджи Палака, государя Макассарскаго.

ГЛАВА LXXXV.

МАЛЕЗІЯ. — ОСТРОВА МОЛУКСКІЕ.

Нашъ корабль, *Сиса*, подъ начальствомъ капитана Норбоотта, былъ красивый военный бригъ, какіе обыкновенно имѣютъ Голландцы въ здѣшнихъ моряхъ для потребностей колоній. Отправясь 24-го Августа изъ Манадо, мы обогнули, при хорошемъ вѣтрѣ отъ береговъ, острова, кончащіе Целебесъ на С. В., и потомъ, когда находились на достаточной высотѣ, взяли на югъ, чтобы направиться къ Тернату. Такой переходъ, по гладкому морю, подъ прекраснымъ небомъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, на превосходномъ кораблѣ, немогъ ознаменоваться никакими замѣчательными событіями. Мы стали 27-го на Тернатской рейдѣ, имѣя въ виду островъ Тидоръ.

Тернатъ, и близнецъ его *Тидоръ*, суть, хотя оба маленькіе, но важнѣйшіе пункты *купы Гилоло*, извѣстной подъ именемъ *Молукскихъ-собственно* острововъ. На обоихъ возвышаются по горѣ, ко-

ической формы, каждая по 6000 футовъ отъ поверхности моря, и обѣ весьма похожи одна на другую. Нѣсколько малыхъ острововъ, какъ то: « Баньянъ, Мотиръ (названный отъ одного изъ прежнихъ мореплавателей островомъ Сладострастія), Бачіанъ, Макіанъ (на которомъ есть огнедышащій кратеръ, вдоль ребръ горы),» суть кольца, принадлежащія къ одной цѣпи. Султаны Терната и Тидора имѣютъ подвластныя имъ колоніи на большомъ островѣ Гилоло.

Находясь подъ 0° 52′ ш. с. и 125° 12′ д. в. (отъ Парижа), Тернатъ простирается на 10 льё въ окружности. Имъ обладаетъ Магаммеданскій султанъ, великолѣпный *далемъ* (дворецъ) котораго построенъ между городомъ и Нидерландскою крѣпостью, именуемою « Оранская. » Связанный политическими и торговыми договорами съ Голландіею, властитель Терната согласился во времена монополій истребить всѣ пряныя деревья — несчастная и нелѣпая мѣра, которую недавно уничтожилъ баронъ Фанъ-деръ-Капелленъ. Теперь монополія замѣнена тарифомъ. Голландцы скупаютъ на Тернатѣ и Тидорѣ всѣ пряности, платя по 10 су за фунтъ гвоздики, по 12-ти за фунтъ мушкатнаго цвѣта и по 8-ми за фунтъ мушката.

Красивый городъ Тернатъ, построенный амфитеатромъ на прибрежьи, заключаетъ въ себѣ до 5000 жителей. Почва земли плодородна и хорошо производитъ всѣ тропиковыя растенія. Внутренность острова населена спокойнымъ, кротким и

лѣнивымъ народомъ, ибо нуждъ у него мало, и ничто не пробуждаетъ его къ дѣятельности. Моширскіе островитяне дѣлаютъ довольно хорошую глиняную посуду, которую вывозятъ на всѣ окрестные острова. Во всѣ времена, Тернатъ почитался Голландцами весьма значительнымъ мѣстомъ, въ отношеніи торговыхъ видовъ и по своему военному положенію. Это предѣлъ Нидерландской Малезіи. Потому, когда въ послѣднюю войну на него нападали нѣсколько разъ, Тернатъ храбро защищался. Какъ мѣсто промѣновъ, Тернатъ представилъ-бы множество выгодъ, если-бы лучше могли оцѣнить его значеніе. Нидерландское правленіе здѣсь составляютъ Резидентъ, вспомоществуемый секретаремъ и двумя чиновниками. Находятся еще здѣсь Судъ и Сиротское правленіе.

Тидоръ, населеннѣе Терната, съ городомъ сего-же имени, повинуется, подобно сосѣду своему, власти султана, подчиненнаго Голландцамъ. Земля и произведенія здѣсь почти тѣ-же, что на Тернатѣ.

И Тернатскому и Тидорскому султанамъ, какъ уже сказалъ я, принадлежатъ части большаго острова Гилоло, самаго обширнаго изъ Молукскихъ, и въ маломъ видѣ копіи съ Целебеса, ибо онъ также образуетъ четыре полуострова и большіе заливы, также обращенные устьями къ востоку. Срединная часть Гилоло принадлежитъ независимымъ владѣльцамъ. Область *Битіоліе* составляетъ здѣсь владѣніе султана Тернатскаго, а область *Галсла* зависитъ отъ Тидорскаго владѣль-

ца. Въ обоихъ мѣстахъ живутъ теперь Резиденты Голландскіе.

Между другими островами, принадлежащими къ *Молукскимъ-собственно*, замѣчательны: Моширъ Макіанъ, Бачіанъ, о которыхъ я уже упоминалъ; зависящіе отъ Бачіана Типа, Мейа, Мандолли, Тавалли и Даммеръ; наконецъ Церамлаутъ и Горамъ, кажется, образующіе независимое владѣніе; Большой Оби, вассалъ Бачіана; Мисолъ, вассалъ Тидора; Попо, съ принадлежащею къ нему купою Бо; Моршай, одинъ изъ обширнѣйшихъ въ этомъ архипелагѣ, но почти безлюдный и подчиненный султану Тернатскому; Салибабо, купа, раздѣленная между многими владѣльцами, и составленная изъ острововъ Толури, Салибабо и Каброанга; въ заключеніе — *Менгизъ*, купа изъ острововъ Намуза, Каротта, Каркарлангъ, по видимому, наиболѣе относящихся къ Филиппинскимъ, нежели къ Молукскимъ островамъ, потому, что они признаютъ власть султана Минданайскаго.

Нѣсколько часовъ простояли мы у Терната, чтобы взять только депеши Резидента. Постепенно мелькали передъ нами вершины Тавалли, Ксулла-Мангола, Ксулла-Бесси. На высотахъ сего послѣдняго коро-коро прошла мимо насъ, только въ немногихъ кабельтовахъ разстояніемъ. Два, или три человѣка, въ Малайскомъ костюмѣ, стоя на помостѣ, по видимому, отдавали приказанія толпѣ людей, нагихъ, бронзоваго цвѣта, со всклоченными волосами, бѣднымъ работникамъ, истощавшимъ свои усилія на греблѣ пагаями. Спереди

и сзади лодки вѣялись голубые флаги, съ краснымъ треугольникомъ, окруженнымъ голубыми фигурами, похожими на квадраты бубновой масти въ картахъ. Во внутренности треугольника были еще три, или четыре такихъ квадрата. Наконецъ, по срединѣ коро-коро вѣялся третій флагъ, бѣлый, и больше двухъ голубыхъ, съ изображеніемъ въ срединѣ чего-то въ родѣ двухъ ножей, обращенныхъ одинъ къ другому остреями. Безъ сомнѣнія, это былъ гербъ раджи, двойной *парангъ* — имя ножа между Малайскими народами. Для развлеченія скуки повелителей и одушевленія гребцовъ, коро-коро плыла при звукахъ тамъ-тамовъ и гумъ-гумовъ.

Августа 31-го, Сива находилась передъ проливомъ Буру, направилась къ мысу Руба и бросила якорь въ заливѣ Кайели, на 30-ти брассахъ, передъ крѣпостью Защита. Шлюпка пустилась къ берегу, и я отправился на ней, сопровождая къ Резиденту капитана Норботта, съ которымъ мы успѣли подружиться. Резидентъ, г-нъ Янсенъ, принялъ насъ весьма ласково, и мы провели на берегу нѣсколько часовъ. Домъ Резидента, покрытый соломою и состоящій изъ одного этажа, имѣлъ еще родъ внѣшней галлереи, подъ которою можно было укрыться отъ солнечнаго зноя. Садъ, съ богатыми насажденіями, составлялъ какъ-бы продолженіе этого жилища. Неподалеку находились четыре, или пять мечетей, несколь простой архитектуры, съ четыресторонними пирамидками, и съ двумя крышами одна надъ другою; родъ

фриза окружалъ все это, и крыльцо, съ шестью или семью ступенями, вело во внутренность мечети. На верху остроконечной, коническаго вида башни, было украшеніе въ видѣ маслины.

Кайели представляетъ рядъ прелестныхъ видовъ. Обширная, превосходная гавань можетъ вмѣщать цѣлыя эскадры, хотя едва нѣсколько прибрежныхъ корабельщиковъ приходятъ сюда отъ времени до времени. Крѣпость Защиты находится въ хорошемъ состояніи и охраняетъ рейду. Находясь по срединѣ, она обставлена справа и слѣва бамбуковыми хижинами, жилищами Малайцовъ. Большая и довольно населенная, эта колонія представляетъ полукругъ обиталищъ, пересѣкаемый въ разныхъ мѣстахъ ручьями, и осѣняемый великолѣпными ареками, однимъ изъ самыхъ красивыхъ тропиковыхъ деревьевъ. Горы, окружающія Кайели, довольно отдалены отъ прибрежья, такъ, что легко здѣсь ходить по внутренней долинѣ. Слѣдуя тропинкою, которая вьется около крѣпости, можете пройдти на цѣлую льё подъ аллеею жакьеровъ, хлѣбнаго и другихъ деревьевъ, высоты удивительной. Попугаи летаютъ здѣсь многочисленными и блестящими стаями. Имя острова, Малайское, *Буру*, значитъ *птица*, и въ самомъ дѣлѣ здѣсь водятся птицы всѣхъ величинъ и всѣхъ родовъ. Замѣтна здѣшняя лори, уважаемая нашими любителями предметовъ естествознанія, по причинѣ различія и блеска ея оттѣнковъ, птица нѣжная, слабая, которую немогутъ пріучить къ житью въ другихъ климатахъ, болѣе

холодныхъ. Жители Буру воспитываютъ ее и посылаютъ на Амбоинъ и Ява. Живность здѣсь слишкомъ обыкновенна, а яица почти ни почемъ. *Безцѣнность* эта происходитъ отъ плохаго разсчета Голландцовъ, запрещающихъ иностраннымъ кораблямъ остановку при ихъ Молукскихъ владѣніяхъ. Во времена царствованія монополій, когда страшились, чтобы открытіе морскаго порта не подало повода къ запрещенной торговлѣ, такая предосторожность, хотя и нелѣпая, имѣла какую нибудь цѣль, но теперь, когда исключенія, кажется, уничтожаются, и Голландія отъ своей ошибочной системы переходитъ къ основаніямъ выгоднѣйшаго колоніяльнаго хозяйства, для чего эта блокада, оставляющая обильную страну безъ средствъ для сбыта произведеній ея земли?

Во время краткаго нашего пребыванія, Резидентъ угостилъ насъ однакожь нѣсколькими праздничными зрѣлищами. Главное увеселеніе составляла воинская пляска островитянъ Амблу, сосѣдняго и принадлежащаго къ Буру. Она дана была на Кайельской площади. Изъ двухъ плясуновъ, одинъ былъ совершенно нагой, и только въ узкихъ, коротких калесонахъ, какіе надѣваютъ у насъ при купаньи; на головѣ у него была маленькая скуфейка. Другой былъ одѣтъ понявою, нисходящею отъ пояса до колѣнъ, и кромѣ того въ открытой куртке, съ шапкою на головѣ, украшенною металлическимъ уборомъ. Оба, вооружась щитами и родомъ сабель, наносили и отбивали удары, пока музыкантъ, стуча по гумъ-гуму, какъ

будто возбуждалъ и установлялъ мѣру битвы. Она происходила при громкомъ хохотѣ зрителей, ибо плясуны сопровождали ее самыми комическими тѣлодвиженіями и выразительною пантомимою. Послѣ Амблуйской пляски начались народныя пляски Малайцовъ, Папуйцовъ и Гарфуровъ. Сынъ Резидента, котораго прижилъ онъ съ Малайкою, отличался въ этихъ упражненіяхъ. Всѣ сіи пляски, характеромъ и подробностями, напоминали намъ двойное происхожденіе ихъ, Азіятское и Полинезійское, что отзывается здѣсь во всемъ.

Островъ Буру, весьма высокій и крутоберегій, возвышается среди Молукскаго моря, какъ будто стѣна. Онъ гористъ, неровенъ, и во внутренности населенъ Гарфурами, которые не такъ кротки и послушливы, какъ Манадскіе. Привыкая съ дѣтства къ воинскимъ играмъ, эти туземцы всегда недовѣрчиво подавались на ласки Голландцовъ. Они, конечно, не нападаютъ на прибрежныя селенія, ни на крѣпость, ихъ защищающую, но нерѣдко отдѣльные караулы Голландскіе испытываютъ ихъ дерзость. Прибрежное населеніе составляютъ Малайцы и Китайцы, довольно бѣдные. Малайцы исповѣдуютъ Исламизмъ, ходятъ въ мечети, гдѣ иманы поучаютъ ихъ и совершаютъ обрѣзаніе. Могилы ставятся обыкновенно въ какомъ нибудь дикомъ и удаленномъ мѣстѣ; надъ ними строятъ деревянные голбчики, которые влажный климатъ скоро уничтожаетъ. Женщины здѣсь, какъ во всѣхъ Мугаммеданскихъ земляхъ, бываютъ весьма скромны, и бѣгаютъ завидя мужчину. При

чертахъ лица пріятныхъ, длинныхъ, черныхъ, шелковистыхъ волосахъ, живыхъ глазахъ, ногахъ и рукахъ нѣжной формы, онѣ оказываютъ еще особенный вкусъ и особенное кокетство въ нарядѣ; юбочка и епанечка суть главныя части его. Украшенія и ожерелья въ большой модѣ. Безъ оппратительной привычки къ бетелю, придающей черноту ихъ зубамъ и кровавый цвѣтъ губамъ, женщины Бурускія были-бы довольно милыми твореніями.

Между жителями, самые бѣдные занимаются рыболовствомъ; болѣе зажиточные разводятъ малорослыхъ Яванскихъ воловъ и коровъ, которыхъ вывозятъ потомъ на Амбоинъ, гдѣ ихъ потребляютъ. На Буру водится еще рогатый скотъ въ дикомъ состояніи. Кабаны, олени, буйволы и бабируссы, змѣи ядовитые и неядовитые, наполняютъ лѣса внутренніе, гдѣ находятся прекрасные зеленые гебены, Малайскій *каю-пути* (изъ листьевъ коего извлекается каяпутъ), дерева желѣзное и тековое. Безъ сомнѣнія, во мракѣ этихъ лѣсовъ растутъ мускатъ и гвоздика съ начала вѣковъ, вопреки запрещенію Голландцовъ. Атмосфера на Буру весьма влажная; мохомъ обрастаютъ здѣсь деревья, и около ручьевъ и фонтановъ образуетъ онъ зеленыя рамы. Роскошна здѣшняя природа, какъ во всѣхъ экваторіальныхъ странахъ, и прелестна съ ея багряными и золотыми отливами, которыми играютъ по ней лучи солнца.

Мы немогли надолго оставаться ни на одномъ мѣстѣ. По своему назначенію, нашъ бригъ былъ

родъ эстафеты между Зондскими и Молукскими островами, которому надлежало пробывать въ каждомъ второстепенномъ мѣстѣ колоній не болѣе того, сколько потребно для отдачи и взятія депешей. Исполнивъ такое порученіе въ Кайели, мы немедленно пустились далѣе 1-го Сентября. Обогнувъ мысъ Пела, и полавировавши въ проливѣ противъ Ю. Ю.В. и Ю. вѣтровъ, вечеромъ достигли мы высотъ Амблу, маленькаго сопутника большому острову Амбоину, повернули на В. и старались захватить сколько возможно вѣтра, чтобы достигнуть Амбоинской рейды. Но при борьбѣ съ погодою, непрежде 4-го могли мы явиться у входа въ здѣшній заливъ, въ 8-мь часомъ утра. Не болѣе, какъ въ полукабельтовѣ разстояніемъ, прошли мы ушесы Ноесса-Нива, послѣ чего направились къ крѣпости Витторіи. Въ сіи мгновенія почти весь островъ Амбоинъ раскрывался передъ нами, и далеко на море вѣяло благоуханіемъ его гвоздичныхъ лѣсовъ. На зеленомъ и низкомъ прибрежьи видны были купы домовъ и хижинъ, какъ будто прислоненныя къ возвышенной вершинѣ горъ, на которой обиталища были уже болѣе рѣдки и насажденія разсѣянно разбросаны. Крѣпость, съ ея флагомъ на мачтѣ и пушечными амбразурами; рейда, въ видѣ лошадиной подковы, наполненная кораблями, стоявшими на якоряхъ, лодками и коро-корами, бывшими въ движеніи; городъ, вставленный въ раму ландшафтовъ, и вдалекѣ горы острова Церама, ограничивавшія небосклонъ — таково первое зрѣлище, какое являетъ

Амбоинъ мореплавателю, при его приближеніи съ моря. Географическій очеркъ острова придаетъ ему какую-то особенность, ибо, хотя длинный на 20 льё, Амбоинъ пересѣкается на два почти равные полуострова обширнымъ заливомъ, который врѣзывается въ него и даетъ ему видъ лошадиной подковы. По этому дѣленію на двѣ различныя части, Голландцы придаютъ даже особыя названія обоимъ отдѣленіямъ (*Гиту* и *Лейтиморъ*), связаннымъ только узкимъ языкомъ земли, нешире полульё. Море, вливаясь въ отверзтое полукружіе острова, образуетъ въ немъ два залива, оба пригодные для стоянки самыхъ большихъ кораблей. Подлѣ большаго изъ этихъ заливовъ, или южнаго, Португальцы построили крѣпость Виттторію, гдѣ находится теперь гарнизонъ Голландскій. Городъ лежитъ туазовъ на 100 далѣе внутрь земли.

Губернаторская лодка явилась къ нашему кораблю и отвезла насъ на берегъ. Капитану надобно было немедленно отправиться въ Батту-Гаджа, мѣсто пребыванія Губернатора, а офицеры Сивы предложили мнѣ свое руководство въ прогулкахъ по городу. Послѣ осмотрѣнія его, мы положили отправиться въ Батту Гаджа, куда насъ пригласили обѣдать.

Мы остановились прежде всего въ крѣпости, весьма плохой защитницѣ города, построенной Португальцами и разваливающейся. Обыкновенный гарнизонъ ея составляютъ человѣкъ 700, большею частію изъ туземной милиціи. Въ послѣдствіи, на городовомъ плацъ-парадѣ, мы имѣли случай взгля-

нуть на здѣшнее войско. Тамъ, въ одномъ углу, самые обученные изъ воиновъ ходили взводами, примѣнялись къ стрѣльбѣ, производили разные маневры, между тѣмъ, какъ въ другомъ углу туземные конскрипты упражнялись передъ офицеромъ изученіемъ ружейнаго артикула. Все это было хорошо и опрятно одѣто, но составлено изъ здѣшнихъ рекрутовъ, такъ, что едва въ десяти четыре было между ними Европейцовъ, а потому, думаю, плохо пришлось-бы такому войску, если-бы надобно было помѣряться съ Англичанами, либо Французами.

Неподалеку отъ крѣпости, переходя на возвышеніе земли, мы уже могли увидѣть нѣсколько образчиковъ Малайской красоты. Подлѣ водоема, близъ ушеса стояла молодая дѣвушка, пришедшая съ двумя кувшинами за водою, безъ шляпы, съ собранными на верху головы волосами, одѣтая въ платье съ рукавами, похожее на женскую блузу, закрывавшее ее отъ шеи до пятокъ, съ высокими деревянными подставками подъ ноги, которыя держались снурками, продѣтыми между пальцовъ, и подобныя которымъ видалъ я въ Синкапорѣ. Эта дѣвушка была красива, ловка и прелестна. Подлѣ нея стоялъ милицейскій солдатъ, въ полу-мундирѣ, босоногій и съ картузомъ на головѣ. Молодой Малаецъ, бывшій сзади его, дополнялъ эту группу.

Мы продолжали нашу прогулку къ городу, по аллеѣ изъ прекрасныхъ деревьевъ, которую съ обѣихъ сторонъ заслоняютъ красивыя жилища на манеръ Европейскій. Городъ Амбоинъ простирается

по долинѣ полумѣсяцомъ, средину коего занимаетъ отдѣленіе Европейское. Большія зданія, домы, окруженные пышными, огромными галлереями, улицы прямыя, прохладныя, сады съ превосходными деревьями вотъ что представляетъ — эта богатая и привиллегированная часть города.

Малайское отдѣленіе занимаетъ значительное пространство. Если видъ его не такъ богатъ, за то представляетъ оно болѣе живописныхъ частей и естественныхъ красотъ. Тутъ на каждомъ шагу видите прелестно группированныя бамбуковыя хижины, саговыя загородки, среди красивыхъ навѣсовъ и пальмъ, какъ будто наклоняющихся для приданія тѣни весьма красивымъ мечетямъ. Малайское отдѣленіе занимаетъ самая бѣдная часть жителей колоніи, работники Европейцовъ и Китайцовъ, господъ ихъ по силѣ и по уму. Тутъ, по всему протяженію домиковъ, въ нижнемъ этажѣ расположены плохія лавочки, гдѣ торгуютъ мѣлкою рыбою и плодами земли. Главное занятіе Малайцовъ рыбная ловля. Лодки ихъ, обремененныя сѣтями, покрываютъ гавань днемъ и рыболовствуютъ при звукахъ тамъ-тама, которыми, какъ будто придается живость работѣ. Вечерами рейда освѣщена огнями на рыбачьихъ лодкахъ.

Третье и послѣднее отдѣленіе Амбоина Китайское. Эти кочевые торгаши основали здѣсь колонію, какъ основали ихъ въ Синкапурѣ, Манилла, Батавіа, и какъ заведутъ ее вездѣ, гдѣ только увидятъ средство наживы, потому что Китайцы суть на востокѣ тоже, что Жиды на западѣ. Ви-

дѣнные мною здѣсь ничемъ неотличались отъ видѣнныхъ мною въ другихъ мѣстахъ — таже дѣятельность, таже ловкость въ дѣлахъ, тоже опрятство въ раскладкѣ товаровъ, тотъ-же порядокъ въ безмолвныхъ домахъ, гдѣ закупорены ихъ жены. Всего болѣе поразилъ меня кампонгъ, или *базаръ*. Мы пришли туда въ такое время, когда жители города запасаются всякими предметами, необходимыми для дневнаго продовольствія. Тутъ продаются лучшіе плоды, лучшая рыба, лучшія мяса. Находите здѣсь также ткани, предметы роскоши Европейскіе и Китайскіе, зонтики, лаковыя вещи, чай, трипанги, соленую рыбу. Невозможно вообразить себѣ движенія, какое оживляетъ этотъ рынокъ, обширный сарай, поддержанный двадцатью огромными столбами, съ соломенною крышею. Офицеры Голландскіе мѣшаются здѣсь съ Малайскими рыбаками. Китайскіе таможенники, приставленные Губернаторомъ, производятъ неусыпный надзоръ, между тѣмъ, какъ все это вмѣстѣ толчется, толкается, говоритъ, ссорится, вихрится по пространству кампонга. Ночь нелишаетъ базаръ его живости, и напротивъ, въ это-то время особенно собираются здѣсь торгаши. Они остаются до девяти часовъ. Каждая лавка освѣщается однимъ, или двумя факелами, сдѣланными изъ гуммы *даммера*, и обвернутыми въ саговыя листья; такое освѣщеніе производитъ мало копоти и чрезвычайно дешево.

Такимъ образомъ изъ Малайцовъ, Китайцовъ и Европейцовъ составлено населеніе Амбоина. Эти

при различные рода живутъ въ одномъ городѣ почти несмѣшиваясь, если исключишь нѣсколько супружествъ между Китайцами и Малайцами, и небольшое сближеніе Европейскихъ жителей съ красивыми дѣвушками Малайской породы. Несмотря однакожь на разность нравовъ, происхожденій, религій, Амбоинъ тихій и легкій для управленія городъ. Все предусмошрѣно, все предписано для его *десяти-тысячнаго* населенія. Отеческое хладнокровіе Голландцовъ составляетъ законъ — надобно только повиноваться ему.

Когда мы вышли изъ кампонга, было уже шакъ поздно, что едва могли мы поспѣть къ губернаторскому обѣду. Путь къ Батту-Гаджу, помѣстью Губернатора—великолѣпный бульваръ, то обсаженный купами саговыхъ деревьевъ, то идущій между прелестными навѣсами кокосовъ и арековъ, то расположенный между лежащими направо и налѣво рощами, населенными бездной птицъ, мангліеровыми, мангустановыми, составленными изъ *личи*, билимбинговъ, *ланса*, папайеровъ, банановъ, и проч. Хотя у насъ были паланкины и лошади, но я шелъ пѣшкомъ, и никакой въ мірѣ пиръ и праздникъ неусладили-бы меня шакъ, какъ эта прогулка среди богатствъ природы, полной красотъ столь очаровательныхъ и живыхъ. Это былъ ландшафтъ Востока, безконечный, очарованный садъ, какіе волшебницы насаждаютъ въ сказкахъ ударомъ своего прутика. До самаго Батту-Гаджа непрекращалось мое упоеніе. Это прелестное убѣжище прислонено къ горѣ, окружено

густыми садами и перерѣзано во всѣхъ направленіяхъ живыми, свѣжими протоками воды. Его составляетъ множество строеній, расположенныхъ около внутренней загородки, надъ которою высится мачта съ флагомъ. Тутъ обширный сарай на столбахъ, провѣваемая воздухомъ, прохладная галлерея; далѣе самый домъ, гдѣ живетъ Губернаторъ, а потомъ разныя принадлежности. Тамъ и здѣсь мостики, переброшенные по протокамъ, служатъ средствами сообщенія между разными частями этой очаровательной виллы.

Въ аллеѣ нашли мы ожидавшаго насъ нашего капитана. Онъ представилъ насъ Губернатору, человѣку привѣтливому и учтивому. Обѣдъ нашъ былъ веселый, гастрономическій, соединеніе Европейской и колоніяльной роскоши. Опрятность и обиліе, какія любятъ Голландцы, установляли всѣ подробности. За десертомъ въ первый разъ ѣлъ я *дуріоны* и *рамбутаны*. Первый изъ этихъ плодовъ, съ сильнымъ чесночнымъ вкусомъ, немогъ мнѣ понравиться, но второй нашелъ я очень вкуснымъ и похожимъ на личи. Прислугу составляли Малайцы, но одѣтые лучше всѣхъ, какіе до сихъ поръ со мною встрѣчались, обутые, съ круглыми шляпами, а не въ чалмахъ, съ гладко причесанными и завязанными сзади въ пучекъ волосами.

Слѣдующіе дни прошли въ поѣздкахъ по окрестностямъ Амбоина. Сначала видѣли мы Компанейскій садъ, мало представляющій предметовъ замѣчательныхъ. Потомъ могилу славнаго естество-

испытателя Румфіуса, простое надгробіе, окруженное красивымъ кустарникомъ Panax fruticosum. Наконецъ отправились мы въ поля, прекраснѣйшія и богатѣйшія, какія только можно когда либо видѣть. Первое замѣчательное для насъ дерево было саговое (sagouer), изъ срѣзанныхъ цвѣтовъ котораго течетъ вкусный сокъ, собираемый въ бамбуковыя дудки. Каждое изъ такихъ деревьевъ можетъ дать ежедневно, и въ теченіе двухъ мѣсяцовъ, отъ 6-ти до 8 литръ жидкости. Для воспрепятствованія броженію этого напитка жители употребляютъ дерево sonlonnea. Кромѣ питья, изъ него вырабатывается родъ чернаго сахара, называемаго Малайцами *гула-итанъ*, и образующаго кристаллическія лепешечки. Сагу доставляетъ еще волокна, изъ которыхъ вьютъ крѣпкія веревки. По виду и черному цвѣту этихъ волоконъ можно-бы почесть ихъ конскими волосами.

Далѣе увидѣли мы саговое дерево, приготовленное къ выемкѣ сагу. Оно было недавно срублено, въ полъ-метра толщины, и разрѣзано во всю длину. Сагу отчасти было уже изъ него взято. Этотъ родъ пальмы даетъ почти столько-же вещества въ вершинѣ своего ствола, сколько и къ корню. Все оно наполнено мучнистымъ веществомъ, сквозь которое, во всю длину дерева, идутъ волокна. Вынувши эту сердцевину, трутъ ее, кладутъ въ мѣшки изъ ткани въ родѣ канвы, которую плетутъ изъ волоконъ кокосовыхъ листьевъ. Мѣшки промываютъ нѣсколько разъ водою и

въ ней разводится и остается мягкая студень, а въ мѣшкахъ удерживаются отчасти волокна саговыя. Потомъ воду съ сагомъ переливаютъ изъ корыта въ корыто, пока она совершенно очистится отъ волоконъ.

Другія любопытныя прозябенія влекли вниманіе наше. Одно за другимъ замѣтили мы: eleocarpus monogynus, до самыхъ нижнихъ вѣтвей покрытый цвѣтами прелестной формы; много растеній изъ породы орхидовъ; араэліи, означаемыя названіемъ cussonia thyrsiflora; *бегонію*, замѣчательную по мѣлкости ея частей; полные букеты agave vivipara; меластомы, съ ихъ тремя волокнами; canarium commune; *намъ-намъ* (cynometra cauliflora), кислый вкусъ котораго походитъ на сидровое яблоко; пальму *нипа* съ ея употребляемыми для крыши домовъ листами; scevola lobelia, кустарникъ, особенно любящій песчаную почву; heritiera; laurus culilaban (послѣдній даетъ благовонное дорогое масло); erythrina corallodendron; pandanus odoratissima, отъ сферовидныхъ плодовъ котораго сгибаются его вѣтви; eugenia malanensis, averrhoa carambola (съ кислымъ плодомъ), anona muricata, jatorphacurcas (служащій для плетней), *руку*, прекрасное деревцо abroma angusta, и наконецъ, въ нѣкоторыхъ садахъ — Китайское дерево, плюмажный карманшинъ, полосатый подсолнечникъ—всѣ замѣчательныя по красотѣ цвѣтовъ и листьевъ.

Изъ животныхъ замѣтили мы летучую ящерицу, красивое пресмыкающееся, которое, протяги-

вая свои перепончатыя крылья, поддерживается нѣсколько мгновеній на воздухѣ; lacerta amboinensis, животное съ переливающими цвѣтами кожи, подобно хамелеону, и иногда переходящее отъ зеленаго къ самому темному цвѣту; papilio Agamemnon, бабочку съ крыльями великолѣпными, и наконецъ cancer caminus, родъ рака, весьма обыкновеннаго въ водахъ по здѣшнимъ полямъ.

Туземцы въ окрестностяхъ Амбоина суть Малайцы, безъ сомнѣнія, перемѣшанные съ первобытными здѣшними родичами. Мы входили въ одну изъ ихъ хижинъ, просто составленную изъ бамбуковыхъ палокъ, поставленныхъ одна подлѣ другой и покрытыхъ саговыми листьями. Три женщины находились въ этомъ бѣдномъ жилищѣ, и первое движеніе ихъ при видѣ насъ былъ испугъ. Мы попросили ихъ продать намъ что нибудь, но сначала онѣ отвѣчали намъ только словами, означавшими рѣшительный отказъ: «Трада, Трада» (ничего нѣтъ)—говорили всѣ женщины. Такое недовѣріе, вѣроятно, происходило отъ дурной славы, какую пріобрѣли Европейцы въ здѣшнихъ селеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва только мы ласково предложили хозяйкѣ дома нѣсколько бездѣлокъ, она съ избыткомъ заподчивала насъ всѣмъ, чего мы просили. Намъ подали пататовъ, иньямовъ, саговаго, немного забродившаго напитка. Изъ трехъ знакомокъ нашихъ только одна была уже въ лѣтахъ, хозяйка хижины. Двѣ другія, вѣроятно, ея дочери, были молоды, красивы, складны и полуодѣты, такъ, что легко можно было угадать

прелесть всѣхъ формъ ихъ. На нихъ были только рубашки до колѣнъ, подвязанныя поясомъ. На мужчинахъ, между шѣмъ пришедшихъ, были надѣты короткіе калесоны, въ родѣ негритянскихъ лангути, прикрывавшіе имъ средину тѣла. Весь этотъ народъ кротокъ, трезвъ, промышленъ, хотя и беспеченъ. Ихъ жилища почти совершенно сдѣланы изъ саговаго дерева. Кромѣ крышь, и стѣны покрыты листьями его. Съ двухъ сторонъ крыша наклонена на 45°, а часть ея со входа образуетъ маленькій сарай, гдѣ отдыхаютъ на прохладѣ и берегутъ съѣстное. Вмѣсто кроватей, внутри дома подѣланы плетушки изъ палокъ, дюйма на три одна отъ другой положенныхъ. Подъ этими ложами хранится домашняя, хозяйственная утварь — три, четыре горшка здѣшняго издѣлья, нѣсколько бутылокъ, купленныхъ отъ Европейцовъ, ложки, выдѣланныя изъ большихъ раковинъ, обыкновенныхъ на Амбоинѣ, заступъ, ножъ въ родѣ косаря.

Оставивъ эту хижину и обратясь въ городъ, мы увидѣли при подошвѣ горы пробѣжавшихъ съ удивительною скоростью двухъ фалангеровъ. Далѣе путеводители наши указали намъ на одинъ *мате*, погребальный и по обѣщанію строимый туземцами памятникъ. Это обыкновенно маленькіе сараи, съ крышею изъ листьевъ нипа, фута въ два вышиною, поддерживаемые четырьмя бамбуковыми столбиками. По срединѣ крыши увидѣли мы бамбуковый отрубокъ на веревкѣ, прикрытый кокосовою скорлупою. Тутъ положены, какъ говорили

намъ, нѣкоторыя вещи покойника, здѣсь погребеннаго. Кокосъ, бамбукъ, столбики, крыша — все почитается въ маппе священнымъ, и недолжно быть оскверняемо прикосновеніемъ рукъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ городу, насажденія гвоздики и мушката встрѣчали мы болѣе и болѣе важныя. Самыя высокія изъ мушкатныхъ деревъ невосходили однакожъ выше 20 футовъ, но иногда выбѣгаютъ они въ ростъ самыхъ высокихъ перечныхъ деревьевъ. Листья у нихъ попеременные, овальные, на коротких стебелькахъ, жесткіе, гладкіе, зеленые-блестящіе съ одной, бѣловатозеленые съ другой стороны. Растя подобно померанцу и лавру, дерево даетъ плодъ съ 10 ти до 100 лѣтъ.—Гвоздика возрастаетъ въ вышину на 40 футовъ и далеко распростираетъ свои острые листочки. Въ цвѣтахъ его образуется то, что извѣстно у насъ подъ именемъ *гвоздики* (clou de girofle); сборка этихъ гво́здиковъ продолжается съ Ноября до Февраля ежегодно. На Амбоинѣ находятъ еще дикую гвоздику, которая различается отъ насажденной своими болѣе длинными листьями и стволомъ, болѣе высокимъ. Мушкатъ въ дикомъ состояніи также растетъ на островахъ Банда.

Неподалеку отъ города, въ одномъ саду странная музыка увлекла наше вниманіе. Звуки ея были вѣрны и не безъ нѣкоторой мелодіи. Мы приблизились посмотрѣть, какой инструментъ производилъ ихъ, и увидѣли, что это была бамбуковина, въ 60 футовъ длиною, которую утвердили на берегу моря поперегъ, у каждаго колѣнца ея прорѣ-

завъ скважину, въ дюймъ длиною; это образовало отверзтія (embouchures), издававшія пріятный и унылый звукъ, когда вѣтеръ проходилъ сквозь нихъ: мы видѣли родъ Эоловой арфы, изобрѣтенной туземцами; музыка ея производила на чувства дѣйствіе гармоники. Отверзтія прорѣзаны были съ разныхъ сторонъ, такъ, что откуда ни дулъ вѣтеръ, они производили звуки. Подлѣ этой естественной флейты, какъ будто аккомпанируя ей, туземецъ игралъ на инструментѣ въ родѣ скрыпки съ струнами; его составлялъ отрѣзокъ бамбука, съ одной стороны закрытый кожею, какъ барабанъ. Три нити изъ ратановой коры, натянутыя на кобылку, составляли струны инструмента. Крайняя издавала аккорды въ октаву; средняя составляла квинту съ другою. Играли на этомъ маленькою дощечкою съ бамбуковыми нитями. Такой аккомпаньеманъ, хотя и однозвучный, по видимому приводилъ въ восторгъ слушателей, окружавшихъ артиста. Другой изъ здѣшнихъ инструментовъ есть родъ флейты съ загнутымъ концомъ, у которой съ другаго конца двѣ дудочки, съ дырочками на каждой, отъ чего выходятъ звуки унисономъ.

Мои прогулки по окрестностямъ Амбоина ежедневно открывали мнѣ новыя красоты въ этой великолѣпной сторонѣ. Находясь подъ умѣренною широтою, въ климатѣ ровномъ и здоровомъ, Амбоинъ самое благословенное мѣсто изъ острововъ Молукскихъ. Каменистая почва его даетъ жизнь пряностямъ, составляющимъ его богатства. Ребра

горъ его чрезвычайно обильны, а долины и пески приморьевъ его покрыты сагомъ и кокосами. Хотя и съ небольшимъ стараніемъ засѣваемое, сарачинское пшено здѣсь преуспѣваетъ; всѣ опыпы съ кофе и индиго были чрезвычайно удачны; дерево кайу-пути въ изобиліи даетъ лекарственное масло, извѣстное подъ именемъ каяпутоваго. Но самое драгоцѣннѣйшее изъ здѣшнихъ сокровищъ—*гвоздика* (caryophyllus aromaticus), это золотое произведеніе природы, за которое бывало столько кровавыхъ, продолжительныхъ битвъ. Монополія на обработку этого прозябенія стоила много крови архипелагу, и выгоды, какими наградила она хозяевъ, неуравнивались съ ихъ ужасными пожертвованіями. Округи Амбоинскій, Гаруко, Ларикъ, Сапаруа, Гила, были особенно предназначены для возращенія гвоздики. Ихъ подраздѣлили на кантоны, подъ надзоромъ туземныхъ старшинъ, которые имѣютъ титулъ *раджа*, или *патти*, но еще обыкновеннѣе *орангъ-каіа*. Лѣса, или сады въ этихъ кантонахъ, гдѣ находится гвоздичное дерево, именуются по-Малайски *тана-дате*, и ихъ оберегаютъ *орангъ-туа* (старшины), низшіе начальники, которымъ дано право надзирательства, управленія содержаніемъ садовъ и начальства при сборкѣ, продолжающейся два, три мѣсяца. Говорятъ, что среднее количество съемки съ одного дерева бываетъ отъ пяти до шести фунтовъ, хотя бываютъ примѣры, что собираютъ съ дерева до 25 фунтовъ. Гвоздичное дерево великолѣпно, съ его коротпкими вѣтвями, продолговатыми листьями и

темнозеленымъ цвѣтомъ. Въ пятнадцать лѣтъ по выходѣ, оно начинаетъ уже давать плодъ, но въ силу приходитъ двадцати лѣтъ. Гвóздикъ, по-Малайски *тжинке*, сначала бываетъ свѣтло-зеленый, потомъ желто-оранжевый, и наконецъ принимаетъ темный цвѣтъ, что показываетъ зрѣлость его и время съемки. Если хотятъ сохранить его на сѣмя, то оставляютъ его еще на деревѣ цѣлый мѣсяцъ; онъ увеличивается, теряетъ свой ароматическій запахъ и сваливается. Черезъ сутки садятъ его; онъ принимается и пускаетъ ростокъ. Размножаютъ также гвоздику посредствомъ отсадокъ и прививки. Въ обыкновенный годъ, сборъ гвоздики можно положить отъ 250-ти до 300,000 фунтовъ. Иногда это количество далеко увеличивается, но въ иные годы бываетъ гораздо меньше.

Уже съ нѣсколькихъ столѣтій, Амбоинъ былъ исключительнымъ мѣстомъ произращенія гвоздики, и съ немногихъ только годовъ позволили здѣсь насажденіе мушката. Установляя строжайшую монополію изъ двухъ главнѣйшихъ произведеній на *островахъ Пряностей*, Голландцы положили такъ, чтобы одинъ предметъ принадлежалъ одному, а другой другому острову — на долю Амбоина досталась гвоздика, а на долю Банда мушкатъ. Островъ Банда не смѣлъ произрастить ни одного зерна гвоздичнаго, а Амбоинъ ни одного орѣха мушкатнаго. Этого было еще мало: посылали чиновниковъ на всѣ окрестные острова, вырывать и истреблять на нихъ всѣ гвоздичныя и мушкатныя деревья, и жестоко наказывать Малай-

цовъ и Гарфуровъ, когда они осмѣливались посадить, или оставить, хоть одно запрещенное деревцо. Содержали для надзора войско, пускались въ трудные и продолжительные походы, снаряжали дорого стоившія крейсерства, мечемъ и огнемъ истребляли богатства земли, подчиняя ихъ строгому разсчету прибылей. Надлежало строить крѣпости, содержать многочисленные штаты надзора и присмотра, платить убытки и пенсіи туземнымъ владѣльцамъ. Всѣ сіи ошибочные разсчеты исключительныхъ правъ неограничивались удаленными отъ Европы странами. Если система запрещенія на мѣстѣ недостаточна была уменьшить сборку до такой степени, чтобы цѣна пряностей поддержалась сообразно тарифу Компанейскому, въ Амстердамѣ и Гамбургѣ производились торжественныя *аутодафе* невиннымъ жертвамъ демона монополіи и спекуляцій — извѣстное количество корицы, гвоздики и мушката было сожигаемо, чтобы за остальное взять установленную цѣну.

Неподумаете-ли вы, что система, которой слѣдовали столь настойчиво и съ такою жестокостью, осыпала золотомъ цѣхъ, въ чью пользу она была обращаема? Совсѣмъ напротивъ. Никогда Компанія неуспѣвала продать въ Европѣ своего товара на сумму болѣе двухъ милльоновъ флориновъ, между тѣмъ, какъ управленіе, на островахъ Пряностей, и расходы на это управленіе превышали три милльона флориновъ ежегодно. Здѣсь явное доказательство, что исключительныя системы суть орудія обоюду-острыя, равно гибельныя и для поражаемаго

и для поражающаго ими. Уже съ нѣсколькихъ лѣтъ Голландія, по видимому, обратилась къ болѣе здравымъ понятіямъ о коммерческой администраціи колоній. Первымъ шагомъ къ тому была мысль—расширить кругъ дѣятельности производителей и уничтожить стѣснительныя запрещенія. Нѣтъ сомнѣнія, что благоразумная свобода принесетъ Голландіи выгоды значительныя. Этимъ одолжена она будетъ здравымъ понятіямъ о дѣлѣ бывшаго правителя ея колоній барона Фанъ-деръ Капеллена. Теперь остается только опредѣлить постепенность перехода отъ старой системы къ новой; но въ необходимости такого перехода приобрѣтено уже полное убѣжденіе.

Амбоинъ можно считать главнымъ мѣстомъ острововъ Молукскихъ, которые въ свой чередъ зависятъ отъ Генералъ-Губернаторства, учрежденнаго на островѣ Ява. Губернаторъ Амбоинскій имѣетъ подъ своимъ начальствомъ многихъ резидентовъ и вице-резидентовъ, въ Тернатѣ, Банда, Гила, Сапаруа, Ларикѣ, Буру, Церамѣ, Манадо, Горонтало. Ему-же подчиненъ главный администраторъ колоніи (hoofd administrateur), вспомоществуемый нѣсколькими чиновниками, состоящими на небольшомъ жалованьи. Судебныя мѣста расположены по всѣмъ резиденціямъ. Администратору и его чиновникамъ подвластны туземные начальники, *орангъ-каіа*, выбираемые Голландцами преимущественно изъ обращенныхъ въ христіанство. Каждому орангъ-каію подвластно сто человѣкъ. Шпага съ серебрянымъ эфесомъ, даваемая отъ Компаніи, черный Европей-

ский костюмъ, трехъугольная шляпа и башмаки отличаютъ этихъ сотниковъ въ народѣ. Мѣста ихъ наживныя и они неупускаютъ своихъ выгодъ. Управленіе, кроткое, но взыскательное, даетъ средства къ множеству злоупотребленій, изъ которыхъ Малайскіе старшины и Китайскіе сборщики умѣютъ извлекать свою пользу. Не отъ того-ли происходитъ, что стѣсненные въ разныхъ отношеніяхъ, и неучаствуя въ выгодахъ труда своего, Амбоинцы вообще кажутся лѣнивы и беспечны. Они говорятъ Малайскимъ нарѣчіемъ, весьма нѣжнымъ и пріятнымъ. Бетель жуютъ они съ утра до вечера, присовокупляя еще къ тому употребленіе вытяжки изъ горькихъ травъ, извѣстной подъ названіемъ *гамбера*. Пищу составляютъ рыба, мясо, овощи. Общность населенія можно положить въ 50,000 изъ коихъ только тысячи двѣ Европейцовъ; остальное суть Малайцы и Китайцы, и есть еще немного невольниковъ, большею частію изъ Макассара и съ Церама.

Сей послѣдній островъ отдѣляется отъ Амбоина только узкимъ проливомъ. Послѣ Гилоло, Церамъ самый большой изъ всѣхъ Молукскихъ; онъ также самый огромный изъ Амбоинскаго отдѣленія. Значительная часть его зависитъ отъ султана, подвластнаго Голландцамъ. Нынѣшній Султанъ, раджа Илоло, получаетъ даже съ Амбоина пенсію, за то, что онъ принялъ на себя одного истребленіе пиратства, производившагося туземными коро-коро. На сѣверномъ берегу построили для этого властителя крѣпость, послѣ чего легко

ему управиться съ буйными разбойниками. Такая мѣра оказываетъ уже счастливыя слѣдствія. Главныя гавани Церама Савай и Вару. Недавно Голландцы учредили притонъ въ Амилингѣ, близъ Савая. Главные туземные старшины зависятъ частью отъ Амбоинскаго губернатора, а частью отъ Бандскаго резидента. По словамъ Форреста, Церамъ около 67 льё въ длину и 13-14-ть въ ширину. Онъ производитъ саго, и гвоздику, вопреки запрещеній Голландскихъ. Великолѣпныя казуарины покрываютъ его. Потоки прорѣзываютъ во всѣхъ направленіяхъ эту совершенно гористую землю, и безъ деревьевъ, которыя, наклоняясь съ одной вершины холмовъ на другія, образуютъ естественные мосты, внутреннія сообщенія были-бы невозможны. Главныя изъ здѣшнихъ горныхъ вершинъ простираются до 8000 футовъ надъ уровнемъ моря. Казуары обитаютъ въ глубинѣ здѣшнихъ лѣсовъ. И здѣсь, какъ на Целебесѣ, есть во внутренности земель племена Гарфуровъ, но—если вѣрить свирѣпому характеру, какой приписываютъ имъ прежніе путешественники—кромѣ имени, значащаго собственно: «земляной человѣкъ,» никакого сходства нѣтъ между этими дикарями и мирными обитателями Тондано. По разсказамъ Валентина, они ходятъ совершенно нагіе, за исключеніемъ пояса по срединѣ тѣла; цвѣтами и пальмовыми листьями прикрываютъ еще они голову, плеча и колѣна. Квадратные щиты ихъ украшаются слоновою костью, раковинами и перламутромъ. Любовь красавицы приобрѣтаешся между ними только по-

даркомъ пяти, либо шести головъ непріятельскихъ. Для приобрѣтенія подобныхъ знаковъ отличія, Гарфуръ прячется въ лѣсъ, закрывается мохомъ, превращается въ дерево и растеніе, такъ сказать, чтобы обмануть только неосторожнаго путника, дерзающаго идти по лѣсу. Выждавши прохожаго, дикарь бросается сзади, убиваетъ, отрѣзываетъ голову, и шумная радость привѣта встрѣчаетъ его по возвращеніи домой. Монтанусъ, проповѣдникъ Голландскій, разсказываетъ, что одинъ изъ Гарфурскихъ начальниковъ, думая угостить его занимательныхъ зрѣлищемъ, приказалъ начать военную пляску, которая кончилась дракой и убійствомъ. Испуганный пасторъ умолялъ прекратить ужасное позорище. «Ничего» — отвѣчалъ спокойно Гарфуръ — «вѣдь это невольники.»..

Кромѣ Амбоина, Буру и Церама, эта купа заключаетъ еще въ себѣ *Горамъ*, одинъ изъ самыхъ удаленныхъ къ В. пунктовъ, куда могъ проникнуть Исламизмъ, и острова *Гаруко, Манипа, Сапаруа*, и *Нусса-Лаутъ*, подчиненные вполнѣ Голландцамъ.

Намъ остается сказать о купѣ острововъ *Банда*, одной изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ цѣломъ архипелагѣ Молукскомъ, и которую можно назвать *землею мушката*. Тутъ главныя земли: *Банда-Непра* (самый главный и мѣстопребываніе Голландскаго губернатора), *Розингайнъ, Лонтоиръ, Пуло-Аиджъ*, и наконецъ *Гунонгъ-Апи*, на которомъ замѣчателенъ только дѣятельный волканъ. Изъ

всѣхъ самый малонаселенный Розингайнъ, опустѣвшій послѣ истребленія мушкатныхъ деревьевъ. Но говорятъ, что отпущеники изъ неволи недавно заселились тамъ и придали ему нѣкоторую важность.

Три главныя точки здѣсь суть: Банда-Неира, Лонтоиръ и Пуло-Аиджъ, острова, вмѣстѣ съ Гунонгъ-Апи, образующіе прекрасную и надежную рейду Банда, защищаемую крѣпостями Бельгійскою, Нассаускою и Голландіею, которая находится на высотахъ Лонтоира. По разсказамъ Голландскихъ инженеровъ, Банда считалась непреоборимою, и—между тѣмъ сдалась Англичанамъ. Крѣпость Нассау первоначально построенная Португальцами, разваливалась, когда адмиралъ Петеръ Вильгельмъ Фергофе прибылъ въ Неира, 8-го Апрѣля 1609 года, и построилъ ее вновь. Но дѣло необошлось безъ гибели—адмирала и часть его экипажей перерѣзали. Уже въ 1621 году, генералъ губернаторъ Коэнъ, съ нѣсколькими помощными войсками съ Амбоины, достигнулъ покоренія Банда и около лежащихъ острововъ. Въ промежуткахъ времени построили Бельгійскую крѣпость. Безобразная вначалѣ, она была передѣлана въ обширнѣйшемъ видѣ храбрымъ адмираломъ Спельманомъ.

Банда одолженъ своимъ богатствомъ привиллегированному добыванію *буа-пала* (мушкатнаго орѣха) и *камбонгъ-пала* (мациса, или мушкатнаго цвѣта). Дорого платили за это жители нездоровостью климата и гибельными землетрясеніями.

Въ 1691 году, опустошенія огнедышащей горы были столь страшны, сопровождались такимъ разлитіемъ моря на берега, и такими колебаніями всего острова, что часть достаточныхъ жителей бѣжала отсюда на Амбоинъ, Тернатъ и въ Макассаръ.

Каменистая почва Банда кажется ни на что болѣе непригодною, кромѣ исключительнаго насажденія мушката, хотя въ лѣсистыхъ частяхъ ея находится *канари,* изъ котораго извлекаютъ масло лучше кокосоваго, саго, лимонъ, бамбукъ, кокосъ. Ежегодно Банда можетъ выставить до 500,000 фунтовъ мушкатнаго орѣха и до 150-ти мушкатнаго цвѣта (симъ именемъ называютъ внутреннюю оболочку зерна мушкатнаго).

Нигдѣ мушкатное дерево нерастетъ такъ богато, какъ на Банда. Правда, что ему надобно долго разрастаться, и что опыты обработки на другихъ островахъ начаты недавно. Когда цвѣтъ опадетъ съ дерева, образуется вмѣсто его орѣхъ. Онъ растетъ медленно, принимая форму абрикоса. Его зеленожелтоватая кора шелушится и раскрывается; тогда видѣнъ въ ней мушкатный орѣхъ, покрытый мацисомъ, прелестнаго краснаго цвѣта. Среднее годовое произведеніе орѣховъ съ одного дерева около 5-ти и 6 фунтовъ, но есть деревья приносящія отъ 15-ти до 20 фунтовъ. Отдѣленные отъ зеленой коры и мациса, орѣхи кладутся въ дымъ, на плетушкахъ, въ такъ называемыхъ *мушкатникахъ* (kombaisen), зданіяхъ для сего строимыхъ; потомъ отдѣляютъ отъ нихъ внутреннюю шелуху,

и мочатъ ихъ въ известкѣ, разведенной морскою водою. Все это приготовленіе требуетъ безконечныхъ заботъ. Мацисъ также сушатъ, но на солнцѣ и на вѣтрѣ. Если для поспѣшности въ обработкѣ станутъ его дымить, то теряетъ онъ цвѣтъ и потомъ волгнетъ (suinte).

Произращеніе и обработка мушката на Банда различается отъ произращенія и обработки гвоздики на Амбоинѣ. Тамъ занимаются работою шуземцы, а здѣсь креолы, происходящіе отъ Европейцовъ. Здѣсь трудъ удѣлъ невольниковъ, а тамъ свободныхъ людей. Такое различіе пошло издавна. Когда въ 1621 году, Банда-Непра и Лонтоиръ были покорены силою, большая часть шуземныхъ жителей погибла отъ оружія, или бѣжала. Рѣшились дать работниковъ опустѣлымъ островамъ колонизаціею, и Компанія разсудила раздѣлить ихъ всѣмъ Европейцамъ, которые обяжутся ихъ обрабатывать. Единственнымъ условіемъ была исключительная продажа Компаніи всего произведенія пряностей, по установленной цѣнѣ. Но за то Компанія предоставила колонистамъ многія выгоды. Раздѣлили земли на Пуло-Аиджѣ на 31 паркъ, на Лонтоирѣ на 34 парка, на Банда на 3 парка, каждый по 25-ти душъ (ames de terres), то есть, такое пространство, какое могутъ обработать 25 человѣкъ. Вычислено было тогда, что каждый паркъ даетъ хозяину отъ 625-ти до 650 рейхсталеровъ. Поселясь на сихъ условіяхъ, Европейскіе плантажисты накупили невольниковъ и начали обработку мушката.

Надобно сказать, что этотъ опытъ колонизаціи съ правомъ владѣнія землею неоказался удачнымъ. Нетолько мысль о собственности небыла средствомъ возбужденія ревности хозяевъ, но они предоставили всю заботу невольникамъ, опредѣлили для труда самыхъ посредственныхъ, а лучшихъ взяли для прислуги въ своихъ роскошныхъ жилищахъ. Въ слѣдствіе лѣнивой и изнѣженной жизни, почти всѣ *паркисты* (perkeniers, какъ называли колонистовъ) понемногу раззорились, отдавали свои земли въ залогъ (hypothèques), и въ полгода промашивали пяти-лѣтніе доходы. Въ 1796 году, долгъ этой маленькой колоніи составлялъ 300 тысячъ рейхсталеровъ, и если кто изъ колонистовъ остался богатъ, то одолженъ былъ этимъ контрабандѣ. Одинъ изъ такихъ промышленниковъ, страшный богачъ былъ пойманъ, судимъ и осужденъ на работу. Онъ осмѣлился предложить Компаніи 100,000 флориновъ, если ему позволятъ носить золотыя цѣпи, вмѣсто желѣзныхъ.

Послѣдніе изъ замѣчательныхъ острововъ въ Молукскомъ архипелагѣ суть принадлежащіе къ *Юго-западной цѣпи,* множество мѣлкихъ земель, управляемыхъ подвластными Голландцамъ начальниками — *Летти, Моа* (одинъ изъ значительныхъ, снабжающій хорошими овцами), *Даммаръ* (гдѣ огнедышащая гора), *Барберъ* (гдѣ есть притонъ Голландскій), *Сермата, Локкаръ, Киссиръ* (гдѣ Голландцы также имѣютъ притонъ, среди непріязненныхъ жителей), и наконецъ *Веттеръ,* самый большой, но худо населенный, и болѣе принадлежащій къ системѣ

острововъ Сумбава-Тиморской. — Въ *цѣпи Юго-восточной*, также управляемой подчиненными Голландцамъ начальниками, находятся три острова *Кейсъ*, обильные кокосами и померанцами, населенные Малайскою породою, нѣкоторые обычаи которой, какъ-то: обожаніе фетишей, натираніе и бальзамированіе труповъ, сдаются уже на Океанійскіе. Острова *Лаарать* и *Тиморлаутъ* обширны, но ничѣмъ неотличаются и населены миролюбивымъ и лѣнивымъ народомъ. Наконецъ, тутъ-же купа *Арру*, которую нѣкоторые географы относятъ къ Меланезіи—острова населенные и обильные, на которыхъ у Голландцовъ есть много заселеній.

Очевидные признаки земель волканическаго происхожденія знаменуютъ всѣ *Молукскіе*, то есть *Царскіе* острова, ибо слово: «Молукъ» происходитъ отъ Арабскаго «Эль-Мелекъ»—царь. Разорванная поверхность земель, высокіе пики, выходящіе изъ глубины моря, странно разбросанные и поднятые на огромную высоту утесы, множество огнедышащихъ горъ, отчасти потухшихъ, отчасти дѣйствующихъ—все показываетъ, что это страна, нѣкогда и долгое время, колеблемая переворотами, и что—можетъ быть — черезъ какое нибудь неопредѣленное время, ее постигнетъ еще грозный *катаклизмъ*....

Исторія Молукскаго архипелага, до прибытія къ нему Португальцовъ, такъ похожа на баснословіе, что должна внушить сомнѣніе. Все, что мы знаемъ за достовѣрное, состоитъ въ томъ, что въ 1250 году, колонія съ Гилоло утвердилась на Тер-

натѣ, и начала здѣсь династію властителей, изъ коихъ первымъ былъ Хико. Послѣ него слѣдовали: въ 1277 году Поитъ; въ 1298 г. Калабата; въ 1304 г. побѣдительный Комала; въ 1317 г. Пангаранга-Маламо; въ 1322 г. Сида-Аарифъ-Маламо, а послѣ него, одинъ за другимъ—Паджи-Маламо, зарѣзанный въ 1332 году, Шахъ-Алемъ, и еще нѣсколько человѣкъ до Мало-Матъ Хайа, покорившаго острова Ксулло. Въ 1372 г. Комало-Пуло возстановилъ древнюю династію, низверженную съ престола, и сдѣлался самымъ сильнымъ изъ царей Молукскихъ. Послѣ него были, въ 1432 году Гази-Бугуна II-й, а въ 1465 году Маргунъ, принявшій Магаммеданство. Съ этого времени Китайцы, Малайцы, Яванцы посѣщали Тернатъ и торговали тамъ пряностями. Зайналельдинъ, въ 1486 году, завоевалъ Буру, Амбоинъ и Церамъ.

Тутъ исторія Молукская смѣшивается съ исторіею Альбукерка и Португальскихъ мореплавателей. Альфонсъ Суза переходитъ этимъ архипелагомъ; Гарцій Генрикецъ и Бриттіо Галванъ пристаютъ къ нему. Царица, правительница Терната, и Царь Тидорскій спорятъ о чести имѣть въ своихъ владѣніяхъ крѣпость, охраняемую Португальскими войсками. Царица одержала преимущество, и за любовь ея къ чужеземцамъ, Бриттіо наградилъ ее низверженіемъ съ престола, въ 1527 году.

Обвиненный послѣ того въ колдовствѣ своимъ дядею, юный царь Тернатскій убѣжалъ въ Португальскую крѣпость и погибъ здѣсь, стараясь спастись черезъ окошко. Подданные его отказались

снабжать Португальцовъ припасами, и это произвело войну. Начальникъ Португальской эскадры, Менезесъ захватилъ трехъ туземныхъ сшаршинъ, двумъ изъ нихъ отрубилъ правыя руки, а третьяго отдалъ на разтерзаніе двумъ огромнымъ собакамъ. Приведенные въ ярость, туземцы обложили крѣпость и морили гарнизонъ голодомъ. Португальская лѣтопись говоритъ, что для освобожденія надобно было побѣдить 30,000-ю толпу туземныхъ воиновъ, а послѣ такой чудесной побѣды, царя Тернатскаго отправили въ Индію—обращать въ христіанство. Но успѣхи непродолжились. Царь Тернатскій, возвращенный изъ своей ссылки, былъ зарѣзанъ генералъ-губернаторомъ Лопезомъ Мерквито, и Баберъ, сынъ несчастнаго царя убѣжалъ въ горы со всѣмъ своимъ народомъ. Началась война. Въ 1580 году, Бабъ-Улла, царь Тернатскій, успѣлъ изгнать Португальцовъ, и принудилъ ихъ убѣжать на Амбоинъ, гдѣ за полъ-столѣтія прежде св. Францискъ Ксаверій началъ проповѣдь Евангелія.

Около этого времени Голландцы появились въ Индіи, подъ начальствомъ Петербота, перваго генералъ-губернатора Батавійскаго. Они побѣдили Португальцовъ и Англичанъ около 1620-хъ годовъ, утвердились на Молукскихъ островахъ, учредили здѣсь свою систему администраціи и торговли, которая, несмотря на недостатки, простояла цѣлыя столѣтія и едва только начинаетъ измѣняться въ наше время. Царь Тернатскій принужденъ былъ ѣхать въ Батавіа и тамъ подписать трактатъ, которымъ обязался уничтожить въ своихъ

владѣніяхъ мушкатныя и гвоздичныя деревья. Тогоже потребовали и отъ Тидорскаго царя. Наградою за такое пожертвованіе была первому пенсія въ 70,000 ливровъ, а второму въ 13,000 ливровъ.

Послѣ сего, съ той эпохи, когда Стефанъ Фергайеръ и вице-адмиралъ Іаковъ Гемскеркъ заключили первый трактатъ съ орангъ-каіями, то есть, съ первыхъ лѣтъ XVII-го столѣтія, до конца XVIII-го, Голландцы безспорно владѣли островами Пряностей, и удѣляли Европѣ ежегодно такое количество ихъ произведеній, какое находили выгоднымъ для своихъ торговыхъ учетовъ, оставляя безъ вниманія жадность на излишнее требованіе ихъ. Въ теченіе двухъ столѣтій, Голландцовъ тревожили только нѣкоторыя мѣстныя безпокойства, но ловкость генералъ-губернаторовъ Рота, Реинста, Коена и Фанъ-Діемена умѣла укрощать ихъ силою и убѣжденіями. Въ 1796 году начались тревоги гораздо значительнѣе—явились Англичане, и отъ имени Штатгальтера овладѣли всѣми Молукскими островами, Амбоиномъ, Банда, Буру. Только Тернатъ удержался противъ нихъ до 1801 года. На все время, пока продолжалось владычество Англичанъ, плотина монополій, воздвигнутая съ такимъ трудомъ, съ такими пожертвованіями, была уничтожена. Принимая дѣло въ оборотномъ смыслѣ, Англо-Индійская Компанія, вывезла съ 1796-го по 1798 годъ 817,312 фунт. гвоздики, 93,742 фунта мушкатнаго орѣха и 46,730 фунтовъ мушкатнаго цвѣта, несчитая еще здѣсь частныхъ вывозовъ. Трактаты 1814 и 1815 гг.

возвратили Голландцамъ, вмѣстѣ съ ихъ Малайскими владѣніями, всѣ мѣста на Молукскихъ островахъ. Каковъ-бы нибылъ духъ предпріимчивой колонизаціи, показанный Англичанами, должно согласиться, что Англичанъ никогда недостанетъ на эту настойчивость, на это строгое и хладнокровное отеческое правленіе, на эту мѣстную опытность, на эту свычку съ умною экономіею, на все то, что сдѣлало Голландцамъ возможнымъ обладаніе здѣшними архипелагами отдаленными, отъ всякаго пути мореплавателей по здѣшнему Океану. Молукскіе острова затруднили-бы Англичанъ, но они всегда будутъ полезны Голландцамъ, если только Голландія продолжитъ преобразованія, началомъ которыхъ одолжена была она умному здѣшнему правителю Фнаъ-деръ-Капеллену.

Конецъ VIII-й части.

ОПИСАНІЕ

рисунковъ, принадлежащихъ къ *восьмой* части *Всеобщаго путешествія*.

Листы. Изображ.

ОСТРОВЪ ВАНИКОРО.

304. (Листъ CLIV). Селеніе Маневай на остр. Ваникоро (ч. VIII, стр. 30).

306. (Листъ CLV). Дикарская лодка островитянъ (стр. 51).

CLVI. 307. Дикари Ваникорскіе (стр. 49).

308. *Валіе*, алигуи Ванускій, и *Моембо*, арики и жрецъ Маневайскій (стр. 20 и 30).

CLVII. 309. Заливъ Маневайскій (стр. 48).

310. Памятникъ, поставленный Дюмонъ-Дюрвилемъ Лаперузу въ Маневаи (стр. 33).

CLVIII. 311. *Домъ атуа*, или мѣсто складки оружія, совѣщаній и моленій Ваникорцовъ (стр. 51).

312. Шлюпка Астролябіи, достающая изъ моря разныя вещи, на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ Лаперузъ (стр. 29).

CLIX. 313. Дикари Ваникорскіе (стр. 49).

314. Ваникорскій манеръ тереть таро (стр. 50).

Листы. Изображ.

CLX. 315. Гибель Лаперузова корабля, по разсказу Ваникорцовъ (стр. 40).

ОСТРОВА СОЛОМОНОВЫ.

316. Лодка дикарей Арзацидскихъ (стр. 96).

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

CLXI. 317. Гавань Картерета (стр. 157).

318. Водопадъ въ гавани Праслена, на остр. Ламбомѣ (стр. 159).

CLXII. 319. Агвада, или мѣсто налитія водою въ гавани Картерета (стр. 157).

320. Дикари, живущіе близъ гавани Картерета (стр. 162).

CLXIII. 321. Кайманъ, на остр. Кокосовомъ, близъ гавани Картерета (стр. 162).

322. Лодка дикарей, живущихъ близъ гавани Картерета (стр. 162).

ОСТРОВА АДМИРАЛТЕЙСТВА.

CLXIV. 323. Островъ Вендола (стр. 164).

324. Дикари Вендольскіе (стр. 166).

НОВАЯ ГВИНЕЯ.

CLXV. 325. Хижины дикарей въ селеніяхъ Дореи, Куао и Мана-Суари (стр. 209).

326. Дикари въ окрестностяхъ Дореи (стр. 235, 241).

CLXVI. 327. Кузница дикарей Дорейскихъ (стр. 214).

328. Мужчина и женщина въ Дореи (стр. 235, 244).

CLXVII. 329. Похоронный пиръ Дорейцовъ (стр. 212).

330. Самецъ и самка *парадизокъ*, или райскихъ птичекъ (стр. 207).

Листы. Изображ.

CLXVIII. 331. Жилища Арфаковъ, въ окрестностяхъ Дореи (стр. 228, 234).

332. Могила и надгробные памятники Ново-Гвинейскіе (стр. 211).

CLXIX. 333. Лодка Ново-Гвинейская (стр. 212).

334. Колонія Голландцовъ въ Дурга, близъ мыса Вальша (стр. 248).

ОСТРОВА МОЛУКСКІЕ.

CLXX. 335. Часть крѣпости Защита, и жилище Голландскаго Резидента въ Кайели, на остр. Буру (стр. 316).

336. Военная пляска Амблуйскихъ оспровитянъ (стр. 318)

CLXXI. 337. Мечеть Каейльская (стр. 316).

338. Видъ гавани на остр. Амбоинѣ (стр. 321).

CLXXII. 339. Малайская дѣвушка, Малайскій солдатъ и Малаецъ, на остр. Амбоинѣ (стр. 323).

340. *Кампонгъ*, или Китайскій рынокъ на Амбоинѣ (стр. 323).

CLXXIII. 341. *Бату-Гаджа*, загородный домъ Губернатора Амбоинскаго (стр. 326).

342. Площадь Амбоинская, и ученье тамошнихъ солдатъ (стр. 323).

ОСТРОВЪ ЦЕЛЕБЕСЪ.

CLXXIV. 343. Караванъ путешественниковъ по дорогѣ изъ Манадо въ Тондано (стр. 287).

CLXXV. 344. Городъ Манадо и тамошняя крѣпость (стр. 285).

345. Военная пляска Томогонскихъ Гарфуровъ (стр. 295).

CLXXVI. 346. Манадскій водопадъ, вблизи озера Тондано (стр. 290).

347. Видъ города Тондано (стр. 291).

Листы. Изображ.

CLXXVII. 348. Прогулка по Тонданскому озеру (стр. 294).

349. Бабирусса и Сапіутангъ (стр. 288, 289).

CLXXVIII. 350. Домъ Голландскаго Резидента въ Тондано, построенный на манеръ Гарфурскій (стр. 292).

351. Гарфуры Томогонскіе, и регулярные солдаты изъ Гарфуровъ (стр. 294).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Океанія:* острова *Ваникоро, Нитенди, Соломоновы, Новая Ирландія, Новая Британія, Новая Гвинея, Лузіядскіе,* и возвращеніе въ Малезію: *Целебесъ* и *Молукскіе острова.*

ГЛАВА LXXVI. *Островъ Ваникоро. Исторія. Погибель Лаперуза.* Исторія экспедиціи Лаперуза — Лессепсъ; погибель экспедиціи. Изысканія Дантркасто. Мысль Дюмонъ-Дюрвиля — отправка его. Извѣстія Диллона — путешествіе его изъ Индіи, находки на Ваникоро, прибытіе во Францію. Дюмонъ-Дюрвиль у Ваникоро — изысканія; открытіе мѣста Лаперузовой погибели; болѣзни и опасности; памятникъ Лаперузу. Мысли о Лаперузовыхъ спутникахъ. Посылка Ле-Гоарана и малый успѣхъ его экспедиціи..... 7

ГЛАВА LXXVII. *Ваникоро. Географія и нравы.* Открытіе Ваникоро. Посѣщеніе Европейцами. Положеніе, жители — одежда ихъ, пища, жилища, лодки, религія, языкъ, число 47

ГЛАВА LXXVIII. *Нитенди, или Санта-Крузъ, Тупуа, Миндана, Дуффъ, Таумако.* Свиданія и мѣны съ дикарями Нитенди — старшина Мамбо; непріязнь дикарей; колдунъ; неудачная прогулка; отплытіе. — Исторія Нитенди — Миндана и мысль колонизаціи;

Стран.

бишвы и неудачи Испанцовъ. Каршерешъ — высадка и бишвы. Данпркасшо и сношенія его съ дикарями. Диллонъ — сшранный зубъ дикаря. Описаніе Ншенди и окресшныхъ осшрововъ — Тупуа, волканъ Тинакорскій, Миндана, Таумако — разсказъ Квироса. 54

ГЛАВА LXXIX. *Острова Соломоновы.* Осшровъ Сезарга — свиданіе и ссора съ дикарями. Осшровъ Арзацидовъ— дикари. Осшровъ Бука. Прибышіе къ Новой Ирландіи. — Исшорія осшрововъ Соломоновыхъ — ошкрышіе Минданомъ; имена, данныя имъ; свиданія и непріязнь съ дикарями. Посѣщеніе Каршерешомъ и Бугенвилемъ. Сюрвиль — бишвы; дикарь Лова и разсказы его. Шорпіландъ и Данпркасшо. Другіе мореплаватели..... 90

ГЛАВА LXXX. *Острова Соломоновы. Геогрaфія.* Исчисленіе осшрововъ, время ошкрышія, положеніе, видъ и прилежащія мѣли и купы земель..... 127

ГЛАВА LXXXI. *Архипелагъ Соломоновъ. Островъ Побіенія.* Разсказъ Американца Морелля. Ошкрышіе осшрововъ, свиданіе съ дикарями, дружба и ссора. Избіеніе экипажа Американскаго. Возвращеніе Морелля. Новыя бишвы. Приключенія машроза Шау. Замѣчанія о жишеляхъ купы 138

ГЛАВА LXXXII. *Новая Ирландія, Новая Британія и Окрестные Острова.* Гавань Каршереша, заливъ Праслена — водопадъ, прелесшь мѣсша, произведенія, дикари, крокодилъ. Осшр. Амакаша, Новая Бришанія, Адмиралшейсшва — осшровъ Вендола. Плаваніе къ Новой Гвинеи. — Обозрѣніе Новой Бришаніи, Амакаша, Новой Ирландіи, Новаго Ганновера и окресшныхъ архипелаговъ и осшрововъ — время ошкрышія, видъ, положеніе. Разсказы Шушена, Тасмана, Дампіера, Каршереша, Бугенвиля, Маурелля, Данпркасшо, Дюрвиля..... 157

ГЛАВА LXXXIII. *Новая Гвинея, Лузіяда и окрестные острова.* Переходъ къ Новой Гвинеѣ — осшрова и земли; жишели Дорейской гавани, піасшры и райскія пшички; прогулка по берегу; жилища дикарей, религія, поминки, кузница. Осшровъ Вайгіу. Ошбы-

Стран.

шіе къ Молукскимъ островамъ. Новая Гвинея — Исторія — Португальцы, Испанцы, Голландцы, Англичане и Французы, посѣщавшіе ее. Дюперрей и Дюрвиль — выписки изъ Дюрвилева журнала. *Папу* и *Арфаки* или *Гарфуры* — ихъ отношенія между собою. Географія — жители, нравы, языкъ. Лузіядская купа — исторія и географія. Острова Салаваши — разбои жителей. Островъ Вайгіу—пребываніе Фрейсине и Дюперрея —разсказъ Дюрвиля. Островъ Айу-Баба — старшина Моро. Мѣлкія купы..... 193

ГЛАВА LXXXIV. *Малезія. Целебесъ.* Плаваніе къ Целебесу — видъ острова; мысъ Коффинъ, гавань Манадская. Разлука съ Пендлетономъ. Планъ обозрѣнія Малезіи и Австраліи. Городъ Манадо. Прогулка къ озеру Тондано. Горная дорога. Бабирусса и сапіушангъ, водопадъ, селенія и Гарфурскій городъ — празднества, нравы, религія, управленіе. — Отбывшіе отъ Целебеса. Географія его, дѣленіе, положеніе земель, произведенія, жители, Макассарцы и Бугійцы— сложеніе, пища, нравы, управленіе. Исторія Целебеса..... 280

ГЛАВА LXXXV. *Малезія. Острова Молукскіе.* Прибывшіе къ Тернату и Тидору, описаніе ихъ, исчисленіе другихъ острововъ, *Молукскихъ - собственно.* Островъ Буру — Кайели, пляски жителей. Островъ Амбоинъ — видъ его, крѣпость, Малайскій отдѣлъ, Китайцы и базаръ ихъ. Башу-Гаджа, прелесть мѣста, произведенія, посѣщеніе Малайцовъ. Эолова арфа. Мушкатъ и гвоздика — монополіи, управленіе. Островъ Церамъ — Гарфуры. Островъ Банда — мушкатная торговля. Колонисты. Остальные острова Молукскіе. Исторія архипелага Молукскаго..... 342

Описаніе *сорока семи* рисунковъ, принадлежащихъ къ *восьмой* части Всеобщаго Путешествія..... 1

ДЮМОНЪ-ДЮРВИ

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

VIII.

У. Б.